

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Бурханова Мария Владимировна

Поиски национальной идентичности и проблема самоидентификации
в литературе объединённой Германии

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(немецкая)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шарыпина Т.А.

Нижний Новгород, 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Специфика немецкой самоидентификации	18
1.1. Терминологический комплекс понятия «национальная идентичность»	19
1.2. Этапы формирования немецкой идентичности.....	25
1.3. Традиционные немецкие культурные коды.....	32
1.4. Переломная веха в метаморфозах менталитета.....	45
1.4.1 «Одержимость прошлым»	46
1.4.2 Берлинская стена	51
Выводы	64
Глава 2. Специфика <i>Wendeliteratur</i> (литературы «поворота»).....	66
2.1. Восточный бюргер против западного буржуа в контексте объединенной Германии (на примере повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека»).....	73
2.2 Амбивалентный образ ГДР и значение бюргерства в романе У. Телькампа «Башня»	85
2.2.1 Структура романа	88
2.2.2 Система персонажей.....	90
2.2.3 Образ города	93
2.3 Ключевые черты немецкой ментальности в романе Л. Зайлера «Крузо».....	102
2.3.1 Структура романа	102
2.3.2 Система персонажей.....	105
2.3.3 Образ острова Хиддензе	120
Выводы	129
Глава 3. Традиции классической литературы в произведениях Ф.К. Делиуса, У. Телькампа, Л. Зайлера	134
3.1 Поэтические аллюзии в романе Л. Зайлера «Крузо»	134
3.2 Утопические и антиутопические тенденции в романах У. Телькампа «Башня» и Л. Зайлера «Крузо».....	143
3.2.1 Утопия «башенников» и антиутопия ГДР.....	145
3.2.2 Утопия и антиутопия острова Хиддензе	152
3.3 Наследие И.В. Гете и Т. Манна в художественной практике У. Телькампа	160
3.3.1 Традиции романа воспитания.....	161
3.3.2 Идеи просвещенного бюргерства	165
Выводы	169
Заключение.....	170
Библиография	179
Приложение	207

Введение

Литература Германии последовательно запечатлевает и художественно обрабатывает каждое явление, которое, так или иначе, повлияло на самоопределение немецкого народа в мировой истории, в том числе драматические и эпохальные для немцев события второй половины столетия. Поиски современной немецкой идентичности становятся одной из актуальных проблем в литературе объединённой Германии. Деятели культуры осмысливают ментальные и социокультурные итоги существования и объединения двух полярных государств, исследуя новое художественное пространство.

В определении особенностей нации решающую роль играет история. Помимо общего географического ландшафта, общего языка, религии и обязательства жить вместе, это «наличие общего богатого наследия воспоминаний» из «долгого времени усилий, жертв и посвящений»¹, которое составляет суть национального характера. Аналогичной точки зрения придерживается Ю. Хабермас, описывая «тяжелое распутывание сетки семейных, местных, политических и интеллектуальных традиций».² Однако прошлое работает положительно для личности или коллективной идентичности настолько долго, насколько человек или нация считает традиции, предоставленные историей, достойными похвалы и ценными для формирования настоящего.

Обращаясь к истории немецкой идентичности, стоит отметить, что в первые послевоенные годы и последующие десятилетия разделения в восприятии немцев доминировал переломный 1945 год. Первоначально многие немцы переживали его как крах нации: нацистская диктатура воспринималась как катастрофическая кульминация или даже как синоним немецкой истории в целом. Отказ от прошлого национал-социализма Германии представляет собой ключ к пониманию обеих частей разделенного государства — Федеративная Республика

¹ Renan E., Qu'est-ce qu'une nation? – Paris: Calmann Lévy, 1882. – 26 P.

² Habermas J. Vom öffentlichen Gebrauch der Historie. Das offizielle Selbstverständnis der Bundesrepublik bricht auf // "Historikerstreit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München: R. Piper Verlag, 1987. S. 243–255

Германии и Германская Демократическая Республика стремились оправдать свое демократическое самосознание и историческую легитимность посредством отрицания своего предшественника, Третьего Рейха³.

Для поколения В. Борхерта, В. Кёппена, Г. Грасса, К. Вольф после 1945 года такая позитивная идентификация с немецкой историей стала невозможной. Восточногерманская писательница Криста Вольф, например, отмечала, насколько трудно забыть связь с такой отрицательной формой идентификации.⁴ Более того, в послевоенные годы она надеялась, как и многие из ее поколения, больше не быть немкой (“keine Deutsche sein zu müssen” // Rede vom Auslöffeln, Wochenpost, 1994.).⁵ В 1945 году немецкая нация, таким образом, столкнулась с расщеплением идентичности.

Далее, в период 1949-1990 год, немцы оказываются в феноменальной исторической ситуации – государственная и культурная идентичность перестают соответствовать друг другу. Символом этой раздвоенности становится Берлинская стена. По результатам этого разделения актуализируется проблема поиска немецкой идентичности. После воссоединения Германии, знакового события в истории страны, в коллективной памяти немцев 1989 год зафиксирован как переломный момент.⁶

После 1989-го года вновь стало возможным создать целостное культурно-экономическое пространство. Однако на уровне национальной самоидентификации процесс объединения воспринимается неоднозначно и противоречиво. Как в публицистической, так и в художественной литературе важная роль отводится вопросу, сколько времени займет объединение на ментальном уровне. Люди, жившие на Востоке, приобрели какой-то особенный, повлиявший на их мировоззрение, опыт, недоступный бывшим жителям Запада. Писатели улавливают это ощущение разделенности, непохожести. В современной немецкоязычной литературе прорабатываются новые темы и образы,

³ Бондарь И.А. Денацификация Германии в творчестве немецких писателей XX века // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2017. – № 2. – С. 59–68.

⁴ Wolf C., Überlegungen zum 1. September 1939. – Frankfurt am Main: Luchterhand, 1990. – S. 72.

⁵ Brunssen F. Das neue Selbstverständnis der Berliner Republik. – Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2005. – S. 139

⁶ Weidenfeld W., Korte K.-R. Die Deutschen. Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – S. 152.

например тема противостояния и единства психологического портрета западного и восточного немца (Т. Бруссиг, Й. Шпаршу, Г. Грасс, Л. Зайлер, Ф.К. Делиус). Особенно интересен своей многогранностью образ Восточной Германии, который переосмысливается как Востоком, так и Западом. Восточная Германия притягивает многих писателей и становится одной из наиболее интересных и одновременно сложных тем современной немецкой литературы. Исследование восточногерманского прошлого помогает правильно осмыслить западно-восточное немецкое противостояние и последствия объединения.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, усиливающимися в последнее время в европейской культуре и литературе тенденциями в области поиска национальной идентичности и национальной основы искусства; во-вторых, необходимостью исследования истоков очередного этапа в формировании немецкой ментальности, обозначенных в немецкоязычной литературе рубежа XX–XXI вв., в выявлении специфики отображения в литературе исторических процессов Германии второй половины XX в.

Научная новизна связана с тем, что проблема национальной самоидентификации в литературе объединенной Германии не стала пока предметом монографического изучения в отечественном литературоведении. В научный оборот вводятся не переведенные на русский язык и практически не изученные в отечественной и зарубежной германистике произведения У. Телькампа «Башня. История с затонувшей земли» (“Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land”)⁷ и Ф. К. Делиуса «Груши Риббека» (“Die Birnen von Ribbeck”), наиболее полно раскрывающие меняющуюся и дополняющуюся модель национальной немецкой идентичности, а также критические статьи немецкоязычных исследователей, посвящённые отдельным авторам и их произведениям. Уточняется и расширяется терминологический комплекс, входящий в понятие «национальная идентичность». Проблема поиска немецкой идентичности

⁷ На русский язык переведены отрывки из романа. Баскакова Т.А. Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа): ЛитМир Электронная библиотека. [Электронный ресурс].

рассматривается через призму междисциплинарного подхода, что восполняет пробел в исследовании литературы объединенной Германии.

В отношении **степени изученности** проблемы следует отметить, что в литературоведении в настоящее время значительное место занимает исследование национальных кодов отдельных европейских литератур.^{8,9,10,11} Сравнительно-типологическое изучение особенностей проявления новой немецкой национальной идентичности, складывающейся на пороге XXI века, актуально и перспективно как в отечественной, так и зарубежной германистике. В современной отечественной гуманитарной науке среди научных работ теоретического характера по исследованию проблемы национальной идентичности особое значение имеют идеи, заложенные в трудах М.К. Поповой¹², О.Б. Кафановой, А.В. Костиной. В своих работах М.К. Попова анализирует воздействие национальной идентичности на литературу как вид искусства, различая при этом такие понятия, как национальная идентичность, национальная ментальность и национальное своеобразие. М.К. Попова концентрирует внимание на таких вопросах, как необходимость исследования художественных средств и приемов, которые наиболее адекватно отражают специфику национального менталитета, необходимость выявления и изучения представлений о национальности, заложенных в стереотипах. Статья О.Б. Кафановой¹³ интересна с точки зрения теоретического осмысления актуальных вопросов изучения национально-культурных кодов в XX столетии. Коллективный многотомный труд «История литературы Германии: XX век», подготовленный в Институте

⁸ Шарыпина, Т.А. Европейское литературное сознание в поисках новой идентичности (по итогам конференции «Национальные коды в западноевропейской литературе XX и XXI веков»), – Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-1. С. 390-397.

⁹ Рацибурская Л.В., Шарыпина Т.А. Актуальные проблемы изучения западноевропейской и русской ментальности (по итогам всероссийской научной конференции «Национальные коды в языке и литературе. Особенности концептосферы национальной культуры») // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 1. С. 22-33.

¹⁰ Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI веков: коллективная монография. — Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2016. 677 с.

¹¹ Худолей Н.В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации // Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, Россия [Электронный ресурс]

¹² Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / Попова М. К. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004 (Тип. ВГУ). – 169 с.

¹³ Кафанова О.Б. Национально-культурные коды: дефиниции и границы // Филологическое образование: современные стратегии и практики. Сб. Научно-методических статей. Вып. 1. СПб., 2011. С. 284–293.

мировой литературы им. А.М. Горького РАН, в том числе посвящён и исследованию проблемы национальной идентичности в Германии. Среди зарубежных литературоведов, сфера интересов которых находится в области теоретического осмысления проблемы, можно выделить Г. Гэтье (Hermann Gätje)¹⁴, Д. Борхмайера (Dieter Borchmeyer)¹⁵, Д. Юрта (Joseph Jurt).¹⁶ Г. Гэтье исследует функцию литературы в конструировании идентичности и отмечает, что данное понятие в настоящее время в большей степени присваивается идеологии и политически инструментализируется, в связи с этим он рассматривает исторические изменения значения термина в перспективе. Сфера исследований Д. Юрта – отношения между языком и культурой как средство идентификации. Как объект, вопрос и проблему описывает «идентичность» Л. Дахли (Leyla Dakhli)¹⁷, подчеркивая, что для обозначения процесса конструирования коллективных идентичностей предпочтительнее использовать термин «идентификации» (Identifizierungen).

Особенного внимания заслуживает исследование сути такого понятия, как «немецкость» (нем. *Deutschtum*), который является одним из наиболее значительных элементов в исследовании проблемы поиска немецкой идентичности и немецкоязычной культуры в целом с точки зрения комплексного подхода. Д. Борхмайер вопрос «Что такое немецкость»¹⁸ ставит в заглавие своей книги, в которой содержательно представлена история поиска немцами своей идентичности. Отдельные компоненты «немецкости» выделяют и исследуют и отечественные германисты (А.В. Щербакова¹⁹, С.С. Тахтарова²⁰, Т.С. Медведева²¹).

¹⁴ Gätje H., Singh S. Identitätskonzepte in der Literatur, - A. Francke Verlag, 2020. S. 280

¹⁵ Borchmeyer D., Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst – Hamburg: Rowohlt, 2017 – 1055 S.

¹⁶ Jurt J. Sprache, Literatur und nationale Identität. Die Debatten über das Universelle und das Partikuläre in Frankreich und Deutschland, – De Gruyter, Berlin 2014. – 306 S.

¹⁷ Dakhli L., Lemire V., Rivet D. Pour une histoire collective et décloisonnée du Proche-Orient contemporain, Vingtième Siècle. Revue d'histoire 3 (2009), 103, S. 3-11.

¹⁸ Borchmeyer D., Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst – Hamburg: Rowohlt, 2017. – 1055 S.

¹⁹ Щербакова А.В. Немецкий национальный характер в публицистической литературе Германии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXIX междунар. науч.-практ. конф. № 10(29). – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 230-236

²⁰ Тахтарова С. С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №3. С. 207-212

²¹ Медведева Т. С. Концепт Sicherheit в немецкой лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. №2. С. 46-52

В российской германистике отдельные аспекты осмысления проблемы национальной идентичности в современной немецкоязычной литературе получили освещение в монографических и диссертационных исследованиях Т. В. Кудрявцевой, Т.Н. Андреюшкиной, М. С. Потёминой, Е. А. Зачевского, Г.В. Кучумовой, И.А. Бондаря, Е.А. Леоновой, Г.В. Грошевой, А.А. Анохиной, Д.А. Чугунова, Т. А. Шарыпиной. Труды Т. В. Кудрявцевой и Т.А. Шарыпиной посвящены исследованию феномена немецкой идентичности на основе диахронического анализа национального литературного сознания в контексте европейской ментальности.²² Работы Т.Н. Андреюшкиной²³, Г.В. Кучумовой²⁴ посвящены проблеме национальной специфики в новейшей немецкоязычной литературе. Д. А. Чугунов в своих работах рассуждает, почему «восточногерманское прошлое притягивает к себе взгляды, превращаясь в одну из наиболее популярных и востребованных проблем современной немецкой литературы»,²⁵ а также освещает ключевые моменты литературного процесса в Германии рубежа XX-XXI вв.²⁶ К проблеме создания в литературе образа ГДР среди отечественных литературоведов обращается М.С. Потёмина²⁷. В своей статье она разрабатывает термин «остальгия», относящийся к восприятию своего «прошлого» бывшими жителями ГДР. М.С. Потёмина приводит краткий анализ текстов немецких писателей, с помощью которого подтверждает мысль о том, что жизнь на Востоке осознаётся людьми неоднозначно – либо слегка иронично, либо с острым чувством тоски. М.С. Потёмина приходит к выводу, что восточные немцы, обращаясь к образу ГДР в своих произведениях, хоть и осуждают, например, тоталитаризм Германской Демократической

²² Шарыпина Т.А., Кудрявцева Т.В. К проблеме изучения немецкой идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 296–303; Шарыпина, Т.А., Кудрявцева Т.В. Проблемно-тематический комплекс «оси-веси» в литературе воссоединенной Германии (на примере поэзии 1990–2000-х годов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 105–118.

²³ Андреюшкина Т.Н. Амбивалентный образ Берлина в немецкой поэзии второй половины XX века. Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: материалы V-й Международной научной конференции. 2015: С. 102 – 111.

²⁴ Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980 — 2000: курс на демифологизацию. Самара: Изд-во САГА. 2009. - 152 с.

²⁵ Чугунов, Д. Чем же было это «прошлое»? (о феномене ГДР в немецкой литературе 1990-х годов) / В.Грешных // Балтийский филологический курьер: науч. журн., 2007. С. 225 – 236.

²⁶ Немецкая литература 1990-х годов: ситуация "поворота" / Д. А. Чугунов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006 (Воронеж : ИПФ Воронеж). – 286 с.

²⁷ Потёмина, М. «Остальгия» в литературе объединённой Германии/ В. Грешных // Балтийский филологический курьер: науч. журн., 2007. С. 237–249.

Республики, всё равно при этом переживают утрату привычных ценностей ГДР, которые оказались им ближе западных.

Названные исследователи охватывают многочисленные грани проблемы поиска немецкой идентичности, и в своей совокупности перечисленные работы дают представление об особенностях национальной самоидентификации, характерной для Германии, а также о взаимодействии литературы и других гуманитарных наук.

Остановливаясь на степени изученности проблематики произведений Ф. К. Делиуса, У. Телькампа, Л. Зайлера, необходимо отметить, что среди зарубежных и отечественных работ встречаются лишь отдельные статьи и рецензии на повесть Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» и роман У. Телькампа «Башня». Проблематику повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» в своей статье обозначает М.С. Потёмина.²⁸ Отдельные рецензии на роман У. Телькампа «Башня» пишут Т.А. Баскакова, Н. Лир и Р. Вуннике. Н. Лир в докладе «Падение стены в избранных произведениях немецкой литературы» (Nicole Leier “Wendeliteratur – Literatur der Wende? Der Mauerfall in ausgewählten Werken der deutschen Literatur”) кратко анализирует текст Т. Бруссига «Герои как мы» (Thomas Brussig “Helden wie wir”), Я. Хензель «Дети зоны» (Jana Hensel “Zonenkinder”), И. Шульце «Адам и Ева» (Ingo Schulze “Adam und Evelyn”), У. Телькампа «Башня» (Uwe Tellkamp “Der Turm”)²⁹. Н. Лир отмечает значимость романа «Башня» в контексте классической немецкой литературы, подчёркивая многочисленные аллюзии, которыми наполнен роман, и выделяет особый стиль монументального произведения. В статье Р. Вуннике³⁰ особое место занимает описание художественных образов романа, он в нескольких штрихах обозначает противопоставление автором двух систем ценностей –

²⁸ Потёмина М. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека», Балтийский филологический курьер. 2013. № 9. С. 92–96.

²⁹ Leier N. Wendeliteratur – Literatur der Wende? Der Mauerfall in ausgewählten Werken der deutschen Literatur // Deutschlehrer tag der Académie Montpellier. 2010. – S. 12–13.

³⁰ Wunnicke R., Uwe Tellkamp „Der Turm“. Eine literarische Quelle für bürgerliche Lebenswelten in der DDR, in: Zeitgeschichte-online, März 2009, URL: <https://zeitgeschichte-online.de/geschichtskultur/uwe-tellkamp-der-turm>

бюргерства и ГДР. Данные работы зарубежных литературоведов носят в большей степени публицистический, чем литературоведческий характер.

Несмотря на необходимость изучения проблемы поиска немецкой идентичности в литературе объединенной Германии, в отечественном и зарубежном литературоведении в рамках комплексного подхода подобные исследования представлены лишь фрагментарно. Дискуссионными остаются отдельные вопросы поиска немецкой идентичности в литературе объединенной Германии, а именно основные художественные образы, приемы, темы, которые используют авторы для создания произведений *Wendeliteratur* (литературы «поворота»), а также основные тенденции художественного мышления и динамика развития обозначенной проблемы в новейшей немецкоязычной литературе.

Объектом исследования и комплексного анализа становятся повесть Ф. К. Делиуса «Груши Риббека» (F. C. Delius “Die Birnen von Ribbeck”, 1991), романы У. Телькампа «Башня. История с затонувшей земли» (U. Tellkamp “Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land”, 2008) и Л. Зайлера «Крузо» (L. Seiler “Kruso”, 2014), в сравнительно-типологическом аспекте привлекаются также роман И.В. Гете «Вильгельм Мейстер» (“Wilhelm Meisters Lehrjahre”, 1796), баллада Т. Фонтане «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде» (“Herr von Ribbeck auf Ribbeck im Havelland”, 1889), романы Т. Манна «Волшебная гора» (“Der Zauberberg”, 1924) и «Будденброки. История гибели одного семейства» (“Buddenbrooks: Verfall einer Familie”, 1900).

Непосредственным **предметом данного исследования** стала проблема поисков основ и предпосылок новой немецкой идентичности в контексте современного литературного процесса объединенной Германии. В рамках изучения динамики немецкой национальной идентичности показана принципиально важная роль творческой и общественно-политической интеллигенции в формировании национальной самоидентификации, утверждении ее фундаментальных компонентов в общественном сознании.

Целью работы является исследование знаковых произведений литературы объединенной Германии в контексте комплексного изучения проблемы поиска немецкой национальной идентичности на новом историческом этапе.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть и уточнить понятие «национальная идентичность» в контексте немецкой культурной традиции; выявить национально-историческую модель немецкой идентичности, а также предпосылки формирования нового этапа самоидентификации, нашедшего яркое отражение в литературе объединенной Германии;
2. Исследовать проблематику и поэтику в романах У. Телькампа «Башня», Л. Зайлера «Крузо» и повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» в русле развития *Wendeliteratur* (литературы «поворота»), а также традиций немецкой литературной классики (рассмотреть категории художественного времени и пространства, систему лейтмотивов, роль символики);
3. Определить источник и проследить динамику отражения конфликта «осси» (нем. *Ossi*) и «веси» (нем. *Wessi*) в литературе объединенной Германии;
4. Проанализировать общие ценностные модели и национальные коды, нашедшие отражение в системе образов анализируемых произведений, а также определить их трансформацию в контексте классической немецкоязычной литературы;
5. Исследовать современное наполнение понятия «немецкость» (нем. *Deutschtum*) на материале произведений Ф.К.Делиуса «Груши Риббека», У.Телькампа «Башня», Л.Зайлера «Крузо» в контексте тенденций формирования немецкой идентичности.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. На формирование проблемы поиска немецкой идентичности после объединения Германии оказала влияние биполярность всего мира. Ценностная модель *Ossi* и *Wessi* длительное время развивалась в разных направлениях и определялась противостоянием идеологий Запада и Востока. В результате объединения

между западными и восточными немцами возникли не только экономические, но и ментальные барьеры, а на их взаимное восприятие во многом оказали влияние штампы и предрассудки. Однако данный вопрос «стены в головах», отраженный в литературе объединённой Германии, – идеологический и не касается кардинальной трансформации немецкой идентичности.

2. Тенденция к самопознанию и поиску своей идентичности в немецкоязычной литературе является частью немецкой ментальности и связана с историей формирования немецкой нации, в основе самоидентификации которой заложена этнокультурная модель. Склонность создавать интеллектуальные «ловушки» в своём сознании – одна из особенностей немецкого менталитета, однако это не является проблемой, предикатом несформированности нации и не зависит от какого-то конкретного исторического события. Проблема поиска себя сформулирована в немецкой литературе ещё в конце XVIII – начале XIX вв. И.В. Гете и продолжает оставаться актуальной в литературе объединённой Германии. Немец по своей сути, как свидетельствуют тексты современной словесности, находится в перманентном поиске себя, и в этом его исключительность. Не разделение Германии в период 1949–1990 годов трансформировало немецкую идентичность, а произошла национальная адаптация к реалиям времени. Немецкую идентичность XXI века, таким образом, нельзя назвать «новой»: преодоление периода разделения Германии – это очередной этап её формирования.
3. Проблема поиска идентичности актуализируется и приобретает новое значение в немецкой гуманитаристике, в том числе и в литературоведении, после объединения Германии вместе с термином “Wendeliteratur” (литература «поворота»). Можно констатировать, опираясь на множественность существующих определений, что к корпусу литературы «поворота» относятся все тексты, которые касаются периода 1989/1990 (повествование о событиях до и/или после «поворотного момента»). Основным конфликт Wendeliteratur – конфликт Ossi и Wessi, построенный на противостоянии восточного и западного немца. Ключевым образом в подобных текстах является образ ГДР.

Wendeliteratur – это литература о прощании с ГДР (через призму как критического взгляда, так и ностальгического восприятия), а также о поиске восточными немцами себя в объединенной Германии. Избранные произведения «Груши Риббека» („Die Birnen von Ribbeck“, 1991) Ф.К. Делиуса, «Башня» („Der Turm“, 2008) У.Телькампа, «Крузо» („Kruso“, 2014) Л. Зайлера относятся к Wendeliteratur.

4. В литературе объединенной Германии происходит трансформация образа ГДР. Немецкие авторы параллельно с «ностальгическим» феноменом ГДР разрабатывают и его критическое восприятие (идея иллюзорности существования ГДР, её невозможности выжить в условиях реальности). В связи с этим они создают новые фигуры, которые являются неотъемлемой частью данной интерпретации. Это, например, бюрократ, доносчик («стукач»), цензор, перебежчик. На подобное восприятие восточнонемецкого прошлого и его выражение в произведениях литературы «поворота» повлияла политическая ситуация в стране – руководство ФРГ было вынуждено доказать неизбежность краха ГДР и, тем самым, подчеркнуть состоятельность ФРГ.
5. В немецкой литературе второй половины XX в. и в настоящее время вырабатываются общие парадигмы рефлексии города, обуславливающие поиск новых форм отображения действительности в литературе. Берлин – символ целой нации, который и в современной литературе отражает нелёгкий путь поиска немецким народом своей идентичности. Образ Дрездена по аналогии с образом Берлина также является культурно-историческим символом немецкой нации и становится основной точкой повествования в произведении У. Телькампа «Башня», где Дрезден образно разделен автором на две части, несущие диаметрально противоположные идеи. Исторически Дрезден также символизирует объединение двух земель, которое произошло в XIV в. (это объединение отражает герб Дрездена). Во время событий Второй мировой войны город был практически полностью разрушен, и в настоящее время он воплощает собой синтез исторического наследия и современной архитектуры. Таким образом, в литературе «поворота» образ города отражает такой

присущий самим жителям национальный компонент, как противоречивость, парадоксальность.

6. Произведения Ф. К. Делиуса, У. Телькампа и Л. Зайлера гармонично продолжают традиции немецкой литературы, прежде всего И. Гёте и Т. Манна. С этой точки зрения они важны для понимания литературного процесса, отражающего особенности менталитета немцев и культуры Германии вне зависимости от конкретного исторического периода. Произведения перечисленных авторов объединяет персонаж, который является как героем только своего времени, так и олицетворением вневременных национальных констант. В создании этого образа ощутимы традиции И. Гёте, развитые и переосмысленные Т. Манном в его концепции бюргерства. Как свидетельствует анализ текстов, вне зависимости от времени немец больше заботится о сохранении, чем о приобретении. Именно ему свойственна совокупность таких национальных кодов, как упорядоченность (*die Ordnung*), перфекционизм (*die Perfektion*), гипертрофированное трудолюбие (*die Arbeitssucht*), самокритика (*die Selbstkritik*), послушание/дисциплинированность (*die Diszipliniertheit*), внутренняя жизнь (*die Innerlichkeit*), консерватизм (*die Konservatismus*). Герои У. Телькампа, Л. Зайлера и Ф.К. Делиуса продолжают традиции, заложенные И.В. Гете и развитые Т. Манном, выражая национальную идею в образе «бюргера». Их персонажи живут в сфере духа, а не материальных ценностей (в отличие от буржуа, собственников капитала), они приверженцы немецких культурных традиций, это люди социальной и национальной «середины», у которых порядок, дисциплина преобладает над настроением.
7. В сохранении единства немецкой идентичности, или другими словами, совокупности основополагающих кодов немецкой ментальности, значительную роль играет немецкая классическая традиция. Саму проблему поиска национальной идентичности можно назвать традиционной для немецкоязычной литературы.

Методология исследования. Основу исследования составляет комплексный подход, подразумевающий исследование проблемы поиска немецкой идентичности с привлечением методологической базы не только литературоведения, но и других гуманитарных наук. В диссертации использованы принципы историко-литературного метода с элементами сравнительно-типологического анализа художественных произведений Ф.К. Делиуса, У. Телькампа, Л. Зайлера, а также принципы культурологического анализа (проблема поиска немецкой идентичности изучается на основе диахронического и синхронического анализа национального сознания).

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы известных специалистов в области теоретического описания факторов формирования национальной идентичности, а также труды, посвященные исследованию национальной картины мира и типологии культур (А. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон, Г.Д. Гачев, А.В. Костина, О.Б. Кафанова); работы по общим и специальным вопросам истории и теории литературы, в частности в области изучения романного жанра (М. Бахтин, Б.В. Томашевский, Ю. Кристева, Н.С. Павлова, В.Е. Хализев, И.В. Млечина), по теории и истории новейшей немецкоязычной литературы (Т. В. Кудрявцева, М. Потемина, А.В. Щербакова, Д. А. Чугунов, Т. А. Шарыпина), а также классической немецкой литературы (Н.А. Макарова, А.А. Аникст, И. Дирзен, Е. В. Баринаова). В основу теоретической базы исследования положены также попытки осмысления понятия «немецкости» зарубежными литературоведами (Д. Борхмайер, С. Табернер, Н. Лир), а также зарубежными и отечественными философами, историками, культурологами, политологами и социологами (Я. Ассман, А. Ассман, О. Данн, В. Бергем, Ю. Хабермас, Х. Плеснер, Х.М. Энценсбергер, В. Вайденфельд, Л. Гринфельд, А.В. Костина, Е.Л. Кауганов, М.А. Львова).

В данном исследовании используется не только литературоведческий инструментарий. С помощью комплексного подхода освещаются психологические, социальные, культурно-политические и идеологические причины амбивалентного характера самоидентификации у носителей разделенной нации. Такой

подход дает широкие возможности для построения системной картины проблемы поиска немецкой идентичности в литературе объединенной Германии.

Мы также опираемся на методологию и результаты систематической работы кафедры зарубежной литературы Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского в области изучения проблемы национальных кодов, национальных приоритетов, поиска национальной идентичности в литературе³¹. Инновационные подходы такого рода развивают и выводят на новый качественный уровень отечественную германистику.

Теоретическая значимость работы связана с тем, что результаты исследования могут послужить дальнейшему изучению истории „Wendeliteratur“ (литературы «поворота») и литературных процессов в Германии XXI века. В рамках данного исследования разрабатывается инструментарий для изучения национальной идентичности: уточняется определение национальной идентичности, выводятся основные компоненты, составляющие данное понятие. Определение основ немецкой идентичности научно обосновывает меняющиеся тенденции миграционной политики Евросоюза и Германии, в частности. Результаты исследования дают возможность объективно оценивать процессы, происходящие в общественно-политической и культурной сферах объединенной Германии.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования материала труда в общих лекциях по истории зарубежной литературы, как XX, так и начавшегося XXI вв., в частности новейшей немецкой словесности, в спецкурсах и спец. семинарах по проблемам национальной ментальности и на практических занятиях.

Достоверность выводов основана на результатах тщательного анализа и первоисточников, и переводных текстов литературы объединенной Германии, при котором использовались как традиционные, так и современные подходы к изучению литературного процесса, на обобщении широкого круга

³¹ Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: коллективная монография / Ответственные редакторы Т.А. Шарыпина, И.К. Полуяхтова, М.К. Меньщикова. Нижний Новгород: ООО Издательство «Деком», 2018. 626 с.

художественных, историко-литературных и теоретических трудов. Содержание работы прошло обсуждение и апробацию на конференциях и семинарах различного уровня.

Апробация исследования проводилась на конференциях и семинарах Всероссийского и Международного уровня таких, как Всероссийский научно-практический семинар «Литература и проблема интеграции искусств», Н.Новгород, 2012, 2013, 2014; «Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций», Республика Крым, Симферополь, 2016, 2017, 2018; «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 2017, 2018; XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, 2019, Международная научная конференция «Канон и национальная память в современной русскоязычной и немецкоязычной литературе. типологические и сравнительно-сопоставительные аспекты», Москва, ИМЛИ РАН, 2020; а также на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры зарубежной литературы ННГУ им. Н.И. Лобачевского. По теме исследования опубликовано 11 статей, из них 5 статей опубликованы в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных изданий.

Структура работы соответствует цели и задачам исследования, а также отражает выявленные в процессе анализа темы и проблемы изучения литературы объединённой Германии. Работа состоит из введения, трёх глав основной части, разделенных на параграфы, заключения, библиографии, включающей 324 наименования, в том числе на немецком, английском и французском языках, и приложения.

Глава 1. Специфика немецкой самоидентификации

Исследование проблемы поиска немецкой идентичности подразумевает необходимость изучения генетически-психологического кода нации, так называемой «души». В представленном исследовании значительное место занимает анализ формирования и развития немецкой ментальности³², а также рассматривается и уточняется понятие «национальная идентичность» в контексте немецкой культурной традиции.

Описание немецкого менталитета, выявление его динамики, сохранения и модификации в связи с историческими событиями (Тридцатилетняя война 1618-1648 гг., Великая французская революция 1789-1794 гг., Наполеоновские войны 1799-1815 гг., Объединение Германии вокруг королевства Пруссия с 1864 г. по 1871 г., эпоха Бисмарка 1871-1890 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг., Вторая мировая война 1939-1945 гг., разделение на ФРГ и ГДР в 1949 г. и объединение Германии в 1990 г.) позволяют проработать такие составляющие немецкой идентичности, как «одержимость прошлым», тенденция к «космополитизму», феномен «остальгии».

В данной главе мы отвечаем на вопрос, почему сами немцы называют свою страну Deutschland, что дословно означает «страна народов» (индогерманский корень *teuta означает «народ», «люди»). Культурологический анализ предоставляет возможность ответить на вопрос, что лежит в основе «самоидентификации» (в связи с этим подробно рассматривается понятие «коллективная память»). Диахронический и синхронический подходы позволяют проследить процесс становления немецкой самоидентификации, начиная с XVI века, и помогают определить, какой характер носит проблема немецкой идентичности в XXI веке.

Таким образом, первая глава «Специфика немецкой самоидентификации» посвящена анализу того, что помнят люди о ключевых для формирования немецкой идентичности событиях, как их интерпретируют писатели, как

³² Ментальность (лат. ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) – система ценностных ориентиров, установок, способ мышления, присущий социальной или этнической группе, нации, народу, народности (Б.И. Кононенко).

и почему создается общее для всех понимание определённых эпизодов прошлого и как оно меняется со временем.

1.1. Терминологический комплекс понятия

«национальная³³ идентичность³⁴»

В условиях изменяющейся обстановки оставаться самим собой человеку помогает процесс осознания самого себя через набор устойчивых характеристик: это могут быть различные модели поведения или ценностные ориентиры – некие критерии оценки себя и окружающего мира. То есть ответ на вопрос «Кто я?» человек приобретает в процессе самоидентификации («идентичность» от лат. тождественность, одинаковость).

В рамках поиска немцами своей идентичности в конце XX века возрождается интерес к истории Германии: бестселлером становится книга «Краткая история Германии», написанная Хагеном Шульце („Kleine deutsche Geschichte“ Hagen Schulze, 1996) и проиллюстрированная репродукциями экспонатов Немецкого исторического музея. Х. Шульце (1943–2014) приходит к выводу о необходимости включения немецкой истории в европейский контекст, так как после трагических событий XX века, после превращения национальной славы в самую жестокую противоположность, после последовавшего «часа ноль» постановка вопроса об особом пути (Sonderweg) немецкой нации была бы неправильной. Вновь объединённая Германия, по мнению Х. Шульце, приобретет особость и преемственность только в рамках национальной солидарности.³⁵ По мнению другого немецкого историка, Г. Хаймпеля (1901–1971), особенность истории Европы в том, что при её видимом единстве каждая нация наследует

³³ Понятие «нация» необходимо отличать от понятия «этнос». Нация – высшая форма этноса, которая отличается сильной самоидентификацией не только на уровне этнических компонентов (общего пространства, культуры, языка), но и на уровне иноэтнических (политических, религиозных).

³⁴ Идентичность (лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) – осознание принадлежности к какой-либо (большой или малой) социальной группе или общности, принятие её целей и ценностей (В.П. Зинченко).

³⁵ Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 42

свои коды и стремится сохранить свою национальную идентичность, есть «европеец» и при этом есть «немец», «француз», «итальянец» и т. д.

История, таким образом, тесно взаимосвязана с понятием «память». Если опираться на исследования французского философа и социолога М. Хальбвакса и французского историка, автора концепции «мест памяти» П. Нора, то оба исследователя противопоставляют друг другу **историю** и **память** как два различных способа репрезентации прошлого: память – это жизнь и множественность, актуальный феномен, связанный с настоящим, а история – универсальна, «принадлежит всем и никому». ³⁶ В. Беньямин, напротив, сближает феномены памяти и истории: «писать историю — значит придавать каждой дате то или иное выражение лица». ³⁷ С точки зрения А. Ассман, немецкого историка и культуролога, ведущего исследователя феномена памяти, история и память – это взаимодополняющие понятия, способные перетекать друг в друга. Тема памяти занимает особое место в ряду других тем современного гуманитарного дискурса и становится «квинтэссенцией междисциплинарных интересов». ³⁸ Подходы к изучению «памяти» различны. Однако совершенно точно можно сказать, что память зависима от истории и не является комплексом произвольных воспоминаний и представлений о прошлом. *Память, в свою очередь, один из ключевых элементов формирования индивидуальной и коллективной идентичности.*

Национальная идентичность принципиально связана с памятью, а именно *с коллективной памятью* („kollektives Gedächtnis“, термин ввёл М. Хальбвакс). ³⁹ Исследованию коллективной памяти посвящено значительное количество работ, особенно в Германии. Основные области исследования: память о нацизме (Юрген Даниэль, Норберт Рай, Петер Штайнбах) и

³⁶ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 20.

³⁷ Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 143

³⁸ Хаттон П. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.

³⁹ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerung u. polit. Identität in frühen Hochkulturen / Jan Assmann. - München : Beck, Cop. 2007. – S. 30

национализация немецкой коллективной памяти XIX-XX века (Алейда Ассман, Якоб Фогель, Фолькер Аккерман, Райнхарт Козеллек).⁴⁰

Коллективная память – ключевой элемент формирования и трансформации национальной идентичности. История для коллективной памяти – набор эпизодов, одни из которых выделяются и сохраняются, а другие – забываются: интерпретация событий находится в постоянном изменении, исторические источники используются творчески и избирательно. Например, памятники и скульптуры, названия улиц, фестивали, музыка, фотографии, архитектура, кинематограф, живопись, литература, театральные постановки – все эти способы сохранения и передачи памяти о прошлом расширяют и наполняют новыми смыслами трактовку профессиональных историков о тех или иных событиях. Трансформация коллективной памяти и, следовательно, национальной идентичности возможна из-за вмешательства деятелей политики и/или культуры, например, по идеологическим соображениям.

Коллективная память включает в себя несколько уровней знаний (памяти/воспоминаний) – культурная (*kulturelles Gedächtnis*) и коммуникативная память (*kommunikatives Gedächtnis*), историческая память (*Geschichtskultur*), культура памяти (*Erinnerungskultur*)^{41,42}.

Понятие «**культура памяти**» начинает входить в научный обиход также

⁴⁰ Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 36

⁴¹ По определению Яна Ассмана и Алейды Ассман, «историческая память» отвечает на вопрос, что мы не должны забывать, а «культура памяти» – на вопрос, как следует это помнить.

⁴² В настоящее время в Германии развивается сильная «немецкая школа изучения памяти» во главе с Яном и Алейдой Ассман на основе исследований Т. Нипперде и Р. Козеллека. Следовательно, немецкий историко-философский лексикон пополняется неологизмами, которые в русском языке в настоящее время не имеют адекватного аналога: прежде всего, это понятие „*Erinnerungskultur*“, которое переводится в различных источниках как «культура исторической памяти», «мемориальная культура» (Ассман А. «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» / „*Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*“; «Новое недовольство мемориальной культурой» / „*Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur*“), а также «культура памяти», «культура воспоминаний». В данном исследовании используется перевод «культура памяти» (однако и «культура воспоминаний» достаточно близко передает смысл данного термина). Немецкий язык в целом более тонко передаёт оттенки значения феномена «память» и выражает их несколькими словами: слово „*Gedächtnis*“ носит объективный характер, это «монолит исторической памяти» (см. „*kollektives Gedächtnis*“ коллективная память), слово „*Erinnerung*“ носит субъективный характер, это «выборка из монолита исторической памяти» (см. „*Erinnerungskultur*“ культура памяти), слово „*Andenken*“ в значении «помяновение», однокоренное слово „*Gedenken*“ используется в значении «коммеморация» (см. „*Gedenkkultur*“ мемориальная культура). Таким образом, феномен памяти занимает особое место на уровне мышления немцев и является одним из ключевых в исследовании немецкой идентичности.

в конце XX века. Культура памяти – это отношение индивида и общества к своему прошлому, его освоение. Кристоф Корнелиссен определяет культуру памяти как совокупность всех возможных форм сознательного освоения прошлого как в историко-научном дискурсе, так и в частных воспоминаниях. Носителями культуры памяти могут быть индивиды, социальные группы, а также государство и нация. Все формы освоения прошлого (тексты, фотографии, памятники, здания, праздники, ритуалы и т. д.) равноправные составляющие культуры памяти.⁴³

Объекты «культуры памяти» („Erinnerungskultur“) могут становиться частью культурной памяти („kulturelles Gedächtnis“). Культурная память тоже часть коллективной памяти, (противоположность коммуникативной памяти („kommunikatives Gedächtnis“)). В отличие от коммуникативной памяти, которая ограничена устным преданием предыдущих трех поколений и существует примерно 80 лет, культурная память строится на традициях – «в нас, текстах, образах и обрядах, формирующиеся в течение поколений, в течение веков, а частично и тысячелетий, эти традиции формируют наше историческое сознание, наше самовосприятие и мировоззрение».⁴⁴ Если культура памяти, разделяя прошлое и настоящее, возможна только там, где прошлое присутствует через свидетельства какого-либо рода и где оно имеет характерное отличие от настоящего, то традиция и, таким образом, культурная память, наоборот, подчёркивает преемственность и маскирует разрыв настоящего с прошлым, выполняя функцию организации коллективной памяти.

Одним из механизмов культуры памяти можно назвать феномен **коммеморации** (мемориальная память) – публичное поминовение, процесс отбора того, что «вспоминается», а что «предается забвению», важный элемент сохранения национальной и культурной идентичности. Особенность современных изменяющихся сообществ заключается в том, что их новые места памяти

⁴³ Cornelißen C. Was heißt Erinnerungskultur? Begriff – Methoden – Perspektiven. In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 54, 2003. – S. 555

⁴⁴ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis // Thomas Mann und Ägypten. Mythos und Monotheismus in den Josephsromanen Beck, München 2006. S. 70

(мемориалы), новый перечень объектов национального наследия объединяет случайность. Например, в Берлине можно встретить кафе „Moskau“ как культурный объект, бронзовую статую «Сеятель», символизирующую цикл обновления природы, или направленную в сторону Восточного Берлина скульптуру „Der Rufer“ («Кричащий»), установленную в 1989 году в западной части города как призыв к объединению. Герхард Маркс, известный немецкий скульптор XX века, в 1966 году создал оригинал этой статуи (которая находится и в настоящее время в г. Бремен) для известного радио Бремен („Bremen“). Скульптор вдохновился образом греческого воина, стентора, способного перекрычать пятьдесят человек, но никогда не давал более конкретной трактовки своей работе. В Берлине с 1989 года стоит отливка „Der Rufer“, как и в Австралии, где эта же скульптура посвящена жертвам пыток. Таким образом, существует уже три однотипные скульптуры в разных местах и с различной интерпретацией. Все эти объединённые случайностью материальные компоненты с заложенными в них конкретными смыслами, остаются в памяти у нового поколения и приобретают статус символа в мемориальном наследии того или иного сообщества.

Государственная политика имеет большое влияние на формирование и трансформацию культуры памяти (в том числе, используя механизм комеморации). Это становится особенно заметно при смене режимов, когда прежняя интерпретация некоторых исторических событий изменяется новой властью. Наглядным примером могут служить памятники, посвящённые героям предыдущего режима, которые после смены режима уже не пользуются такой же репутацией (памятник В.И. Ленину в восточном Берлине, демонтированный в 1991 году). Изменяются функции исторических сооружений, например, прежние монархические замки становятся парламентскими, библиотечными или университетскими. Такие демонстративные диверсии направлены на дистанцирование от событий, ранее признанных памятными или даже достойными почитания, от устаревших политических порядков или общественных обычаев и нравов.⁴⁵

⁴⁵ Huhnholz S. Geschichte/Gedenken / Sebastian Huhnholz. – Wiesbaden : Rüdiger Voigt (Hrsg.): Handbuch Staat. 1. Auflage. Band 1, 2018. S. 451–463

Другое вмешательство по идеологическим соображениям в культуру памяти – устранение тех зданий, которые могли бы выполнять функцию «места памяти». Например, в 1968 году была взорвана Гарнизонная церковь (die Hof- und Garnisonkirche) в Потсдаме, место, которое партия СЕПГ интерпретировала как «символ немецкого милитаризма».⁴⁶ С 2013 года в связи с кардинальным изменением отношения к прошлому Гарнизонная церковь стала национальным памятником культуры. Изменению культуры памяти способствовали и сами лидеры государства, применяя особые речевые конструкции и жесты (например, известная фраза президента ФРГ Романа Херцога «Германия должна встряхнуться» (нем. *Durch Deutschland muss ein Ruck gehen*)).

Однако не только государственные лидеры, но и творческая интеллигенция (художники, режиссёры, поэты и писатели) занимает значительное место в формировании и трансформации культуры памяти. Произведения авторов «группы 47» выражали недовольство политикой К. Аденауэра⁴⁷ и касались самых болезненных проблем своего времени (политическая индифферентность масс, милитаризация страны, рост неонацизма). «Группа 47» (Г. Бёлль, Г. В. Рихтер, А. Андерш, Г. Грасс и др.) стремились показать реальную жизнь страны изнутри и обратить внимание читателей на проблемы нацистского прошлого, проблемы становления демократии в ФРГ.⁴⁸

Таким образом, национальная идентичность – одна из составляющих идентичности человека определенной нации, принципиально связанная с коллективной памятью, а значит, с несколькими уровнями знаний – в большей степени с «культурой памяти». Национальная идентичность – это изменчивая модель, которая формируется и развивается под влиянием творческой и общественно-политической интеллигенции и утверждается большинством в национальном коллективе.

⁴⁶ Sabrow M. Der „Tag von Potsdam“ – Zur Geschichte einer fortwährenden Mythenbildung, S. 1-6

⁴⁷ К. Аденауэр (1867-1967) – первый федеральный канцлер Федеративной Республики Германия (1949-1963).

⁴⁸ Зачевский Е.А. Пути-перепутья немецкоязычной литературы XX века. Спб.: «Издательство Крива», 2017. С.24

1.2. Этапы формирования немецкой идентичности

Процесс формирования немецкой модели идентичности был существенно затруднен из-за проблемы раздробленности Германии, а соседство с Францией вырабатывало скорее «прагматическую» оборонительную немецкую идентичность. Идея нации и идентичности в Германии изначально была определена как антифранцузская, потому что до эпохи Наполеоновских войн у немцев не было потребности в принципе говорить о своей идентичности. Как отмечает в своей работе Л. Гринфельд, значение просвещения было утрачено из-за его связи с Французской революцией и наполеоновским порабощением Германии, и формирование образа немецкого национального самосознания перешло в руки романтиков. Например, И.Г. Фихте (“Reden an die deutsche Nation”, 1808), Ф. Ян (“Das deutsche Volkstum”, 1810), а также участники Гейдельбергской школы романтизма (Ахим фон Арним, Кеменсо Brentano, Якоб и Вильгельм Гримм и др.) стали основоположниками немецкой национальной идеи. Они заслужили широкое общественное признание, представив духовную и интеллектуальную культуру своего народа, проявили повышенный интерес к идее «народного духа», национальной культурно-исторической традиции, заложив основу немецкого самосознания.

Слово **Deutschland** в переводе с древневерхненемецкого наречия дословно означает «**страна народов**». Среди европейских стран у Германии существует наибольшее количество различных наименований (например, в романских языках наименование немцев происходит от герм. *alle Manner*). Исследуя современное наполнение понятия «немецкость» (нем. *Deutschtum*), необходимо учитывать, что слово «немецкий» [*deutsch*] изначально не является обозначением национальности [*Deutsche*]. «*Deutsch*» или «*Teutschen*» (древневерхненемецкое «*diutisc*» от «*diot*» в переводе «народ») – это наименование германских основных племен средней Европы. Слову «немецкое» [*deutsch*] также соответствует глагол «объяснять» [*deuten*]: «немецкое» – это то, что

является для нас понятным, ясным [deutlich] и тем самым внушающим доверие [das Vertraute], привычным, унаследованным от родителей.

Наименование «Германия» [Deutschland] впервые появляется при разделе империи Карла Великого именно как общее имя для всех оставшихся за Рейном племен, которые продолжали говорить на родном понятном языке, тогда как племена, овладевшие территориями Древнего Рима, от этого языка отказались. Таким образом, в литературном немецком языке слово «deutsch» стало широко употребляться только со времени освободительных войн против Наполеона I в начале XIX века.

До Наполеоновских войн Германия оставалась Священной римской империей и включала более 350 государств. В результате Рейнского союза в 1806 году наступил конец Германской империи и даже после падения армии Наполеона, несмотря на патриотический подъём, возможности вернуть империю не было, австро-пруссские договоры уже предписывали Германии стать конфедеративным образованием. В 1815 году окончательно завершилась эра Наполеоновских войн, и произошёл передел Европы – были установлены новые границы государств, в результате чего был создан Германский союз – конфедерация из 39 немецких государств. Вместо свободной и самостоятельной Германии получился Германский союз, который не предполагал германского единства – Германия осталась расколота на деспотии, из которых самая мелкая была так же суверенна, как самая крупная.

Немцы остались недовольны результатами Венского конгресса, что привело к появлению двух течений – национального и либерального, и определило историю следующих десятилетий. И.В. Гете были близки национальные взгляды – он почитал Наполеона как императора и носителя национальных идей. Однако при этом в творчестве писателя прослеживается мотив постоянного поиска истины. В «Фаусте» И.В. Гете пишет: «Кто ищет, вынужден блуждать...». Либеральные взгляды разделял Я. Гримм, тем самым настойчиво поддерживая идею объединения Германии и создания конституции.

Писатели неоднократно сопоставляли и противопоставляли Германии

Англию или Францию. В начале 19 века выходит в свет книга Мадам де Сталь «О Германии» (1810 г.), где писательница поддерживает немецкую нацию и описывает её с целью представить Франции, в том числе Наполеону: она выделяет три качества, в которых заключается немецкое превосходство над французским – это независимость духа, любовь к одиночеству и самобытность отдельного человека.

Несмотря на то, что в современной действительности Англия, Франция и Германия – мощная политическая сила, три государства, которые сохраняют за собой ведущую позицию на мировой арене, Германия всегда стремилась догнать или перегнать другие нации (особенно – Францию и Англию) и в то же время всегда чувствовала себя «отвергнутой». В связи с этим Рольф Брайтенштайн вводит такие понятия как немецкая «спешка» и немецкая «уязвлённость»: немцы стремились сыграть ведущую роль в мире, но при этом западная политическая культура была им изначально чужда.⁴⁹

Сопоставляя английскую и французскую идентичности с немецкой, исследователи⁵⁰ приходят к выводу, что фундамент немецкой идентичности – **этнокультурная модель** (основы народно-этнического мышления развивал ещё в начале 19 века Иоганн Готфрид Гердер). Если для идентичности Франции была характерна **модель «государства-нации» (Staatsnation)**, то для идентичности Германии – модель именно **этно-культурно-исторической общности (Kulturnation)**. Одна из причин такой модели – отсутствие четко фиксированных национально-государственных границ. Даже после образования Германской империи в 1871 году **немцы были ориентированы на народность, несмотря на закрепление за Германским государством политических границ.**

Тем не менее в 1871 году Пруссия становится центром объединённой Германии, и именно тогда в Германии стал укрепляться дух милитаризма, и

⁴⁹ Bergem W. Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Wolfgang Bergem (Hg.), Opladen: Leske + Budrich, 2003. – S. 183

⁵⁰ О.Данн «Нация и национализм в Германии. 1770–1990», Х. Плеснер «Запоздавшая нация», Ф. Майнеке «Немецкая катастрофа», Л. Гринфельд, Э. Вермей, Р. Брайтенштайн, К. Байме, Г. Джеймс «Немецкая идентичность. 1770–1990», Г. Мюнклер «Немцы и их мифы»

немецкая идентичность претерпевает значительные изменения. Эти изменения были ярко выражены в немецкой культуре: на протяжении столетий, начиная примерно с середины XVI века, для персонификации Германии используется образ Михеля⁵¹, который в 1848 году после принятия первой конституции смирился с милитаризмом и сменил ночной колпак на островерхую каску под влиянием Пруссии.⁵² Если до этого немецкий Михель был далёк от политики и носил ночной колпак, символизирующий постоянный сон немецкого обывателя, то в итоге островерхая каска Михеля становится демонстрацией силы и выполняет функцию самозащиты и самоутверждения.

На рубеже веков одной из главных тем в литературе, которая посвящена изменению немецкой идентичности, становится тема распада немецкого бюргерского уклада. Один из лучших романов, который описывает историю угасания бюргерства, написан в 1900 году Т. Манном: история Будденброков приобретает обобщающий смысл. Этой же теме посвящает ещё в 1892 году свой роман «Госпожа Джени Трайбель» Т. Фонтане: французский буржуа побеждает немецкого бюргера, привычные ценности меняются, и, как отмечает немецкий литературовед Д. Борхмайер, бюргер разыгрывает дворянина, но его черты искажены гримасой варвара.⁵³ Г. Бёлль отмечает в беседе с Кристианом Линдером в 1975 году, что основным событием, определившим его жизнь, стал именно распад бюргерского порядка жизни, а не война.⁵⁴ Надёжность, которая была так важна для немцев, экономическая стабильность, основательность после 1914 года начала окончательно расшатываться. Первая мировая война и её последствия, инфляция в том числе, привели к потере всего. Все остальные исторические события можно рассматривать только как следствие того, что было подготовлено в период 1920 до 1930 год.

⁵¹ Обозначение простого, необразованного человека, появившееся в немецком словообращении после выхода сборника пословиц и поговорок Себастиана Франка (1499-1542). В XIX в. – излюбленный персонаж сатирических рисунков: простодушный, глуповатый бюргер, которого обычно изображали в панталонах и домашнем халате.

⁵² Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 408

⁵³ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 436

⁵⁴ Бёлль Г. Я сопричастен времени...: эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И.Лопатина; предисловие Е.А.Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – С. 364

Начало Первой мировой войны – это начало войны идей, передела мира, сфер влияния, в которых Германия хотела занять одну из лидирующих ролей. Как отмечает О. Данн, Первая мировая война привела к значительной трансформации национально-политического поведения всех слоев немецкого населения.⁵⁵ Т. Манн в «Размышлениях аполитичного» в 1918 году писал, что империя — это реализация немецкости, это нечто живое, живое со своими ошибками, свойственными всему живому в отличие от обессиленного раздробленного состояния Германии. В середине XX в. некоторые историки во Франции, Англии, Германии стали приходить к выводу, что, таким образом, национал-социализм не был случайностью и отклонением в немецкой истории.⁵⁶

Вторая мировая война многими немцами, как уже было отмечено, воспринималась как крах нации. Проблема осмысления нацистского режима стала важнейшим элементом самоидентификации послевоенной Германии, в том числе изменилось и её отношение к другим государствам. Г. Бёлль в одной из своих заметок пишет, что было бы куда больше по душе, если бы в конце Второй мировой войны с другого берега вступили французы или англичане.⁵⁷ После Второй мировой войны актуальность приобрел «вопрос о вине» (Schuldfrage), возникло чувство коллективной вины перед жертвами нацистской политики.

Об исторической ошибке Германии писали многие исследователи немецкой идентичности, включая Эриха Калера «Немецкий характер в истории Европы» (1936 г.) и Норберта Элиаса «Исследование о немцах» (Studien über die Deutschen. Fr./M., 1989), «О процессе цивилизации» (Über den Prozess der Zivilisation 1939/1969). Мнение социологов, историков, литературоведов было единым в том, что немцы – единственная нация, которая не нашла себя до конца, до сих пор не закончена, и это недостаток особой национальной

⁵⁵ Данн О. Нация и национализм в Германии 1770–1990. / Отто Данн; Пер. с нем. И.П. Стребловой; [Послесл.: Б.В. Марков]. - СПб. : Наука, 2003. – С.215

⁵⁶ Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 21-22

⁵⁷ Бёлль Г. Я сопричастен времени...: эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И.Лопатина; предисловие Е.А.Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – С. 262

формы. Причина этой незаконченности, как считает Эрих Калер, в тридцатилетней войне, а по мнению Норберта Элиаса, – в соседстве с Францией.

В контексте событий XX века среди творческой интеллигенции развиваются наднациональные принципы, базирующиеся на этике универсализма: «Требование быть космополитом стало, можно сказать, неотъемлемой частью культурного облика нового гражданина Германии».⁵⁸ В эпоху глобализации немецкая идентичность приобретает неустойчивый, пластичный и фрагментарный характер и противопоставляется, как и любая другая нация, – мультикультурализму. Развитие мультикультурализма занимает значительное место в исследовании немецкой современной истории и литературы. Мультикультурализм — одна из наиболее ярких развивающихся тенденций современного литературного и всего художественного процесса последних десятилетий XX и XXI веков. Писатели, художники, режиссёры, актёры участвуют в социокультурном процессе государств, которые для них становятся вторым родным домом. Однако для немецкой литературы – это не новое явление: Лоренц-Залеский (серболужицкая литература), Франц Фюман (Чехословакия, судетский город), Гюнтер Грасс (Данциг, польский город Гданьск, этническая группа поляков кашубы).⁵⁹ Смещение акцента от национально-культурной идентичности в сторону самоидентификации себя как гражданина развивается еще в 19 веке в период развитого капитализма.

Убежденным сторонником идей космополитизма является Ю. Хабермас. Он развивает концепцию «конституционного патриотизма», утверждающую постнациональную модель идентичности, которая основывается не на культурно-исторической общности, а на универсальных общеевропейских принципах гуманизма и демократии.⁶⁰ В эпоху глобализации, по мнению Ю. Хабермаса, центральную позицию должно занять понятие

⁵⁸ Кельнер Х., Зофнер Х.-Г. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. – С. 134

⁵⁹ Очерки по истории зарубежной литературы XX века: учеб. пособие, Ч. 2/ В. Г. Новикова, Т. А. Шарыпина; Федер. агентство по образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Госуниверситета, 2005 – 315 с.

⁶⁰ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, 1995. С. 209-245

«гражданственность», а не «национальность», что станет возможностью для создания наднациональных обществ, которые приведут к космополитизму. Он выступает за преобразование национальных государственных институтов в наднациональные органы управления.

С данной точки зрения оспаривается сама необходимость поиска немецкой идентичности, особенно после объединения ГДР и ФРГ – Германия вновь стала единым государством. Однако современные политические процессы говорят об обратном – на примере деинтеграции Европейского союза в рамках брексита (англ. Brexit, выход Великобритании из состава ЕС в 2020 году) наблюдается тенденция отказа от всего наднационального. Данная тенденция отражается и в немецкой литературе – проблема невозможности создания идиллических наднациональных объединений особенно остро звучит в сатирическом романе Р. Менассе «Столица» (Robert Menasse “Die Hauptstadt”, 2017), который в 2017 году был удостоен Немецкой литературной премии. Следовательно, национальный вопрос сохраняется, и исследование немецкой национальной идентичности – закономерно. Немецкая национальная история не является чем-то исключительным; в каждую эпоху характер ее развития как определялся, так и определяется состоянием национального вопроса в Европе.⁶¹

Таким образом, анализируя историческую память немцев (Geschichtskultur), то есть то, **что** они помнят, можно утверждать, что одной из причин трагического пути Германии в XX веке стала историческая раздробленность страны. Отсутствие на протяжении длительного времени четко фиксированных национально-государственных границ повлияло на формирование характера самой модели немецкой идентичности. Судьбоносным в этом отношении событием эпохи грюндерства (Gründerzeit, 1848–1873) стало объединение северных и южных немецких земель под верховенством Пруссии в Германскую империю (Германский рейх, Das Deutsche Kaiserreich, 1871–1918). Однако даже после образования в 1871 году Германской империи немцы

⁶¹ Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 20

продолжали ориентироваться на народность. Если для идентичности Франции была характерна модель «государства-нации» (Staatsnation), то для идентичности Германии – это этнокультурная модель (Kulturnation). Именно эта особенность немецкой самоидентификации стимулировала процесс поисков немцами своей идентичности в наиболее напряженные периоды истории.

1.3. Традиционные немецкие культурные коды

Для установления **предпосылок возникновения проблемы самоидентификации** в литературе Германии необходимо определить **основные культурные коды, присущие немецкой ментальности**.

Национальный менталитет складывается из совокупности определенных культурных особенностей, из скрытых в области бессознательного стереотипов, кодов, которые обобщают модели поведения конкретной нации. Эта модель гибкая и подстраивается под различные периоды истории культуры. Например, к немецким национально-культурным кодам, а именно к определению «немецкий/немецкое» литературовед и исследователь романо-германской филологии В.Г. Зинченко относит следующие компоненты – «тяготеющий к порядку, отчетливый/ое, основательный, серьезный, верный, храбрый, открытый, чистый, простой, великий, лишенный запросов, ученый, развертывающийся из самого себя, сентиментальный, склонный к повиновению, послушанию, языку приказов, деспотичный, грубый».⁶² В зависимости от контекста, от позитивных или негативных исторических событий, элементы этой модели приобретают различную оценку, которая может пересматриваться во времени. Однако именно фундаментальные компоненты, укорененные в сфере бессознательного, влияют на формирование и поддержание национальной

⁶² Щербакова А.В. Немецкий национальный характер в публицистической литературе Германии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXIX междунар. науч.-практ. конф. № 10(29). – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 230-236

идентичности. Такой константой немецкой ментальности, например, является соотношение Deutsch – deutlich (с нем. «немецкий» — «ясность, упорядоченность»).

Особое отношение немцев к пониманию своей нации, в отличие от жителей других европейских стран, связано, в том числе, с такой немецкой чертой, которая характеризуется выражением «In Ordnung» и подразумевает, что во всём должен быть **порядок**. Вопрос самоосознания в контексте мировой истории не становится исключением.

Первые заметки о немецком национальном характере можно прочесть в произведениях «Записки о Галльской войне» (лат. *Commentarii de Bello Gallico*) Г.Ю. Цезаря и «Германия» (лат. *De origine et situ Germanorum*, «О происхождении и местоположении германцев») Тацита. Этнографическое сочинение, составленное Тацитом в конце I в. н. э., – это описание характера и обычаев германских племен – племенного состава, верований и нравов германцев, представляющих главную угрозу гегемонии Рима. Тацит отчасти идеализирует этот образ, противопоставляя их бедную и дикую жизнь, основанную на простых добродетелях и примитивных пороках, развращению утопающего в роскоши имперского Рима. Историка прельщают этническая однородность германских племен, их близость к природе и скромность их потребностей – цивилизация даёт комфорт, но развращает нравы. Он пишет, что населяющие Германию племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, искони составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ. Тацит обращает внимание и на их облик – жёсткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела. В эпоху романтического национализма сочинение Тацита неоднократно упоминалось в Германии. Немцам льстило описание их предков как своего рода благородных дикарей, на упомянутые в тексте пороки вроде пьянства и лени обращалось мало внимания.

На протяжении последующих тысячелетий образ изменялся, и в итоге немцы стали олицетворять собой в большей степени **духовный, культурный** образ. Как отмечает Д. Борхмайер, бюргерство не хотело смешивать свой

богатый духовный мир с внешней политикой.⁶³ В переписке Генриха фон Трейчке, прусского историографа и политического писателя, и Франца Овербека, теолога-евангелиста, можно найти следующие строки: «Наше политическое прошлое многократно доказывало нашу политическую бездарность и можно усомниться, что пальма первенства светит нам именно в политике».⁶⁴

О том, что культурная жизнь и характер немцев не зависят от политической судьбы Германии, рассуждает Фридрих Шиллер. К изучению идеи государственного национального единства и ее осуществления в политической жизни Германии обратился Фридрих Мейнеке (*“Weltbürgertum und Nationalstaat”*, Münch.-B., 1908). Т. Манн посвящает проблеме чуждости немецкого духа миру политики книгу *«Размышления аполитичного»* (*Betrachtungen eines Unpolitischen*). Этот публицистический труд, вышедший в 1918 году, вызвал настоящую бурю споров среди писателей и критиков – и даже привел к серьезному конфликту Томаса Манна с братом Генрихом. Германию, «немецкость» (нем. *Deutschtum*), разрушает, по мнению немецкого поэта Х. Болла, государственная идея. В 1919 году он указывает на роковую ошибку, которую совершила Германия, принимая участие в Первой мировой войне: Германия противопоставила себя целому миру, а её национальная идея, народные традиции не предполагали такого исторического развития.⁶⁵ Х. Плеснер в книге *«Запоздавшая нация»*⁶⁶ пишет о дуализме, свойственном Германии: немецкий дух (духовный, ментальный мир) и государственная политика. После Первой мировой войны Германия, претерпев не только физическое, но и идейное поражение, должна была сделать выбор – придерживаться своего исконного понятия культуры или осуществить изменения и нововведения.

По мнению Норберта Элиаса (*«Исследование о немцах»* / *Studien über die Deutschen*. Fr./M., 1989), свою роль при формировании немецкой ментальности сыграла Французская революция: она стала переломом в целостности

⁶³ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 411

⁶⁴ Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 241

⁶⁵ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 388

⁶⁶ Plessner H. Die verspätete Nation. Über die Verführbarkeit bürgerlichen Geistes, Stuttgart, 1959

немецкой традиции.⁶⁷ Под влиянием Франции немецкая культура изменилась, в частности стало трансформироваться понятие «бюргер» (Bürger).⁶⁸ Франция была в поисках собственного стиля, идентичности, начиная с XVI века, и этот процесс был последовательным и непрерывным. В свою очередь, немцы противопоставляли себя французам: у немцев слово «культура» имеет такое же значение, как у французов слово «цивилизация». Культура – глубокое, духовное понятие, а цивилизация – поверхностные ценности.

В этом же противопоставлении находились понятия «бюргер» (сфера духа) и «буржуа» (собственники капитала). Буржуа в большей степени отражает понятие «капиталист, предприниматель» без негативной коннотации: это всемирный класс, который определяется через производственные отношения; когда как бюргер – это гражданин, защищающий свои права и свою собственность, своё ремесло, мастер своего дела. Для Германии буржуазная революция заключалась в защите своего труда, а для Франции – это именно принципы рыночной экономики.

Над феноменом бюргера и буржуа достаточно много размышляет Т. Манн: для него дух — это не политика, а культура, душа, свобода, искусство, а не цивилизация, не общество, не избирательное право и не литература. Т. Манн противопоставляет дух (бюргерство) и политику (буржуа) как космополитическое и интернациональное. Слову и понятию бюргер в немецком языке имманентно значение «мира» и «безграничности»: das Weltbürgertum в переводе с немецкого «космополитизм». Это человек географической, социальной, национальной «середины», носитель немецкой духовности, человечности и антиполитики.⁶⁹ Бюргерство — это торжество порядка над настроением, длительного над мимолётным, размеренного труда над питающейся яркими чувствами гениальностью.⁷⁰ «Будденброки» – очень немецкая книга, в которой отразилось то, что Т. Манн назвал «Entbürgerlichung» (потеря бюргерского духа).

⁶⁷ Там же. S. 405

⁶⁸ Там же. S. 403

⁶⁹ Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 30

⁷⁰ Там же. С. 93

В романе изображение бюргерства находится в одном ряду с этикой, упадком и музыкой, потому что в Германии смысл этого слова близок духу и искусству так же, как достоинству, степенности, довольству.⁷¹ Таким образом, бюргер для Т. Манна не столько социальное, сколько духовное понятие: только в развитии традиций бюргерской культуры Т. Манн видит путь для совершенствования человечества (А. Русакова, А. Фёдоров, Т. Шарыпина). Процесс потери бюргерского духа и всех традиций бюргерства в результате зарождения фашистской идеологии и тенденций буржуазной демократии эпохи империализма XIX-XX вв., по мнению Т. Манна, ведёт не к буржуа, а к художнику, к иронии. Гениальным выразителем идей «бюргерства» для Т. Манна был И. Гёте («Гёте как представитель бюргерской эпохи», 1932).⁷² Следовательно, проблема немецкой идентичности, по мнению Т. Манна, заключалась в крушении идеала немецкой культуры.

«Бюргер» – словообобщение для немецкой идентичности, это модель, комплекс культурных кодов немецкой нации, который включает в себя «нравственную отзывчивость», «воспитание», «прекрасную, спокойную просвещённость», «чувство изящного», «чистоту и аккуратность», «интеллигентность», «гражданственность», «ответственность», «долг», «честность», «верность добрым традициям».

В XIX веке распространяется мнение, что немцам из-за их **космополитизма** не достаёт прочного национального характера (тенденцию космополитизма заложил И. Гёте, развивая мировую литературу (Weltliteratur)). Особенно чётко эта идея прослеживается в работах Ф. Ницше. Он пишет о том, что ни один другой европейский народ не подвержен такому чудовищному смешению рас, как немецкий. В свою очередь Константин Франц и Богумил Гольц полагали, что немцы никогда нацией не были.

В конце 1870 Богумил Гольц в работах «Немцы», «К характеристике и

⁷¹ Там же. С. 105

⁷² Очерки по истории зарубежной литературы XX века : учеб. пособие, Ч. 2 / В. Г. Новикова, Т. А. Шарыпина ; Федер. агентство по образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Государственного университета, 2005 – С. 92-93

естественной истории немецкого гения» пишет: «Если у славянских и романских наций лицо имеет только масса, народом чувствует себя только «масса», то у немцев самобытную духовную физиономию демонстрирует индивидуум. Сложно постичь немецкий народ, изучив даже тысячу немцев. Немецкая нация не может иметь характера, как другие, поскольку благодаря литературе, просвещённости разума из неё сформировался и вычленился мировой народ, в котором всё человечество начинает признавать своего учителя и воспитателя. Да, мы остаёмся, мы были и останемся наставниками, философами, теософами, религиозными учителями Европы и всего мира. Это наш гений, наше идеальное национальное единство, достоинство и миссия. И мы не имеем права обменивать их на что-то, на какой-то фантом, именуемый французами и англичанами».⁷³

Т. Манн, развивая идею Б. Гольца, утверждал, что национальный этос Германии по ясности, отчётливости нельзя сравнить с этосом других народов: немецкому стилю жизни недостаёт «самоуверенности». Он не имеет чётких очертаний, у него такие же «плохие границы», как и у самой Германии. «Хорошие границы» в политическом смысле Т. Манн видел у островной Великобритании. Немцы, по мнению Т. Манна, никогда не смогут стать нацией в том смысле этого слова, в котором нацией являются англичане или французы.⁷⁴ Внутренние противоречия Германии резки и лишены синтеза, поэтому душа Германии носит духовные противоречия Европы. В «Размышлениях аполитичного» Т. Манн называет Германию европейским полем битвы: «Вознамерившись превратить Германию в обычную буржуазную демократию в римско-западном смысле и духе, вы бы отняли у неё самое ценное и сложное — противоречивость. В противоречивости и заключается её национальность. Нация — чуждое Германии».⁷⁵

Р. Вагнер один из первых пытается выяснить, что именно характерно для немецкой национальности. В 1872 году он рассуждал, выйдет ли что-

⁷³ Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 321

⁷⁴ Там же. С. 49

⁷⁵ Там же С. 50

нибудь из немцев и обретут ли они форму.⁷⁶ Рихард Вагнер неоднократно размышляет о месте Германии и немецкого народа в мировом сообществе и пишет такие работы «Что такое немецкое» (1878 г.) и «Немецкое искусство и немецкая политика» (1867 г.). Одной из ключевых фигур немецкой истории является для Р. Вагнера Себастьян Бах, который сумел возродить подлинный немецкий дух после Тридцатилетней войны (с 1618 по 1648 год) силой своего творчества. Кроме того, Р. Вагнер считает, что немецкий народ добился возрождения благодаря своему **консервативному** (das Konservativismus) образу мыслей, внутренней приверженности себе и своей самобытности. Немец консервативен, бережлив, он экономит, он умеет использовать «устаревшее», больше заботится о сохранении, чем о приобретении, он не стремится к внешнему, он хочет беспрепятственно находиться внутри себя (die Innerlichkeit). Эту особенность выделяет и Ф. Ницше: он считал, что немцам нужно выходить за её пределы, иначе скоро эта **внутренняя жизнь** (die Innerlichkeit) превратится в опухоль, узел.⁷⁷

Стоит отметить, что Р. Вагнер рассматривает не только достоинства немецкого менталитета, но и недостатки. Например, он неоднозначно оценивает склонность немцев к **созерцательности** (die Beschaulichkeit), которая иногда может перейти в наслаждение бездеятельностью, в чистую флегматичность. И. Гёте считает эту немецкую склонность к философствованию и абстрактному умозрению недостатком:⁷⁸ в 1829 году он говорил Эккерману, что пока немцы бьются над разрешением философских проблем, англичане, с их практической сметкой, над нами смеются и завоёвывают мир.⁷⁹ Более того, по мнению Р. Вагнера, именно немецкому народу, который гордится тем, что он немец и тем самым уже велик, присуще высокое **самолюбие** (die Eitelkeit).

Однако в XX в. одной из особенностей немецкой идентичности является то, что она основывается на дегероизации и деидеализации прошлого и

⁷⁶ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 406

⁷⁷ Там же. S. 407

⁷⁸ Там же. S. 352

⁷⁹ Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 329

является объектом немецкой **самокритики** (die Selbstkritik) как следствия разочарования немцев в своей истории. В период с XVIII по XX век склонность к разбору и оценке своих отрицательных сторон также присуща немецкой нации. В связи с этим примечательны высказывания И. Гёте, Г. Гейне, Ф. Ницше и Х. Болла. Т. Манн аутентичен в этом отношении: его работы находятся между критикой и феноменологией. Феномен немецкой самокритики писатель выражает, в том числе и в романе «Доктор Фаустус» в 24 главе, где описана немецкая неприязнь к себе поэта Шильдкнапа. В отличие от Германии, чья самокритика язвительна и сатирична, Россия, например, счастлива тем, что при всей нищете, при всей безнадёжности не может не понимать своей красоты и очарования (Гоголь «Мёртвые души», Гончаров «Обломов»).

⁸⁰

Критика И. Гёте – иронична и афористична: он упрекал немцев в филистерстве, в отсутствии чувства юмора и вкуса, в принципиальности, в стремлении к изоляции и некоммуникабельности (особенно он подчёркивал филистерство и педантичность). Проблема и причина многих из этих недостатков, по мнению И. Гёте, заключалась в постоянной раздробленности Германии, неумении объединиться и почувствовать национальный дух и создать национальную культуру: для этого не хватало единого культурного центра, каким, например, во Франции был Париж.⁸¹ Это всё, как считает И. Гёте, следствие «германской свободы». В то время как в Англии и, прежде всего, во Франции приветствуется согласованность и гармония, в Германии основная черта – **противоречивость** (die Ambivalenz). И. Гёте отмечает, что многие немцы по настоящему сложный народ: «они <суждения> должны быть сформулированы позитивно, сложного мне хватает самому».

⁸²

Г. Гейне – космополит, который эмигрировал во Францию. В своей сатирической поэме «Германия» 1844 года в преддверии революции 1848 года Г. Гейне описывает путешествие на родину. Несмотря на то, что в

⁸⁰ Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 344

⁸¹ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 350

⁸² Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 466

предисловии лирический герой Г. Гейне пишет о любви к Германии, образы и картины поэмы обличают различные области жизни немцев.

Критика Германии у Ф. Ницше начинается с его знакомства с Р. Вагнером. Философ подчёркивает отсутствие собственной культуры в Германии и то, что страна в большей степени ориентируется на Францию. Ницше соглашается с Гёте, ссылаясь на его письмо к Эккерману от 3 мая 1827 года, что жителям Германии, писателям, интеллектуалам не хватает обмена мыслями, живого общения, такого центра как Париж.

В работе «Сумерки идолов: О немцах»⁸³ Ф. Ницше отмечает присущие именно немецкой нации следующие черты: отвагу, самоуважение, трудолюбие, выносливость, способность к самообуздыванию, умение повиноваться, не унижая себя. Однако цель этой статьи не подчеркнуть достоинства немецкого характера, а указать на упадок немецкой культуры, потому что на рубеже XIX и XX вв., по мнению Ф. Ницше, немцы перестали играть значительную роль в развитии культурной жизни. В этом философ видит две основные причины: повышенный интерес Германии к политической деятельности и недостаток внимания к образованию, а точнее его демократизация. Культура и государство, как считает Ф. Ницше, всегда находятся в антагонизме, поэтому, когда Германия стала великой державой, Франция как культурное государство получила новое, большее значение. Что касается образования в Германии в начале XX века, то его Ф. Ницше определяет как «грубую дрессировку». Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. за границей сущность немецкого характера, по мнению Ф. Ницше, принимается как напыщенная глупость под личной ума и тяжеловесность понятий.

Хьюго Болл указывал на то, что немецкий народ потерял свой стержень, ядро. До 1919 года этот стержень заключался в порядке, знании и послушании. Однако после Первой мировой войны наступило огромное разочарование в результате осознания потери своей власти. Поэтому нужно стараться открыть,

⁸³ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / [Соч.] Фридриха Нитче; Пер. с нем. Н. Полилова. - Санкт-Петербург : тип. А.С. Суворина, 1907. – 145 с.

выявить немецкий дух в новых ипостасях.⁸⁴ Одно из заблуждений немцев, по мнению Х. Болла, в их понимании свободы.⁸⁵

Самокритика (die Selbstkritik) – это особая черта немецкой ментальности. Аргументы философов, писателей, поэтов и других представителей немецкой культуры часто находятся между самокритикой и объективной самооценкой: многие характеристики, описанные немцами о самих себе, совпадают с описанием этой нации представителями других народов (например, Мадам де Сталь). Возможно, это немецкое желание выявить свои достоинства и недостатки и начать работать над последними, потому что немцы не хотят испытывать культурное разочарование в себе. Как сказал, Г. Бёлль, это «перфектное общество».⁸⁶

Р. Вагнер приходит к заключению, что **противоречивость** (die Ambivalenz), о которой неоднократно писал Гёте, заложена в немецкой натуре, что одно из основных качеств немца – тоска по родине, единственном месте, где он будет понят, при этом немец любит странствовать и созерцать, но он не хочет только разглядывать чужое как таковое, он хочет его понять «по-немецки», то есть ясно. Для развития противоречия, а, следовательно, для познания различия вещей, человеку, как рассуждал ещё И. Гёте, дана диалектика.⁸⁷ В XIX веке Гегель противопоставил диалектику как способ теоретического мышления, в основе которого осмысление внутренней противоречивости бытия, метафизике. Метафизика, в свою очередь, это смирение, достоинство и постоянство. Противоречие – это критерий истины, а его отсутствие – критерий заблуждения. Т. Манн также отмечает противоречивость как характерную немецкую черту: «Даже в портрете немца мы видим противоречивые черты: нравственно-духовное, жёсткое и мягкое одновременно; взгляд в себя и в никуда, не «пламенный», скорее даже тусклый, плотно сжатые губы».⁸⁸ Далее писатель приводит в пример образ

⁸⁴ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. Hamburg: Rowohlt, 2017. S. 399

⁸⁵ Там же. S. 386

⁸⁶ Бёлль Г. Я сопричастен времени...: эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И.Лопатина; предисловие Е.А.Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – С. 402

⁸⁷ Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 370

⁸⁸ Там же. С. 103

Тонио Крёгера: «Я стою меж двух миров, ни в одном не чувствуя себя дома, и потому мне приходится туговато». Но, может, – рассуждает Т. Манн, – именно это и значит быть немцем: «Разве немецкое естество – не середина, среднее, посредничающее, разве немец не средний человек с размахом?»

В контексте поиска немцами своей идентичности **тема поиска дома** (das Heimweh) очень показательна и является одной из ключевых в литературе: тема странствий – лейтмотив творчества Гёте, Новалиса, Клейста, Фонтане. Когда человек недоволен тем, что его окружает, тем, чем он занимается, тем, кто он есть, есть возможность это исправить – отправиться в путешествие, изменить окружение. Немцы постоянно находятся в состоянии поиска, потому что нет совершенного удовлетворения от того, что происходит с ними и в их стране. Отдельное место в своих публицистических работах этой теме посвящает Г. Бёлль, который благодаря роману Адлера Ганса Гюнтера «Путешествие» (Eine Reise, 1962) осознал, что и в послевоенной немецкой литературе едва ли найдётся хоть одно художественное изображение оседлости, хоть одна книга, в которой соседство, родина полагались бы чем-то само собой разумеющимся.⁸⁹ Немцы много путешествуют, ищут гуманное и социальное в других местах, и в каждую эпоху внешние причины этих странствий различаются. Германия станет окончательным домом для немцев только в тот момент, когда немцы найдут себя; и наоборот, если немцы превратят Германию в свой дом, то тогда они найдут себя. Как считает Г. Бёлль, для этого немцы должны начать испытывать чувство тоски по Германии: но «в мире есть немало людей, мучимых тоской, – но лишь по той Германии, которой уже нет. Можно тосковать и по какому-нибудь городу – по Берлину или Нюрнбергу, по Гамбургу, Кёльну, Мюнхену. Но не тоска ли – это всегда по утраченному или затонувшему Берлину или Кёльну? А тосковать по Федеративной республике? Не знаю – может быть, кто-то и тоскует».⁹⁰

⁸⁹ Бёлль Г. Я сопричастен времени...: эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И.Лопатина; предисловие Е.А.Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – С. 55

⁹⁰ Там же. С. 62

Отдельное место в рассуждениях о национально-культурных кодах занимает **чувство юмора немцев** (Sinn für Humor). Ницше с сожалением замечает, что среди немецкого народа очень мало людей, с которыми можно позволить себе быть весёлым, весёлость, пишет он далее, есть вещь для немцев наименее понятная. С этой точки зрения, как и с точки зрения описания немецкого характера человеком другой нации, интересна книга «О Германии» (1810),⁹¹ в которой французская писательница Анна-Луиза Жермен де Сталь-Гольштейн (Мадам де Сталь), теоретик литературы, публицист, имевшая большое влияние на литературные вкусы Европы начала XIX века, ставит цель – познакомить французское общество с чертами, присущими немецкой нации (которые проявляются на уровне быта, литературы, философии). Мадам де Сталь старается объяснить причины формирования немецкого характера, подчеркивая важность исторических и местных условий, а не отдельных личностей.

Одно из наблюдений де Сталь в том, что она не понимает, какая на самом деле часть государства может носить название «нации», потому что в Германии нет по-настоящему национального духовного единства, а есть саксы, пруссы, баварцы или австрийцы. К критике немецкого характера писательница относит такую черту, как **неумение вести беседы** (Konversationskultur), которая, разумеется, имеет и светлые стороны. Однако во время разговора француз всегда знает, что ещё сказать, если даже у него больше нет мыслей, немец, напротив, всегда больше думает, чем говорит, а если он не думает, то он тем более ничего не говорит. Таким образом, немцам не свойственно поддерживать разговор «компанейскими шуточками», что является последствием важных научных занятий немцев. В связи с этим в немецкой речи не так много по-настоящему остроумных шуток, которые придают беседе пикантность. Что касается образования в Германии, Мадам де Сталь указывает на недостаток практических занятий: «между теорией и практикой зияет пропасть».

⁹¹ О Германии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков, под ред. А. С. Дмитриева, М., Изд-во Московского университета, 1980, С.383-391

Таким образом, *немецкая ментальность* включает в себя следующие культурные коды: ясность, упорядоченность, стремление к совершенству, трудолюбие, аполитичность, самокритичность, послушание/дисциплинированность, рефлексивность, самобытность, противоречивость, особое чувство юмора, конкретность. Эти и многие другие черты ментальности формируются у немцев на протяжении тысячелетий и укрепляются в ХХI веке. Однако отношение к политике со временем трансформировалось. Духовная жизнь наций, как отмечает Т. Манн, имеет выдающиеся черты: немецкая – культурная, английская – пуританская, французская – революционная.⁹² Первый канцлер Германии О. фон Бисмарк выводит страну на мировую арену: примерно с 1848 года в Германии антитеза духа и власти трансформируется в синтез. Именно этот период и его последствия отмечаются многими исследователями как переломные в становлении немецкой идентичности и оцениваются негативно. Однако в данных оценках стоит учитывать два фактора: во-первых, Германия долгий период времени стремилась к духовной независимости (особенно после Французской революции), во-вторых, одни из важнейших составляющих немецкой ментальности – противоречивость и перфектность. Следовательно, эпоха Бисмарка – это естественный ход событий, выражение национальной идеи: создание централизованного государства стимулировало центробежные тенденции в немецкоязычном культурном ландшафте и способствовало дифференциации национальных вариантов: германской, австрийской и швейцарской культуры и словесности. Проблемы начались после эпохи «железного канцлера». Как верно отметил О. Данн, не стоит считать немецкую национальную историю чем-то исключительным; в каждую эпоху характер развития Германии зависел от национального вопроса в Европе, и в настоящий момент Германия, как и Франция – два экономически развитых государства, составляющие ядро Евросоюза.

Данное замечание можно отнести не только к немецкой истории, но и к немецкой идентичности: среди культурных кодов, которые составляют

⁹² Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 23

немецкую ментальность, выделяется одна национальная особенность – немцы склонны создавать ловушки в своём сознании, но это не является их проблемой, предикатом несформированности нации и не зависит от какого-то конкретного события в истории. Немецкая идентичность формировалась так же, как и французская или английская: со своими этапами переосмысления, со своими паузами и со своими ценностями. После 1945 года в Германии наступил национальный кризис, были переосмыслены определённые черты нации, но этот период нельзя назвать роковым и губительным для немецкой нации: она пережила его очень остро, в том числе в силу таких национальных черт как «перфектность», «самобытность», «рефлексивность» и т.д., но продолжила свой путь. Разделение Германии в период 1949–1990 год внесло свои изменения в немецкую идентичность, поэтому вопрос «что такое немецкость?» правильнее сформулировать как «что такое немецкость сейчас?».

1.4. Переломная веха в метаморфозах менталитета

Как верно определил писатель Г.М. Энциенсбергер: «Кто хочет понять себя и хочет быть в себе уверен, должен себя идентифицировать».⁹³ В случае рассогласования идентичности с опытом человека наступает её кризис, и человек заново ищет ответ на вопрос, кто я такой. Мотив поиска себя в своем творчестве развивает и К. Вольф. Например, в эпиграфе к роману «Размышление о Кристе Т.» 1968 ставится вопрос И. Бехера «Как это понимать: приход человека к самому себе?». Кризис идентичности может сопровождаться негативными проявлениями (отчуждение, маргинализация), но в случае его преодоления возможны положительные последствия (овладение новыми навыками, социальными ролями, приобретение полезного опыта). Основная проблема идентичности, с которой столкнулась немецкая нация в XX в. –

⁹³ Recasting German identity: culture, politics, and literature in the Berlin Republic / edited by Stuart Taberner and Frank Finlay. NY: Camden House, 2002. – P. 22.

проблема выбора: как говорил С. Кьеркегор, любой жизненный выбор – это выбор одного из вариантов себя.

В результате трагических событий в истории Германии XX в. немецкая ментальность преломляется и трансформируется. В данной главе мы рассмотрим основные изменения немецкого менталитета, повлиявшие на проблему поиска немецкой идентичности в литературе объединенной Германии.

1.4.1 «Одержимость прошлым»⁹⁴

После 1945 года у большинства немцев возникало желание жить без истории, об этом неоднократно размышляли писатели второй половины XX века.⁹⁵ Э. Ренан уже в конце девятнадцатого века подчеркивал, что история играет решающую роль в определении особенностей нации. Как уже было отмечено, прошлое может быть положительным так долго, сколько человек или народ в целом считает свои традиции достойными похвалы и ценными для формирования настоящего.

После Второй мировой войны немцы оказались в очень сложной ситуации выбора: вариантов собственной идентификации было множество (как минимум, 8 мая – это день поражения или день освобождения), каждый выбирал что-то своё, и единство нации разрушалось. Исторический шанс начать нечто новое – примерно так в мире воспринималось поражение Германии во Второй мировой войне. Проблема заключалась в том, что в итоге с 1949 по 1990 год Германия как единое государство перестала существовать: на мировой арене появились ГДР и ФРГ. Таким образом, в Западной Германии можно говорить о реставрации старых форм (буржуазность, культ имущества, семейный эгоизм) и о насаждении новых – в Восточной Германии. И то, и другое было навязано,

⁹⁴ Нем. *Geschichtsversessenheit*. Мы используем перевод «одержимость прошлым», а не «одержимость историей», чтобы подчеркнуть связь данного термина именно с временным понятием. «Прошлое» мы воспринимаем как объект истории.

⁹⁵ Бёльль Г. Я сопричастен времени...: эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И.Лопатина; предисловие Е.А.Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – С. 388.

и над всем этим преобладала денацификация:⁹⁶ быть немцем – это не красило. Каждый, кто освободил Германию от нацизма, полагал, что именно его социальная система, социальная модель обеспечила победу над фашизмом.

Нацистская диктатура оборвала привычный ход жизни, стала причиной коренного перелома в немецком самосознании. В формировании и изменении немецкой идентичности принимало участие не только государство, но и творческая интеллигенция. Вернер Вайденфельд и Карл-Рудольф КORTE,⁹⁷ Вольфганг Бергем, Клаус Байме⁹⁸ и Лия Гринфельд⁹⁹ в своих работах выдвигают тезис, что в Германии представление о нации сформулировано усилиями именно интеллектуалов. Интеллигенция, в частности писатели, традиционно осуществляла изменение господствующего устройства. Как на Франкфуртских лекциях в 1966 году сказал Г. Бёльль, писатели называли пропажи своими именами: «где политика пасует или терпит явное поражение, там сразу не от кого иного, как от писателя, требуют слова, решительного слова, – стоит только вспомнить об истерических попытках выжать из писателей протесты против сооружения Берлинской стены».¹⁰⁰

Послевоенная Германия дистанцировалась от масштабного комплекса компонентов довоенной ментальности, от многих традиционных институтов, ценностных ориентаций, сложившихся убеждений и стереотипов.¹⁰¹ В данном исследовании с помощью сравнительно-исторического анализа работ О. Данна «Нация и национализм в Германии. 1770–1990», Х. Плеснера «Запоздавшая нация», Ф. Майнеке «Немецкая катастрофа», Л. Гринфельда, Э. Вермея, Р. Брайтенштайна, К. Байме, Г. Джеймса «Немецкая идентичность. 1770–1990», Г. Мюнклера «Немцы и их мифы» выделяются ключевые довоенные черты

⁹⁶ Бондарь И.А. Денацификация Германии в творчестве немецких писателей XX века // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2017. – № 2. – С. 59–68.

⁹⁷ Weidenfeld W., Korte K. Die Deutschen: Profil einer Nation. Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – 275 S

⁹⁸ Beyme K. von. Kulturpolitik und nationale Identität // Studien zur Kulturpolitik zwischen staatlicher Steuerung und gesellschaftlicher Autonomie. Opladen/Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – S. 36-114

⁹⁹ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Лия Гринфельд. - Москва : [ПЕР СЭ], 2008. - 527 с.

¹⁰⁰ Бёльль Г. Я сопричастен времени...: эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И.Лопатина; предисловие Е.А.Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – С. 39

¹⁰¹ Данн О. Нация и национализм в Германии 1770–1990. / Отто Данн; Пер. с нем. И.П. Стребловой; [Послел.: Б.В. Марков]. - СПб. : Наука, 2003. - 468 с

немецкого менталитета, от которых Германия после 1945 года достаточно резко отказалась: великодержавность (имперская ориентация), антидемократичность и антиэмансипаторность, этническое мышление, понимание Запада, и прежде всего Франции, как антипода. Германия дистанцировалась от национальных мифов и мифомоделей (о Лютере, о Фридрихе Барбароссе) в национально-политическом и культурном контексте.¹⁰² Таким образом, в формировании немецкой национальной идентичности решающим и поворотным становится 1945 год, после которого Германия переживает колоссальный национальный кризис.

Процесс переосмысления нацистского прошлого прошёл для немецкой нации неоднозначно и развивался по-разному в ФРГ и в ГДР. В ФРГ до начала 1960-х имело место два подхода: с одной стороны, путь забвения, вытеснения нацистского прошлого из коллективной памяти, позиция «жертвы», объяснение нацизма как европейского и мирового феномена, а, с другой стороны, путь интеграции нацистского прошлого в структуру коллективной памяти Германии и его преодоления. Память и забвение становятся ключевыми понятиями в эстетике немецкого философа Т. Адорно: «человечество, лишённое памяти» (*Schreckbild der Menschheit ohne Erinnerung*)¹⁰³. В 1960-х годах в Западной Германии медленно прогрессировал процесс забвения, который и пытался раскрыть в своих текстах Т. Адорно: он описал этот процесс как «пустое и холодное забывание» (*das leere und kalte Vergessen*)¹⁰⁴. Однако в таком случае все писатели стали бы утопистами. Кроме того, процесс забвения в целом был невозможен, когда в это же время многие народы, целые континенты только начинали себя вспоминать. С 1960-х до начала 1980-х вектор кардинально меняется: немцы признают и серьёзно критически прорабатывают нацистское прошлое Германии. В ГДР преодоление этого нравственного-эстетического вакуума происходило в более положительном контексте – в восточной части Германии не было комплекса «немецкой вины», периода «часа ноль», деятели

¹⁰² Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 25

¹⁰³ Adorno T. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit (1959) // *Erziehung zur Mündigkeit. Vorträge und Gespräche mit Hellmut Becker 1959-1969*, Frankfurt a. M. 1970. S. 10-29, S. 13

¹⁰⁴ Humme C., Kamler V. Kleine Bemerkungen zu Theodor W. Adorno [Электронный ресурс]

культуры продолжали делать то, что делали в годы борьбы с нацизмом. Многие культурные инициативы исходили в начале пути именно из Восточной Германии (издательство «Ауфбау», создание союза творческой интеллигенции «Культурбунд»).

Процесс объединения Германии с 1990 года в большей степени характеризовался «трезвым экономическим расчетом» и не был построен на значимости национальной немецкой символики. Объединение ГДР и ФРГ, таким образом, не стало причиной возрождения «великогерманского» патриотизма и не уменьшило значение памяти о нацистском прошлом. Изначальные опасения немцев, выраженные в заголовке «Штази приходит – наци уходит?» (*Stasi kommt – Nazi geht?*) в газете “*Zeit*” в 1992 году¹⁰⁵, не подтвердились: многочисленные дебаты и дискуссии по поводу значимости общественной памяти о Третьем рейхе выражали разные мнения и позиции и были естественной саморефлексией немецкого общества.

По случаю 50-летия с момента окончания Второй мировой войны в официальном политическом дискурсе Германии ещё более пристально и усердно стал прорабатываться вопрос нацистского прошлого: в одном из официальных выступлений президент ФРГ Роман Херцог сделал заявление: «Истечение 50 лет после конца нацистского режима не может быть концом памяти. То, в чем мы сейчас нуждаемся, это форма памяти, которая будет надежно действовать и в будущем [...]. Ничто не должно быть вытеснено, ничто не должно быть забыто. Мы несем ответственность за то, чтобы подобное больше никогда не повторилось».¹⁰⁶ В итоге память о нацистском прошлом не просто была интегрирована, но стала центральным национальным элементом оценки своих действий в настоящем и будущем: новая система ценностей, политических, этических, гуманистических, формировалась из негативного отношения к нацизму.

Относительно коммунистического прошлого в объединённой Германии, наоборот, нет единого мнения: это и нечто навязанное извне, и то, что

¹⁰⁵ Obenaus H. Stasi kommt – Nazi geht? // DIE ZEIT. Ausgabe Nr. 32/1992 [Электронный ресурс]

¹⁰⁶ Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 25

вызывает острое чувство «остальгии».

В итоге события XX века побуждают немцев более пристально обратиться к национальной памяти: переоценка собственного прошлого, переосмысление национальных мифов стали актуальными для немецкой нации в поисках объединяющих национальных символов.

В связи с этим исследователи немецкой идентичности и культуры памяти А. Ассман и Ю. Фреверт вводят такое понятие, как «одержимость прошлым» (нем. *Geschichtsversessenheit*): «Никогда раньше ни одна нация, ни одно поколение не рефлексировали столь интенсивно на тему своего прошлого» (*“Noch nie zuvor hat sich eine Zeit, eine Nation, eine Generation so reflektiert und reflektierend mit sich selber und ihrer Herkunft befaßt”*)¹⁰⁷. Эту метафору в своих работах продолжает использовать немецкий историк, политолог В. Бергем¹⁰⁸. По мнению М. Яйсмана¹⁰⁹, Германия политически обосновала культуру принятия вины. С немецким историком соглашается и Х. Кёниг (König H.: *Die Zukunft der Vergangenheit. Der Nationalsozialismus im politischen Bewusstsein der Bundesrepublik*, 2003): в общественных дебатах прошлое ГДР, по сравнению с нацистским, так и не стало превалирующим; наоборот, «столько полемики о нацистском прошлом, как в этот период, не было никогда прежде»¹¹⁰.

«Одержимость прошлым» становится фундаментальной немецкой национальной чертой в результате закономерного перехода «комплекса вины» из «коммуникативной памяти» (*„kommunikatives Gedächtnis“*) в «культурную память» (*„kulturelles Gedächtnis“*). Несмотря на то, что судебные процессы против нацистских преступников (*„Vergangenheitspolitik“*) завершились, представители поколения, пережившие Вторую мировую войну, начали естественно убывать, саморефлексия, осознание вины и сам мучительный процесс принятия

¹⁰⁷ Assmann A., Frevert U. *Geschichtsvergessenheit, Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – 318 S.

¹⁰⁸ Bergem W. *Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs* / Wolfgang Bergem (Hg.), Opladen: Leske + Budrich, 2003. – S. 89.

¹⁰⁹ Jeismann M. *Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. – 216 S.

¹¹⁰ Кёниг Х. Будущее прошлого: национал-социализм в политическом сознании ФРГ / Хельмут Кёниг ; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. М.: РОССПЭН, 2012. – С. 124

этой вины немецким обществом носил масштабный характер, и ключевая роль прошлого прочно закрепились в формировании послевоенной немецкой ментальности.¹¹¹ Культурная память окончательно сформировалась и приобрела цельный характер, во-первых, после преодоления конфликта поколений, свойственного ранним периодам истории ФРГ (поколение 1968-го года)¹¹² и, во-вторых, после объединения Германии в 1990 году, что освободило дискурс о прошлом от идеологической конфронтации со стороны ГДР и ФРГ (западные немцы перестали сравнивать Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) и нацистскую диктатуру, а восточные – капитализм и фашизм)¹¹³.

Повышенный интерес к историческому прошлому после воссоединения Германии – один из ключевых элементов немецкого национального самосознания, важный для исследования динамики немецкой идентичности. То, что в других сообществах воспринимается как «одержимость прошлым» («ворошить прошлое», «сыпать соль на раны») и часто осуждается как препятствие в построении настоящего и будущего, в Германии принимается и считается частью менталитета, несёт положительную коннотацию и теперь является константой национальной идентичности. Оглядываться назад – не значит тормозить: единственный путь двигаться вперёд для немцев – не забывать о прошлом.

1.4.2 Берлинская стена¹¹⁴

Творческая интеллигенция, как уже было отмечено, наравне с государством играет ключевую роль в формировании культуры памяти, а значит, национальной идентичности. Исследование художественной литературы (национальных мифов, традиций и символов) обязательный пункт в

¹¹¹ Bergem W. Identitätsformationen in Deutschland. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. S. 140

¹¹² Bialas W. Die nationale Identität der Deutschen. Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten / Bialas Wolfgang (Hrsg.). - Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. S. 88.

¹¹³ Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. [Электронный ресурс]

¹¹⁴ Нем. Berliner Mauer. Берлинская стена разделяла Германию с 13 августа 1961 по 9 ноября 1989 и стала символом конфликта в холодной войне между западными державами, в которых доминировали США, и так называемым Восточным блоком под руководством Советского Союза.

исследовании немецкой национальной идентичности. Литература – это одновременно и средство рефлексии над прошлым, и поиск новых ориентиров национального самосознания, а также использование национальных традиций и национального языка.

Определяющей в этом плане является тенденция преемственности, неважно, принимаются или трансформируются традиции – они в любом случае являются фундаментом, от которого отталкивается современное мышление. Например, обращение к мифам в переломные моменты эпохи позволяет перевести насущные вопросы в план «вечной» проблематики, найти в истории параллели и поучительные аналогии – античность и противоречивые концепции И.И. Винкельмана, Ф.В. Шеллинга, Р. Вагнера, Ф. Ницше, О. Шпенглера привлекают внимание ни одно поколение немецких писателей (Т. Манн, Г.Э. Носсак, К. Вольф, Ф. Фюман, П. Хакс, В. Хильдесхаймер, Ф. Браун, Б. Штраус и др.). Т. Манн, развивая идеи Р. Вагнера о гуманизации мифа и концепцию Юнга о проявлении бессознательных общих моделях человеческого поведения и мышления в мифах, сближает понятия типического и мифического: «типическое», как и миф, – изначальный образец, вневременная схема. Истоки человеческой цивилизации и гуманизма искать нужно в мифе, который выражает гуманистические ценности, пропущенные сквозь призму человечества. По мнению Т. Манна, эта модель как характеристика психологических особенностей заложена у человека в генетической памяти, и, таким образом, человек идёт по следу своего мифологического прообраза и сам выбирает, остаться ему в рамках этой модели, либо совершенствовать её (Клеопатра/Иштар/Астарта/Афродита). Отечественные мифологи (А.Ф. Лосев, О.М. Фрейденберг, А.В. Гулыга, Т.А. Шарыпина) приходят к выводу, что в XX веке миф имеет не познавательный, а поведенческий характер: это не форма знания, а побуждение к действию¹¹⁵.

Объединение Германии 1990 года стало причиной новых проблем немецкой

¹¹⁵ Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX-XX вв. : Материалы спецкурса / Т. А. Шарыпина; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. - Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – С. 5.

идентичности: несмотря на то, что 3 октября 1990 года между нацией и государством установилось полное соответствие, это событие не было воспринято в немецких интеллектуальных кругах однозначно положительно. Ещё до падения Берлинской стены М. Вальзер отмечал, что большинство представителей западно-германской интеллигенции к идее объединения Германии относились либо с недоверием, либо с недовольством, в лучшем случае – равнодушно.¹¹⁶ В. Бранд, канцлер Германии второй половины XX века (1969–1974 гг.), всегда выступавший за воссоединение государства, впоследствии охарактеризует это событие словом «шизофрения» (нем. Schizophrenie).¹¹⁷ Г. Грасс, сторонник объединения и член социал-демократической партии Германии (СДПГ/SPD), в 1992 в знак протеста выходит из партии и критикует сложившуюся общественную ситуацию. В романе «Необъятное поле» (“Ein weites Feld”, 1995) Г. Грасс правдиво изображает ситуацию после объединения Германии, когда политики и общественные функционеры ФРГ начали травлю многих культурных и общественных деятелей ГДР, фабрикуя компромат и т.д. Такая кампания была открыта в средствах массовой информации против Кристины Вольф, чей роман (во многом автобиографический), «Медея. Голоса» (“Medea: Stimmen” 1996), появился, когда вокруг неё после государственного объединения образовалась полоса отчуждения. Роман К. Вольф появился в тот же год, что и весьма противоречивая пьеса «Итака» (“Ithaka. Schauspiel nach den Heimkehr-Gesängen der Odyssee”, 1996) Бото Штрауса, одного из самых успешных и популярных современных немецких драматургов и писателей «с другой стороны», указывающего на недостатки воссоединения Германии и критикующего её объединение также в драме «Последний хор» (“Schlusschor”, 1991). Б. Штраус в 1993 году в статье «Anschwellender Bocksgesang» критикует материальные ценности, массовую культуру, экономику и в целом культурное опустошение западного мира, что вызывает мощную общественную реакцию.¹¹⁸

Литература Германии в целом оказалась подготовлена к дискуссии о

¹¹⁶ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. – Hamburg: Rowohlt, 2017. – S. 911

¹¹⁷ Там же. S. 918

¹¹⁸ Там же. S. 923

важнейшей национальной проблеме, обретёт ли идентичность нация, долгое время разделенная Берлинской стеной. Однако сам «литературный дискурс» исторических событий Германии XX века долгое время находился под влиянием высказываний политиков, под давлением средств массовой информации. Писатели едва ли могли выразить противоположную точку зрения, не возмущив общественность. Яркий пример – благодарственная речь М. Вальзера в 1998 году относительно нацистского прошлого Германии,¹¹⁹ в которой писатель высказал мысль о том, что для «нормализации» немецкой идентичности необходимо перейти на новый этап в жизни немецкого общества и перестать заниматься «длительной демонстрацией немецкого позора». Речь М. Вальзера вызвала общественное недовольство и подверглась критике со стороны немецкой интеллигенции, политиков и даже самого президента ФРГ.

Решение поставленной цели исследования потребовало провести историко-культурологический анализ развития литературных процессов Германии – в ГДР и в ФРГ. Особое значение имеет вопрос о взаимодействии литератур ГДР и ФРГ. Эти литературы формировались и развивались, отражая по своей сути глубокое различие социально-политических условий в обеих странах. Однако это не исключало возможность идейно-художественных контактов и влияний. Наиболее ярким примером в этом смысле (начиная с 50-х годов) было сильное и глубокое влияние Бертольта Брехта не только на драму или поэзию, но на литературу ФРГ в целом. На ряд прозаиков ГДР оказало определенное влияние творчество Вольфганга Борхерта. Позднее не прошли бесследно для прозы ГДР и романы Гюнтера Грасса и Макса Фриша. Драматургия ГДР во многом обязана примеру и опыту Петера Вайса. Однако в большей степени мы наблюдаем разнонаправленное течение литературных процессов двух государств. Развитие искусства в ГДР и в ФРГ отличается разнообразием тем, форм, проблематики.

Преодоление нацистского прошлого в литературе ГДР и ФРГ шло по-разному – раздел культурной жизни основательно начал развиваться с 1949 года. В

¹¹⁹ Friedenspreis des deutschen Buchhandels. Martin Walser: Text der Ansprachen. Frankfurt am Main: Börsenverein des Deutschen Buchhandels (Hg.), 1998. – 67 S.

творчестве писателей ГДР и ФРГ превалировали антивоенные и антифашистские темы, но были расставлены разные акценты. Восточногерманских писателей занимала тема воспитания «нового человека». В отличие от писателей ФРГ они не обладали комплексом «немецкой вины», не было ощущения «часа ноль», а, следовательно, «литературы развалин», потому что писатели продолжали делать то, что делали в годы борьбы с нацизмом. В начале пути многие культурные инициативы исходили именно из Восточной Германии. Анна Зегерс говорила позднее, что только в ГДР она могла найти отклик, о котором писатель мечтает: «Потому что здесь существует тесная взаимосвязь между словом и жизнью. Потому что здесь я могу выразить то, во имя чего я живу»¹²⁰.

В ФРГ развивалось общество потребления, строились монополии, жители переживали период «немецкого экономического чуда». Курс официальной пропаганды был резко антисоветский и антикоммунистический. В 1951 году под предлогом мнимой коммунистической угрозы возрождается немецкая армия. Пророками и учителями в 50-е годы в ФРГ почитались Т.С. Элиот, Дж. Оруэлл, и были популярны антисоветские «бестселлеры» И.М. Бауэра и Г.Г. Конзалика. Таким образом, к середине 50-х литературная ситуация в ФРГ приобрела острый политический характер (параллельно звучало недовольство политикой К. Аденауэра, который отвергал любые эксперименты в литературе и настраивал «новую» Германию против эмигрантов, например Т. Манна).

Реакцией на милитаризацию страны, рост неонацизма, политическую индифферентность масс (манипуляцию ими в обмен на «экономическое чудо») становится появление в литературе Группы 47 (Gruppe 47), и обозначается литература морально-политического свойства (Г. Бёлль, И. Бахман, М. Вальзер, Г. Грасс, З. Ленц, Г. Энценсбергер и др.). Писатели боролись за соблюдение демократии, показывали реальную жизнь страны изнутри и тему войны, тему «непреодоленного» прошлого раскрывали **сквозь призму современности**, а не только войны как таковой. Эта позиция была близка и писателям, далёким от Группы 47 (В. Кёппен, Э. Кестнер, Г.Э. Носсак и др.). Своеобразную программу

¹²⁰ Seghers A. Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Berlin: Akademie-Verl, 1970, Bd. 1. – S. 154

Группы 47 зафиксировал в 1955 году В. Йенс в журнале А. Андерша «Texte und Zeichen» (скорее индекс состояния литературы в ФРГ, так как объединение не имела жёсткой организационной структуры и чёткой литературно-эстетической и политической программы). Один из основных методов был гротеск как замена трагедии и метод отчуждения. Параллельно в ФРГ развивалась литература магического реализма (Г. Носсак, Г. Казак).

Соответственно **до середины 50-х годов** большое количество деятелей культуры из противоположных секторов переезжало в Восточную зону, где чувствовалось **моральное преимущество**. Деятели антифашистского немецкого режима создали издательство «Ауфбау» (Aufbau-Verlag), по инициативе писателя Й. Бехера был организован союз творческой интеллигенции ГДР (Kulturbund der DDR), участниками которого уже в 1947 году стало 120 писателей. «Культурбунд» служил задаче дать писателям литературную родину и объединить их силы для служения антифашистско-демократическому строю. Писатели расставляли разные акценты, изображая строительство новой жизни. Например, Э. Штрिटт-маттер в романе «Тинко» (Tinko, 1954) обращает внимание на конфликт «старого» и «нового» в немецкой деревне после проведения земельной реформы. **В середине 50-х** в культурной политике ГДР наступил кризис: саморазвитие литературы и культуры стало несовместимо с утилитарной и авторитарной государственной политикой в области искусства.

В результате принятия программы «Биттерфельдский путь» (Bitterfelder Weg) 1959 и 1964 годов, направленной на создание самостоятельной националистической культуры ГДР и преследовавшей просветительские, утилитарные цели в литературе, из Союза писателей ГДР вышел Ф. Фюман.¹²¹

Таким образом, **60-70-е** годы становятся переходным этапом в литературе и выполняют функцию «коллективного самоосмысления» (термин Д. Шленштедта).¹²² После смены руководства страны в 70-е годы в

¹²¹ Очерки по истории зарубежной литературы XX века : учеб. пособие, Ч. 2 / В. Г. Новикова, Т. А. Шарыпина ; Федер. агентство по образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Госуниверситета, 2005 – 315 с.

¹²² Шарыпина Т. А., Восприятие античности в литературном сознании Германии XX века : Троянский цикл мифов : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.05. - Нижний Новгород, 1998. - 532 с.

общественном сознании происходит зрелое понимание многообразия функций художественного творчества и возрождается интерес к творческому наследию романтиков; начинается программа либерализации искусства и литературы; появляется **тенденция к «новой субъективности»**, и на передний план выходят проблемы индивидуума в социалистическом обществе. В центре литературных произведений – вопрос о роли индивидуума в обществе, источник конфликтов – отношения между людьми в социалистическом обществе, диалектика отношений между объективными условиями и субъективными возможностями или просчетами.

Острые нравственные проблемы ставятся в прозе Ф. Брауна. Оживленные споры вызвали его повести о современной молодежи ГДР, объединенные в сборнике «Беззаботная жизнь Каста» (“Das ungezwungne Leben Kasts”, 1972). Антифашистская традиция получает в литературе ГДР дальнейшее развитие. Писатели в большей степени концентрируют внимание на его психологическом и моральном аспекте (Ф. Вандер «Седьмой колодец»/“Der siebente Brunnen” 1971 г.). В литературе ГДР проблемы любовных или семейных отношений стали приобретать большее значение, чем на предшествующих этапах (Х. Рихтер «Дело о разводе»/“Scheidungsprozess”, 1971 г.). В пьесе Р. Керндля «Когда придет Эрлихер» (“Wann kommt Ehrlicher?”, 1971 г.) предметом писательского внимания становится «недолговечность» отношений двух любящих людей в связи с проблемой развития личности при социализме.

В ноябре 1976 года либерализация литературы ГДР завершилась депортацией из Восточной зоны поэта **В. Бирмана**, после чего из ГДР в ФРГ эмигрировали и другие писатели, например, Г. Кунерт, П. Хухель.

В результате сравнительно-исторического анализа литературных процессов ГДР и ФРГ мы приходим к выводу, что каждое государство обладало характерными проблемами, которые соответствовали системе государственного управления. В ФРГ был запрещён доступ писателей-антифашистов, тем более коммунистов (В. Бредель, А. Зегерс, И. Бехер), не печатались книги, где фашизм изображался как вполне определённое, обусловленное социальными

причинами явление (критика творчества В. Кёппена). В ГДР писателям приходилось отстаивать художественную индивидуальность (Франц Фюман, Хайнер Мюллер, Фолькнер Браун). Однако в ФРГ в 90-е годы в момент объединения Германии в литературе произошёл духовный застой: бороться уже было не с кем. В то же время литература ГДР к этому моменту стала вполне самостоятельной и многообразной и дала положительный импульс для будущего развития литературы и культуры объединённой Германии. Восточно-немецкая литература развивалась во многом интереснее и разнообразнее, чем на Западе: развивались условные формы, была очень продуктивная связь со славянской традицией (например, в творчестве Юрия Брезана). Стоит отметить произведения К. Вольф, Ф. Фюмана, Х. Мюллера, которые повлияли на дальнейшее развитие не только немецкой, но и мировой литературы. Писатели именно с восточнонемецким «бэкграундом» создают значительный блок произведений, посвящённый феномену ГДР.

Реакция на объединение была разной – писатели Восточной Германии касались как тоталитарного режима, где человек всегда был под наблюдением и не имел возможности свободно высказывать своё мнение (К. Вольф “Was bleibt?”, К. Хайн “Der Tangospieler”), так и ностальгировали по «былым временам». Двойственная рефлексия-прощание с уходящей в прошлое «раздвоенной Германией» отразилась в поэзии писателей из бывшей ГДР. Показательно изменение тональности стихов Фолькера Брауна, оппозиционно настроенного в своё время к режиму ГДР поэта. Горькой самоиронией пронизано стихотворение, написанное вскоре после 1990 года, в результате которого поэт оказывается, как бы на захваченной, отчужденной «колонизированной» территории:

Da bin ich noch: mein Land geht in den Westen. // KRIEG DEN HÜTTEN FRIEDE
DEN PALÄSTEN. // Ich selber habe ihm den Tritt versetzt. // Es wirft sich weg und
seine magre Zierde [...] Die Hoffnung lag im Weg wie eine Falle. // Mein Eigentum,
jetzt habt ihrs auf der Krallen. // Wann sag ich wieder mein und meine alle.

Объявлен МИР ДВОРЦАМ, ВОЙНА ЛАЧУГАМ. // Страна на Запад сваливает цугом. // Я ей вдогонку сам всадил пинка – // Униженно снимавшей украшенья. [...] Ловушек много в вашем арсенале – // как ловко собственность к рукам прибрали. // О личном – наше! вновь скажу едва ли.¹²³

В общественном и литературном сознании появляется термин «остальгия» (В. Зэманн «Моя жизнь в караване»/Mein Leben im Caravan, 1992). Причины возникновения и основные этапы развития данного феномена одна из первых анализирует М.С. Потёмина.¹²⁴ Символом прощания со значительной частью своего прошлого становится падение Берлинской стены (Т. Бруссиг «Солнечная аллея»/Am kurzesten Ende der Sonnenalle, 1999, И. Шульце «Simple Stories», 1998). Яркий пример добродушной самоиронии и «остальгии» – повесть Т. Бруссига «Солнечная аллея», где желание молодёжи в ГДР подражать западным тенденциям принимает лёгкую форму воспоминания о беззаботном времени, когда тайно слушали запрещённые песни группы «Rolling Stones», мечтали о джинсах и «Кока-коле» и верили, что там, за «стеной» – жизнь, полная развлечений и удовольствий. Ироническое переосмысление действительности вообще характерно для немецкой литературы (Г. Кант «Остановка в пути», 1977).

Писатели создают образ добродушного и честного жителя бывшей ГДР и противопоставляют ему беспринципного карьериста из бывшей ФРГ, который становится лидером в объединённой Германии¹²⁵ (Й. Шпаршу «Комнатный фонтан»/Der Zimmerspringbrunnen, 1995, Г. Грасс «Моё столетие»/Mein Jahrhundert, 1999). Встаёт вопрос: «Наказание свободой или наказание тюрьмой – что хуже?». ¹²⁶ Различие между двумя «типами» немцев также упоминается в романе-автобиографии Р. Фрича «Штемпель в свободный мир» (“Die

¹²³ Шарыпина, Т.А., Кудрявцева Т.В. Проблемно-тематический комплекс «оси-веси» в литературе воссоединённой Германии (на примере поэзии 1990–2000-х годов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 110–111.

¹²⁴ Потёмина М. «Остальгия» в литературе объединённой Германии // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 237–249.

¹²⁵ Чугунов Д. Чем же было это «прошлое»? (о феномене ГДР в немецкой литературе 1990-х годов) // Балтийский филологический курьер, 2007. № 6 С. 225–236.

¹²⁶ Шпаршу Й. Комнатный фонтан : [роман] / Йенс Шпаршу; [пер. с нем. М. Ю. Коренева]. - СПб. : Амфора, 2004 (ГИПК Лениздат). - 222 с.

Sache mit Tom – eine Flucht in Deutschland”, 2009), бывшего жителя ФРГ, который помог своему двоюродному брату сбежать из Восточной зоны. Он переживал, что Запад может разочаровать Томаса, потому что в ГДР между людьми были более тесные и сердечные отношения, в отличие от ФРГ, где жизненные установки были ориентированы на материальное благополучие.¹²⁷ Из романа мы узнаём, что в ФРГ не принято было произносить аббревиатуру «ГДР», потому что «это равносильно официальному признанию её как государства»,¹²⁸ и то, что в ФРГ было множество политических анекдотов на тему ГДР: «Почему мы называем наших советских товарищей «братьями», а не «друзьями»? Потому что друзей выбирают, а братьев нет».¹²⁹ Настроение и состояние героев в произведениях о жизни во время и после разделения Германии варьируется от доброжелательного, иронического, ностальгического до глубоко рефлексирующего, подавленного, растерянного.

С течением времени образ ГДР получает более обоснованную и взвешенную оценку: проявляется сложность образа ГДР, авторы постепенно от «ностальгического» или резко негативного восприятия ГДР переходят к объективному изучению одного из этапов истории Германии, предоставляя читателям свободу в выборе своей оценки этого периода. Основной вопрос, который звучит в литературе объединённой Германии не только XX, но и XXI века, есть ли основания говорить о национальном единстве.

Если в XX веке в бестселлерах «восточных» писателей среднего поколения жизненные обстоятельства во время разделения страны и последствия объединения Германии, как отмечает М.С. Потёмина, не подвержены программному анализу,¹³⁰ то в XXI веке в художественной литературе осмысление проблемы поиска немецкой идентичности приобретает другой вектор (У. Телькамп «Башня»/*Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land*, 2008). Не только художественная, но и критическая литература становится площадкой для

¹²⁷ Фрич Р. Штемпель в свободный мир // Иностранная литература. Берлин–Москва: история по памяти, 2015. № 4. С. 210

¹²⁸ Там же. С. 205

¹²⁹ Там же. С. 197

¹³⁰ Потёмина М. «Остальгия» в литературе объединённой Германии // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 241.

интерпретации событий второй половины XX века. В 2008 году в Германии публикуется сборник статей «Память и идентичность: немецкая литература после объединения», где писатели анализируют современную немецкую литературу с точки зрения её критической направленности после объединения. Над распространённой трактовкой немецкого воссоединения в очередной раз задумывается и Ф.К. Делиус.¹³¹ В 2017 году выходит в свет книга немецкого литературоведа Д. Борхмайера «Что такое немецкость? Поиски собственной нации»¹³², где в парадигме от Гёте до Т. Манна автор анализирует, как меняется концепция немецкой идентичности, и прогнозирует, к чему приведёт немцев собственный поиск. Коллективный многотомный труд «История литературы Германии: XX век», подготовленный в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН, в том числе посвящён и исследованию проблемы национальной идентичности в Германии.¹³³

В статье У. Телькампа «Немецкий литературный вопрос. Чем была ГДР?» («Die deutsche Frage der Literatur: Was war die DDR?») проанализированы как положительные, так и отрицательные стороны Германской Демократической Республики.¹³⁴ Автор признаёт, что Восточная часть разделённой Германии была «бумажной республикой» и «подкидышем», зависящем и связанным с СССР невидимой «пуповиной», которая в умах немцев обозначалась как «Дружба», в то же время ГДР осталась хорошо продуманной и прекрасной мечтой и иллюзией. Идея «голограммы» в связи с образом Германской Демократической Республики обыгрывается в произведениях «Необъятное поле», «Моё столетие» Г. Грасса, «Комнатный фонтан» Й. Шпаршу, «Солнечная аллея» Т. Бруссига, в поздних произведениях К. Вольф и продолжает быть актуальной в романах У. Телькампа и Л. Зайлера. Таким образом, и старшее, и младшее поколение немецких писателей XX–XXI веков выражают идею иллюзорности ГДР, её невозможности выжить в условиях реальности.

¹³¹ Gedächtnis und Identität: Die deutsche Literatur nach der Vereinigung / Fabrizio Cambi (Herausgeber), - Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2008. – S. 351

¹³² Borchmeyer D., Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst – Hamburg: Rowohlt, 2017 – 1055 S.

¹³³ История литературы Германии XX века. Т. 1 1880–1945 в 2 кн. Кн.1., М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 298.

¹³⁴ Tellkamp U. Die deutsche Frage der Literatur: Was war die DDR? // F.A.Z., 2007. [Электронный ресурс].

Утопичность политической платформы этого ушедшего в прошлое государства символично и ярко показывает Бото Штраус в уже названной пьесе «Итака». Процесс неизбежности крушения в спектакле должны были метафорически олицетворять рухнувшие декорации, изображавшие цветущие сады старца Лаэрта¹³⁵. Нежизнеспособность этого утопичного «города-сада» подчеркивается в сценографии пьесы неожиданным и мгновенным крушением.

«Минуя границы» – сборник повестей, который объединяет писателей Восточной и Западной Германии, вспоминающих о том, что было во время раскола в ГДР и в ФРГ и как это повлияло на самоопределение немцев. Юлия Франк, немецкая писательница, решила соединить в этой книге новые взгляды на прошлое, разные субъективные точки зрения и таким образом прийти к истине, «несмотря на то, что авторы писали тексты независимо друг от друга, рассказы обнаруживают внутреннюю связь».¹³⁶ Вопрос «Где моя родина?» вызвал наибольшую сложность. Жители Запада с презрением относились к Восточной Германии, того, кто был плохо или немодно одет надменно называли «осси» (нем. Ossi), кроме того, считалось, что в Восточном блоке нечего есть. Жители ГДР не переставали идеализировать коммунизм, либо стремились к материальным благам, открытым границам, свободе слова, но никто из них не стал счастлив, когда столкнулся с действительностью. В первом случае – ГДР стала утопией, а во втором – получив желанное, бывшие жители Восточной Германии не смогли себя реализовать из-за нехватки многих качеств характера, присущих западному менталитету.

Развал ГДР оставил после себя пустоту, которая в большей степени отразилась на ценностях и карьерных перспективах разочарованной молодёжи в восточной части Германии. Объединение Германии можно сравнить с таким психологическим заболеванием, как раздвоение личности, потому что ГДР и ФРГ развивались как две противопоставленные крайности одного целого. В

¹³⁵ Шарыпина, Т.А. «Мифический элемент» в драматургии объединенной Германии (Бото Штраус «Итака») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 292–296.

¹³⁶ Минуя границы : писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают / пер. с нем. [А. Кряжмской и др.]. - Москва : Текст, 2009. – С. 18

настоящий момент, как констатируют исследователи и деятели культуры, сложно определить, какая составляющая немецкой ментальности имеет первостепенное значение. Немцам необходимо было, во-первых, избавиться от страха, чувства стыда и вины за нацистский режим, во-вторых, принять прошлое ГДР и ФРГ, и, наконец, найти новый путь развития, проанализировав свою историю. Для множества немцев вопрос нации остается злободневным, он не столько объединяет, сколько разъединяет их. В связи с этим актуально определение немецкой нации как «нации поневоле».¹³⁷

С одной стороны, объединение ускорило поиск новых слагаемых немецкой идентичности и позволило Германии впервые за долгое время ощутить себя нацией в благоприятных условиях в результате мирной революции 1989 года. Политическое представление о себе самой как о государстве и культурное представление о себе как о нации у Германии совпали.¹³⁸ М. Вальзер через несколько дней после мирной революции отметил, что наступило счастливое время, поскольку немцы, уже считавшие себя невезучей нацией, впервые достигли успеха.¹³⁹ С другой стороны, последствием «мирной революции» стало явление «негативного национализма» (например, «никогда больше никакой Германии»/„nie wieder Deutschland!“), проявившего себя в критике собственной истории и идентичности. Население ФРГ столкнулось с большим количеством переселенцев и беженцев из Восточной Европы. У многих жителей Западной Германии, таким образом, возникло ощущение «обделенности» в собственной стране. Как минимум, этот исторический факт не способствовал возникновению чувства «национального восторга» в 1990 году.¹⁴⁰

Объединение Германии 1871 г. – это закономерный результат национального движения, продолжавшегося несколько десятилетий. Объединение Германии 1990 г. более кардинальный и болезненный процесс, начавшийся

¹³⁷ Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 33

¹³⁸ Там же. С. 37

¹³⁹ Borchmeyer D. Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst. – Hamburg: Rowohlt, 2017. – S. 918

¹⁴⁰ Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 51

вследствие демократической революции в ГДР, но который успешно совпал с объединением Европы. Страна, которая долгое время состояла из многочисленных границ, после объединения стала двигателем политических, экономических и общественных достижений, показывая пример другим странам. Такое своеобразие парадоксов в истории Германии объяснил ещё в середине XX века немецкий философ и социолог Хельмут Плеснер понятием «запоздавшей нации» (*die verspätete Nation*)¹⁴¹.

Выводы

Специфика немецкой самоидентификации в объединенной Германии заключается в том, что это осознание принадлежности к той общности, ценностные установки и ориентиры которой в совокупности противоположны из-за ментальных различий бывших жителей ГДР и ФРГ. В результате культурно-исторического анализа мы **приходим к выводу**, что проблема поиска немецкой идентичности формируется относительно двух основных центральных событий в истории Германии: 1945 и 1990 годы.

Оценка разделения и дальнейшего объединения Германии претерпевает такую же сложную эволюцию, как и оценка нацистского прошлого. Однако проблема самоидентификации в связи с разделением государства на ГДР и ФРГ в большей степени звучит именно в произведениях литературы объединенной Германии, чем в реалиях немецкого народа. Анализируя культуру памяти (*Erinnerungskultur*) немцев, то есть то, **как** они помнят знаковые исторические события, можно утверждать, что именно в литературных кругах, а не на государственном уровне зарождается и укрепляется вопрос «**стены в головах**» в объединённой Германии. Разделение Германии приобрело гораздо меньшее значение для развития национальной идентичности после 1990 г., чем проблема

¹⁴¹ Plessner H. Die verspätete Nation. Über die Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. – 195 S.

осмысления нацистского периода.¹⁴² Тем не менее, послевоенный раскол Германии, просуществовавший более 40 лет, оказал влияние на формирование очередного этапа поисков немецкой идентичности: политические, нравственные, общественные ценности ГДР и ФРГ строились на противостоянии, а Германия перестала существовать как единое государство с 1947 до 1990 года.

В настоящее время количество художественных произведений, объективно прорабатывающих образ ГДР и последствия объединения, возрастает.¹⁴³ Несмотря на то, что писатели солидарны в том, что разделение Германии в период 1949–1990 гг. внесло свои изменения в понимание проблемы немецкой идентичности, потому что ценностная картина бывших жителей ГДР и ФРГ после объединения оказалась диаметральной, многие из них начинают признавать, что это не является катастрофой.

Немецкая идентичность – это совокупность противоположных ценностей и мировоззрений, «различия в менталитете тех и других придают Берлину [как и Германии в целом] его необычную пестроту».¹⁴⁴ Стена, утверждал Ганс Магнус Энценсбергер, отделила немцев от немцев и от остального мира, но единственное, что немцы разделяли, было утверждение: «Die Zerrissenheit ist Unsere Identität» («Разъединенность – это наша идентичность»)¹⁴⁵ Следовательно, вопрос «что такое немецкость?», который был актуальным ещё во времена Р. Вагнера, не исчерпал себя и в литературе XXI века.

¹⁴² Vergau J. Aufarbeitung von Vergangenheit vor 1989 nach. Eine Analyse des Umgangs mit den historischen Hypothesen totalitärer Diktaturen in Deutschland. – Marburg: Tectum Verlag, 2000. – 265 S.

¹⁴³ Бурханова М.В. Образ ГДР и ФРГ в немецкой литературе на рубеже XIX–XX вв., Бюллетень научных студенческих обществ ННГУ им. Н.И.Лобачевского, №4. Гуманитарные и социальные науки, 2014. С. 66–69

¹⁴⁴ Минуя границы: писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают / пер. с нем. [А. Кряжимской и др.]. – Москва : Текст, 2009. – С. 227

¹⁴⁵ Enzensberger H. M, Landessprache: Gedichte. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969. – S. 9.

Глава 2. Специфика *Wendeliteratur* (литературы «поворота»)

В литературоведении объединенной Германии вместе с проблемой поиска немецкой идентичности вводится термин “*Wendeliteratur*”. Термин *Wende* в переводе с немецкого означает «поворот», «переломный момент», «рубеж» и в разговорном варианте – «воссоединение Восточной и Западной Германии», то есть он относится к событиям 9 ноября 1989 года и, следовательно, к завершению эпохи ГДР. Считается, что впервые этот термин использовал в своём телевизионном выступлении Эгон Кренц, когда он 17 октября 1989 года занял место Эриха Хоннекера на посту председателя ГДР. Однако до Эгона Кренца понятие “*Wende*” сформулировал Фолькер Браун в «Прологе к открытию 40-го сезона Берлинского ансамбля» 11 октября 1989 года.¹⁴⁶

„Unsere Bühne, Raum bietend/den großen Widersprüchen/wird wieder eröffnet./Der Planwagen der Händlerin/und der Eisenwagen der Genossen/stoßen aufeinander. Was für alte / Fahrzeuge , die nicht wenden können! Ihre sichtbare/Schwierigkeit macht uns Mut/zu einer andern Bewegung. Eröffnen wir/auch das Gespräch /über **die Wende** im Land.¹⁴⁷“

Однозначного определения понятия „*Wendeliteratur*“ в литературоведении нет. Сложности возникают в установлении хронологических рамок, авторства, тематики, литературных жанров, поэтики: относить к *Wendeliteratur* тексты, написанные в годы 1989/90, или тексты, написанные после завершения эпохи ГДР? Может ли конкретная дата, такая как официальное воссоединение государства, действительно быть фиксированной точкой для определения? Авторы *Wendeliteratur* – восточные или западные? Стоит ли учитывать разницу поколений? Описывается жизнь после или до падения Берлинской стены? В каком ключе – в ироническом, ностальгическом или в стиле классической немецкой литературной традиции? Поэты первые среагировали на падение

¹⁴⁶ Frach F. Schloss Wiepersdorf: das "Künstlerheim" unter dem Einfluss der Kulturpolitik in der DDR. – Berlin: Ch. Links Verlag. 2012. – S. 206-207

¹⁴⁷ Пер. автора: «Наша сцена, дающая пространство / для великих противоречий /, вновь открывается. / Крытая повозка торговца / и железная повозка товарищей / сталкиваются. Какие старые машины не могут повернуться! Ваши видимые / трудности дают нам смелость / сделать еще один шаг. Давайте начнем / тоже разговор / о переломе в стране.»

Берлинской стены (Фолькер Браун, Дурс Грюнбайн), но этой теме посвящены и прозаические, и драматические произведения.

С точки зрения цели данного исследования в определении *Wendeliteratur* на сегодняшний день наиболее уместен взгляд Фрэнка Томаса Граба (2003 год).^{148,149} Решающим критерием является не место, которое занимает объединение Германии в литературных произведениях, а скорее значение, которое придается этому событию. К “*Wendeliteratur*” могут быть причислены даже те тексты, в которых объединение упоминается лишь кратко, иногда даже в одном предложении. Следовательно, литература «поворота» включает тексты, в которых есть ссылки на события 1989/90 года, в том числе политические, а также те тексты, которые монументально описывают жизнь в Германии до и после «поворотного момента» (с точки зрения жителя объединенной Германии). Фактические события могут быть возможной причиной рассказа, но не обязательно должны играть главную роль. Следовательно, *Wendeliteratur* это – литература прощания с ГДР и литература о самоидентификации в новой Федеративной Республике.¹⁵⁰ Ф.Т. Граб отмечает, что литература «поворота» создаёт новых персонажей и раскрывает новые темы: фигуры осведомителя, «стукача», перебежчика, образ «растерянного» в эпоху перемен восточного немца, тема «осси» (нем. Ossi) и «веси» (нем. Wessi), фигура «воссси» (нем. wossi)¹⁵¹. Этот список можно дополнять.¹⁵²

С начала нового тысячелетия все чаще вместо термина *Wendeliteratur* используются новые термины. Уже в 2000 году в литературоведении звучит термин „*Post-Wende-Literatur*“ (Christine Cosentino), через два года речь идёт о „*Nachwendeliteratur*“ (Tanja Nause), в 2007 году появляется термин „*Post-DDR-Literatur*“ (Simone Barck). Йенс Герхард Людекер и Доминик Орт используют

¹⁴⁸ Grub F. T. "Wende" und "Einheit" im Spiegel der deutschsprachigen Literatur: Ein Handbuch / Frank Thomas Grub. - Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. – 689 S.

¹⁴⁹ Kersten S. Mauerfall-, Post-DDR-, Vereinigungs-, Nachwende- oder doch Wendeliteratur? Eine kleine Expedition durch einen großen Begriffsdschungel // Schwerpunkt I: 25 Jahre Deutsche Einheit. 2015. – № 4 [Электронный ресурс].

¹⁵⁰ Kerstin E. Reimann Schreiben nach der Wende - Wende im Schreiben? – König-hausen&Neumann – S. 296

¹⁵¹ Житель восточных земель, переехавший после объединения на запад, и наоборот.

¹⁵² Мазенова М.В. (Бурханова М.В.) «Берлин как художественный образ в литературе объединённой Германии» // Мир Науки, Культуры, Образования». Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 2020. №1 (80). С. 271–273

термин „Nach-Wende-Narration“ (2010) в их одноименной антологии для 20-й годовщины официального воссоединения: здесь центральное место занимает не само «воссоединение», а обсуждение тех культурных и социальных событий, которые воссоединение инициировало. Кроме того, иногда говорят о „Wiedervereinigungsliteratur“ (Ulrike Bremer, 2002), о „Mauer“ и о „Mauerfallliteratur“ (Almut Hille, 2008), об „Vereinigungsliteratur“ (Jürgen Joachimsthaler, 2007), нередко также о „Wende“- и „Vereinigungsliteratur“ (Wolfgang Gabler, 2011) или „Wende“- и „Wiedervereinigungsliteratur“ (Carsten Gansel/Elisabeth Hermann, 2013). Из этого следует, что новые определения подчеркивают новые тенденции в текущем литературном дискурсе «поворота» (Wende-diskurs), но они не заменяют и не трансформируют базисное определение «Wendeliteratur», а являются только его формами.

В понимании Ф.Т. Граба определение Wendeliteratur не ограничивается терминологической маркировкой: тематика, жанры, хронология литературы «поворота» многогранны и разнообразны, то есть это все тексты, которые, так или иначе, касаются периода 1989/1990 (включая описание жизни как до, так и после объединения Германии).

Неизбежный вопрос, который встает в процессе изучения „Wendeliteratur“, – какое произведение можно считать **вершиной литературы «поворота»**. Авторами Wende-романа называют как писателей Восточной Германии: Юрек Беккер, Вольфганг Хильбиг, Клеменс Мейер, Инго Шульце, Уве Телькамп, Лутц Зайлер, Криста Вольф, Моника Марон, Андре Кубичек, так и западной – Питер Шнайдер, Эрнст-Вильгельм Гендель, Свен Регенер, Гюнтер Грасс и др. К числу представителей Wendeliteratur можно отнести и зарубежных писателей, например Николаса Шекспира с романом «Снолег» („Snowleg“, 2004). Кроме того, публикуется множество романов и сборников к юбилейным датам объединения Германии: сборник «1989. Десять историй, которые прошли сквозь стену»¹⁵³.

¹⁵³ 1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены / Дидье Дененкс [и др.]. – М.: КомпасГид, 2009. – 96 с.

Ганс Кристоф Бух, немецкий писатель, автор романов „Reise um die Welt in acht Nächten“ (2009), „Baron Samstag oder das Leben nach dem Tod“ (2013), „Elf Arten, das Eis zu brechen“ (2016), на момент 1994 года считал, что большой повествовательный роман об объединённой Германии ещё не опубликован, как и великий роман о Французской революции или студенческом восстании 1968 года. Из его интервью с журналистами очевидно, что и сам Г.К. Бух не планировал выступить в роли великого «летописца» о событиях второй половины XX века в Германии. Хайнер Мюлер и Кристоф Хайн придерживались такой же нейтральной позиции.¹⁵⁴

В 2019 году в журнале “Tagesspiel” литературовед и социолог Арне Борн выделяет уже три романа, которые, по его мнению, можно назвать лучшими в литературе объединённой Германии: «Простые истории» Инго Шульце („Simple Storys“, 1998), «Колон» Яна Гроха („Colón“, 2001) и «Рай» Бернда Вагнера („Paradies“, 1997).¹⁵⁵

В то же время в Германии существует около 100 литературных премий, которые присуждаются выдающимся произведениям. Одна из самых престижных – Deutscher Buchpreis (Немецкая литературная премия), которая с 2005 года вручается ежегодно автору лучшего немецкоязычного романа. Лауреатами этой национальной награды становились и романы литературы «поворота», в которых человеческая жизнь тесно переплетается с историей страны. В 2009 году лучшей книгой года становится роман У. Телькампа «Башня» (Uwe Tellkamp “Der Turm”), в 2011 году – роман «Дни убывающего света» Е. Руге (Eugen Ruge “In Zeiten des abnehmenden Lichts”), в 2014 году премия присуждается роману Л. Зайлера «Крузо» (Lutz Seiler “Kruso”).

Таким образом, в литературоведении нет однозначного решения, какой роман – выдающееся произведение Wendeliteratur, как и нет критериев, по которым можно было бы определить этот роман.

¹⁵⁴ Ledanff S. Die Suche nach dem "Wenderoman" - zu einigen Aspekten der literarischen Reaktionen auf Mauerfall und deutsche Einheit in den Jahren 1995 und 1996 [Электронный ресурс].

¹⁵⁵ Журнал Tagesspiel [Электронный ресурс].

В рамках поставленной цели исследования нами были выбраны следующие произведения: повесть «Груши Риббека» („Die Birnen von Ribbeck“, 1991) Ф.К. Делиуса, роман «Башня» („Der Turm“, 2008) У. Телькампа и роман «Крузо» („Kruso“, 2014) Л. Зайлера. Прежде, чем приступить к комплексному анализу данных текстов, необходимо дать **краткий обзор биографии** авторов.

Фридрих Кристиан Делиус (Friedrich Christian Delius, 1943) родился в Риме и вырос в Гессене (западный немец), член Германской академии языка и художественной литературы, автор более десятка романов и ряда сборников стихов. Сначала он обратил на себя внимание как поэт, известность ему также принёс документально-иронический очерк об одном крупном немецком концерне („Unsere Siemenswelt“, 1972). Повесть «Груши Риббека» („Die Birnen von Ribbeck“, 1991) принадлежит к известнейшим его произведениям об историческом прошлом Германии: это «восточнонемецкий монолог» (М.С. Потёмина) против потери истории и памяти, монолог от лица крестьянина о своей деревне и о своей стране, написанный в одно предложение на 79 страниц. Проблематика и поэтика повести «Груши Риббека» особенно ясно выражают авторскую идею разрушения деревни после объединения.

Уве Телькамп (Uwe Tellkamp, 1968 г.) родился в Дрездене (восточный немец), принадлежит к поколению Томаса Бруссига и Инго Шульце. После объединения Германии изучал медицину и до 2004 года совмещал профессии писателя и врача, затем оставил медицинскую деятельность и всерьёз занялся литературой. Уве Телькамп известен в Германии романами «Щука, сны и Португальское кафе» („Der Hecht, die Trbume und das Portugiesische Cafe“, 2000) и «Зимородок» („Der Eisvogel“, 2005). Роман «Башня» („Der Turm“, 2008) является одной из наиболее признанных работ в немецкой литературе за последние годы (премия им. У. Джонсона, Немецкая книжная премия, премия фонда К. Аденауэра и Немецкая национальная премия). Критики приветствуют такие «панорамные романы» как «Башня», которые дают полную или хотя бы обширную историю ГДР: «Побег Хампеля» („Hampels Fluchten“, 2000) Михаэля Кумпфмюллера или роман Евгения Руге «Во времена затухающего света» („In

Zeiten des abnehmenden Lichts“, 2011), который, как уже было сказано выше, также получил высокую оценку. Роман «Башня» – это значительное эпическое произведение, созданное уже в XXI веке, своеобразная переоценка прошлого ГДР: «История с затонувшей земли» – такой подзаголовок даёт писатель своему роману.

Лутц Зайлер (Lutz Seiler, 1963 г.) родился в ГДР, в Тюрингии (восточный немец), член Немецкой академии языка и поэзии. Роман «Крузо» („Kruso“, 2014) – первое прозаическое произведение немецкого поэта. В нем писатель затрагивает как философские вопросы, так и тему крушения ГДР. Роман «Крузо» неоднократно определяли как “Wenderoman”, однако сам автор отказывается от подобного толкования и видит свой роман как повествование о великой дружбе. Изначально у книги был другой замысел, но в итоге Л. Зайлер в качестве материала использовал тот опыт, который он получил в качестве временного работника на острове Хиддензее в 1988 году. На этот остров надежды уезжает герой его романа – Эдгар Бендлер. Но «автобиографическим» роман назвать нельзя: «Не все наши личные переживания достойны стать романом на 500 страниц, хотя в нем есть доля правды: одно лето я как-то проработал мойщиком на Хиддензе. Это и стало для меня отправной точкой».¹⁵⁶

Избранные нами для анализа произведения («Груши Риббека» („Die Birnen von Ribbeck“, 1991) Ф.К. Делиуса, «Башня» („Der Turm“, 2008) У. Телькампа, «Крузо» („Kruso“, 2014) Л. Зайлера) показывают, в какой степени разделение и дальнейшее объединение Германии отразилось на немецкой идентичности.

В рамках настоящей работы не ставится цель – предоставить всеобъемлющий обзор литературы объединённой Германии, но данное исследование выявляет тенденции изучения *Wendeliteratur* в немецком и российском литературоведении и является предпосылкой к дальнейшему изучению сути *Wendeliteratur*. Анализ данных произведений позволит нам подойти к одному из наиболее

¹⁵⁶ Deutsche Welle. Роман года «Крузо»: робинзонада в терпящей крушение ГДР. [Электронный ресурс]

спорных вопросов после объединения, разрешаемых писателями разных направлений, – осмыслению феномена ГДР с различных точек зрения.

В данном исследовании выделены ключевые образы, темы и мотивы, которые позволяют изучить немецкий менталитет разделенной и объединенной Германии и проанализировать его динамику в настоящее время. Для этого рассматривается и сопоставляется художественное время и пространство, система персонажей произведений (простой фермер из повести «Груши Риббека», просвещённое «бюргерство» в романе «Башня», персонажи, далекие и от ФРГ, и от ГДР в романе «Крузо»), а также особое внимание уделяется образам ГДР и Дрездена (У. Телькамп создает образ города по аналогии с разделенным Берлином). Значительный интерес представляет анализ темы «стены в головах»¹⁵⁷. При этом избранные произведения высоко оценены литературными критиками и наполнены многочисленными ссылками к творчеству других немецких писателей: И. Гёте, Т. Фонтане, Т. Манн, Г. Гауптман, Г. Тракль, Х. Мюллер и др, и, значит, затрагивают фундаментальные для немецкой ментальности темы и понятия (буржуа и бюргерство, тема странствий и поиска себя, перфекционизм, самобытность, рефлексивность и др.). Всё это предоставляет нам возможность проследить и зафиксировать те изменения, которые происходили на уровне национальной идентичности после объединения Германии.

¹⁵⁷ Бурханова М.В. (Мазенова) Берлин как художественный образ в литературе объединённой Германии. Мир Науки, Культуры, Образования. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, №1 (80). 2020. С. 271-273.

2.1. Восточный бюргер против западного буржуа в контексте объединенной Германии (на примере повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека»)

Настроение упадка, безнадёжности и подавленности, порождённое новым государственным укладом воссоздано Ф.К. Делиусом в повести «Груши Риббека» (“Die Birnen von Ribbeck”, 1991).^{158,159} Название повести отсылает нас к известному сюжету о добром старике Риббеке и его грушевом дереве, а баллада Т. Фонтане «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде» (“Herr von Ribbeck auf Ribbeck im Havelland”, 1889), предвещающая начало повести, указывает на осознанное обращение Ф.К. Делиуса к идеям немецкого писателя XIX в.

В балладе Т. Фонтане в метафорической форме формирует критическое отношение к немецкой действительности: на протяжении всей жизни писатель выступал против феодально-монархического режима, террора и политики запугивания рабочего класса, а также поддерживал идеи демократии, считая именно народ – «четвёртым сословием», которое во многом превосходит дворянство (несмотря на свою симпатию Т. Фонтане к данному сословию). Писатель приветствовал революцию 1848/49 года и выражал разочарование по отношению к объединению Германии вокруг милитаристской Пруссии, подчёркивая отсутствие обещанной демократии в процессе изменений.

Для Т. Фонтане литература имела большое воспитательное значение. В балладе «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде» писатель обращается к легенде об исторической фигуре Ганса Георга фон Риббека (1689-1759), который угощал детей фруктами из своего сада. Главным объектом изображения Т. Фонтане становится жизнь немецкого помещного дворянства, показанная в переломную эпоху 70-х-90-х годов, а именно смена поколений и нравственных ценностей – от щедрого дворянина-отца к скупому дворянину-сыну, в связи с этим мы наблюдаем противопоставление двух типов юнкерства.

¹⁵⁸ Delius F. C., Die Birnen von Ribbeck: [erzahlung]. – Hamburg: Rowolt, 1993. – 79 S.

¹⁵⁹ Потёмина М. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека», Балтийский филологический курьер. 2013. № 9. С. 92–96.

Юнкерство как сословие сформировалось в феодальной Пруссии в XVII веке и представляло собой слой дворянства, у которого есть во владении земля, то есть юнкер – помещик. Слой прусской аристократии был несколько размыт в результате наполеоновских войн и расширения Пруссии путем присоединения западных территорий Германии. Термин стал приобретать негативную окраску в связи с либеральным движением 1830-40х годов и деятельностью марксистских популистов, приписывающих юнкерству милитаристский настрой, излишний консерватизм и сопротивление прогрессу.

В балладе Т. Фонтане в образе старика Риббека воплощен тип того помещика, который сформировался до трансформации понятия «юнкерства», – щедрого, естественного, великодушного, что нельзя сказать об образе его скрупулёзного сына, принадлежащего уже к «обуржуазившемуся помещику». Т. Фонтане негативно оценивал немецкого буржуа: «определяющим теперь является буржуазный дух. Ненавижу все буржуазное с такой страстью, как если бы я был завзятым социал-демократом».¹⁶⁰ В своих трудах писатель раскрывает тему медленного исчезновения юнкерства, которое предчувствует свою скорую гибель. При этом, как показано в балладе «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде», данное сословие не просто вымирает, оно трансформируется – от старого уклада остаётся лишь грушевое дерево, продолжающее одаривать плодами местных жителей: “Und kommt ein Jung’ übern Kirchhof her, So flüstert’s im Baume: “Wiste ‘ne Beer?“ Und kommt ein Mädcl, so flüstert’s: „Lütt Dirn, Kumm man röwer, ick gew’ di ‘ne Birn“” / «Если парнишка вдруг мимо бежит, листья шуршат ему ГРУШУ ДЕРЖИ! Если девчонка окажется тут, ДАТЬ ТЕБЕ ГРУШУ?! ей листья шепнут»¹⁶¹.

В 80-е годы, когда уже была написана баллада «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде», в черновике повести «Стина» (Stine. Berliner Sitten-Roman, 1890) писатель критикует пустоту, фразёрство, лживость,

¹⁶⁰ Макарова, Н.А. Особенности поэтики романов и повестей Т. Фонтане 80–90-х годов XIX века: специальность 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья» ; диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук – Орел, 2001. — С. 57

¹⁶¹ Поэтические переводы с немецкого [Электронный ресурс].

высокомерие и черствость буржуазного общества, сутью которого является неумолимая и жестокая борьба за деньги и власть. Этот мир, в котором процветают лицемерие и ложь, нашёл масштабное отражение и в романе «Госпожа Женни Трайбель» (*Frau Jenny Treibel oder „Wo sich Herz zum Herzen find't"*, 1893), написанном уже в 90-е годы.¹⁶² Таким образом, Т.Фонтане продолжал разрабатывать тему необратимого процесса разорения и деградации дворянских родов, рассматривал конфликт «старого» и «нового» (дворянства и буржуазии). Однако писатель не считал, что дворянство должно существовать вечно, хотя оно и сохранило в эпоху социальных перемен лучшие человеческие качества. Т. Фонтане отмечал бессилие этого сословия, его обречённость, возлагая надежды именно на народ. Сохраняя симпатии к дворянству до конца жизни, писатель признавал, что оно тормозит общественный прогресс («Пути-перепутья»/„*Irrungen, Wirrungen*“ 1888, «Поггенпулы»/„*Die Poggenpuhls*“ 1896). В последнем романе «Штехлин» (*Der Stechlin*, 1899) он ещё раз вернулся к этой теме, делая попытку «противопоставить дворянство, каким оно у нас должно бы быть и какое оно есть».¹⁶³

К антибуржуазной теме в немецкоязычной литературе обращались многие писатели-романтики, младогерманцы – К. Иммерман («Эпигоны»/„*Die Epigonen*“ 1836, «Мюнхгаузен»/„*Münchhausen. Eine Geschichte in Arabesken*“ 1838/1839); Ф. Шпильгаген («Бурный поток»/„*Sturmflut*“ 1877); Г. Келлер («Мартин Заландер»/„*Martin Salander*“ 1886); В. Раабе («Летопись Птичьей слободы»/„*Die Akten des Vogelsangs*“, 1893—1895); П. Линдау (серия романов о берлинской жизни – „*Der Zug nach dem Westen*“ (1886), „*Arme Mädchen*“ (1888) „*Spitzen*“ (1888) и „*Hängendes Moos*“ (1893)).

К аналогичной теме разрыва связи времен обращается Т. Манн в романе «Будденброки. История гибели одного семейства» (*Buddenbrooks: Verfall einer Familie*, 1900). Однако объектом его внимания становится не «юнкерство», а

¹⁶² Макарова, Н.А. Особенности поэтики романов и повестей Т. Фонтане 80– 90-х годов XIX века: специальность 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья» ; диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук – Орел, 2001. — С. 88

¹⁶³ Там же. С. 105

«бюргерство» – новые рыночные отношения, новые ценности и принципы жизни далеки истинному «бюргеру».

Как уже было отмечено в первой главе, в Германии понятия «бюргер» (сфера духа) и «буржуа» (собственники капитала) противопоставлены. Понятие буржуа в большей степени определяется через производственные отношения, это «капиталист, предприниматель» (изначально без негативной коннотации), когда как бюргер – это гражданин, защищающий свои права и свою собственность, своё ремесло, мастер своего дела. Бюргерству всегда было близко мироощущение дворянства – почитание традиций, преемственности, своих корней. С этой точки зрения мы можем провести аналогию между юнкером, представленным в образе старого Риббека в балладе Т. Фонтане, и бюргером.

Тема антибуржуазности, намеченная Т. Фонтане, становится основой для осмысления Ф.К. Делиусом современного положения Германии. Писатель также обращается к проблеме смены исторических эпох и в результате – к теме изменения ценностной модели немца, но уже используя новый материал и новые приёмы. Внутренний конфликт рассказчика и его противоречивое отношение к происходящим историческим событиям акцентируют внимание на глубоких переживаниях крестьянства за судьбу своей страны.

Вспомним историю грушевого дерева, прославленного в балладе Т. Фонтане. Старик Риббек, владелец грушевого дерева, в отличие от своего сына, с удовольствием угощал грушами соседских ребятишек в деревне Риббек, поэтому перед своей смертью он положил в карман грушу, которая с течением времени выросла в новое грушевое дерево и угощала детей своими плодами. На этом действие баллады заканчивается, но история о грушевом дереве продолжается: в 1911 году грушевое дерево было сломано налетевшей бурей, тогда на прежнем месте жителями Риббека было посажено новое дерево.

С 1947 года у крупных землевладельцев, в том числе и у семейства Риббек, стали отбирать принадлежащие им земли: под лозунгом “*Junkerland in Bauernhand*” («юнкерские земли в крестьянские руки») их делили и раздавали крестьянам. В это же время баллада Т. Фонтане «Господин фон Риббек

из Риббека в Хафельланде» была запрещена. Кроме того, содержание этой баллады было искажено советской идеологией. На стенах фамильного замка Риббеков, который находится в деревне Риббек (оказавшейся частью ГДР), были следующие иллюстрации к произведению Т. Фонтане – жирный помещик, пробующий груши с принадлежащих ему деревьев, а рядом на коленях стоят тощие дети и умоляюще протягивают к нему руки. На заднем плане можно увидеть обезображенный замок, социалистических женщин и детей, исполненных духом классовой борьбы и собирающих груши в корзины.¹⁶⁴ Однако мы понимаем, что такая интерпретация текста баллады Т. Фонтане была крайне неуместна и не оправдана.

Чтобы уничтожить память о доброте и великодушии старого Риббека, второе дерево – то, что было посажено взамен погубленного бурей, было срублено. Его место пустовало около двадцати лет, после чего местные жители в тайне посадили новую грушу возле церкви на прежнем месте (т.е. жители не забыли о старом добром помещике даже при новом социалистическом строе). В 1990 году после объединения Германии в деревню приехали западные политики, чтобы почтить память бывшего землевладельца, и тоже посадили новое грушевое дерево, но в другом месте.

С этого события начинается повесть Ф.К. Делиуса «Груши Риббека». В начале повести писатель благодарит Манфреда Клавиттера, крестьянина из деревни, где долгое время господствовали Риббеки – герои баллады Т. Фонтане. Несмотря на то, что имени рассказчика мы не знаем (это один из многих), мы можем предположить, что им является именно М. Клаввиттер, а Ф.К. Делиус художественно воплощает и обрабатывает его мысли.¹⁶⁵

В повести Ф.К. Делиуса (в отличие от романов Л. Зайлера «Крузо» и У. Телькампа «Башня») рассказчик перестаёт быть всезнающим, и читатель погружается в полное неведение. Автор не ставит себя в положение «над

¹⁶⁴ Историко-интеллектуальный клуб — общетематический сайт, образованный в 2011 году группой энтузиастов из разных стран [Электронный ресурс].

¹⁶⁵ Потёмина М. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф.К. Делиуса «Груши Риббека», Балтийский филологический курьер, 2014. С.92–96

героями», мы не видим его ремарок, отношение к повествователю никак не проявляется, а в определении идеи повести важную роль играет именно отсылка к балладе Т. Фонтане, сюжет которой становится предметом размышлений самого героя. Рассказчик описывает всю жизнь крестьянина изнутри в разные исторические эпохи и размышляет над тем, действительно ли старый Риббек попросил положить в свой гроб грушу, чтобы она проросла, или он просто перед смертью забыл вынуть её из кармана.

Грушевые деревья у Ф.К. Делиуса, как и у Т. Фонтане, приобретают символическое значение (символика и система лейтмотивов – структурообразующие компоненты произведений Т. Фонтане).¹⁶⁶ Они олицетворяют определённые исторические события, разные эпохи – эпоху Т. Фонтане (XIX в.) и Ф.К. Делиуса (XX в.). Кроме того, грушевые деревья являются символом изменения ценностной модели человека на стыке ключевых исторических событий. В балладе Т. Фонтане груша – символ знатного рода Риббеков и связующее звено между господином и народом, символ щедрости старого Риббека и одновременно символ собственности молодого Риббека. В повести Ф.К. Делиуса образ грушевого дерева воплощает ценности восточного и западного немца, раскрывает столкновение бюргерского и буржуазного мироощущения.

Ф.К. Делиус развивает идею Т. Фонтане – как менялись грушевые деревья, так менялись и ценности. Если первое грушевое дерево проросло из могилы старика Риббека, второе и третье деревья были посажены заботливыми жителями деревни, то последнее, новое сочное грушевое дерево с именем «Графиня из Парижа», посажено западными политиками. Рассказчик видит несовершенство третьего дерева (символ ГДР), потому что оно не даёт тени, изогнуто и неплодовито, и несовершенство роскошного, привлекательного последнего дерева (символ ФРГ) с сочными плодами (*“da steht er jetzt, Birnbaum Nummer drei, spendet wenig Schatten und keine Birnen, nicht schon gewachsen, aber ein Birnbaum aus Ribbeck und nicht vornehm wie Nummer vier, die wir jetzt begiessen, die "Gräfin*

¹⁶⁶ Макарова, Н.А. Особенности поэтики романов и повестей Т. Фонтане 80–90-х годов XIX века: специальность 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья»; диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук – Орел, 2001. – 214 с.

von Paris", die bekanntlich nach Rüben schmeckt"¹⁶⁷). Метафорический монолог крестьянина посвящён вопросу, что лучше – изогнутое, малоплодородное дерево, не дающее тень, но посаженное собственными руками как дань традиции и многовековой истории, или новое ветвистое дерево, посаженное радостными западными немцами в честь объединения Германии. Формально объединение ФРГ и ГДР, символами которых являются деревья № 3 и № 4, уже произошло, но рассказчик этого не видит, поэтому продолжает фантазировать о соединении двух контрастных деревьев.¹⁶⁸

Посадка нового грушевого дерева западными немцами стала катализатором глубоких размышлений крестьянина на тему поиска себя в контексте истории страны. Можно назвать его повествование потоком сознания, если не считать наличие в какой-то мере социальной рамы и ярко выраженного историзма. В его монологе в одно предложение на 79 страниц нет одной сюжетной линии, перспективы постоянно меняются.

Рассказчик признаёт, что в феодальную эпоху не было свободы, однако дворянство, воплощенное в образе старого Риббека, в отличие от плановой экономики ГДР и рабочей эксплуатации, крестьянин принимает: *«<...> а ныне, как наказание нам позволили ещё раз начать сначала, жребий всегда выпадает крестьянину, всё заново пятый раз за пятьдесят лет, сначала батрачили на Риббеков, потом отдали землю крестьянам – начали хозяйничать сами, потом заставили идти в коммунхоз <...>»*.¹⁶⁹ При этом он убежден, что представители не только поместного дворянства («истинного дворянства»), но и крестьянства – носители определённых традиций. Он всем повествованием даёт понять, что нельзя разрывать настоящее и прошлое, нужно знать историю своей страны. Его настораживают элементы «западной», другой жизни. Не только дорога в западный Берлин стала разрешённой, но и тысячи других

¹⁶⁷ Delius F. C., Die Birnen von Ribbeck: [erzählung]. – Hamburg: Rowolt, 1993. – S. 40. Пер. здесь и далее автор. с нем. «Вот оно стоит сейчас, грушевое дерево номер три, дает мало тени и нет груш, и уже не даст больше, но это грушевое дерево из Риббека не такое благородное, как номер четыре, которое мы сейчас поливаем, "графиня из Парижа", которая, как известно, на вкус свекла».

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. S. 52

запретов были сметены этой новой жизнью, однако лучше от этого не стало: *“ufgeräumten Felder wachsen die Müllberge hoch, täglich erhöht von den Lastern aus dem ostlichen Westen Berlin”*.¹⁷⁰ Новая жизнь в ГДР не устраивала крестьянина, она стала для него наказанием, обузой, в то время, когда ему хотелось работать на земле в своё удовольствие: *«<...> потом снова на новый лад, с глуповатого ума отделили животноводов от растениеводов, работали по сменам на фермах, <...> пока работа не становилась противна <...>»*.¹⁷¹

Для крестьянина намного труднее оказалось принять не идеологию ГДР, а новый мир, где социализм сменяется свободной рыночной экономикой. Падение сельского хозяйства в объединенной Германии рассказчик оценивает как катастрофу. Если в балладе Т. Фонтане деревня Риббек процветает, то в повести Ф.К. Делиуса перед читателем образ уже разрушающейся деревни – крестьянский быт значительно пошатнулся после присоединения ГДР к ФРГ. Крестьянин чувствует окончательное крушение деревни и провозглашение новых ценностей – жизнь ради прибыли. Красивая упаковка, марка приживается на западе, но в ней нет необходимости на востоке страны, где люди привыкли работать и всё создавать своим трудом. Такие качества, как недоверие, осмотрительность непонятны бывшим жителям ГДР, теперь привычное для них «мы» распадается: *“Weil ihr feiert, weil wir feiern, bis wir nicht wissen, wer ihr, wer wir, weil Mauern wie Kartenhäuser und alles zerbröseln”*.¹⁷² И городскими, и деревенскими жителями восточной зоны утрата этого «мы» была воспринята тяжело – запад главенствует и насаждает единоличие. Если в ГДР рассказчик видел какую-то поддержку со стороны правящей партии, то после объединения он понял, что крестьянских традиций на западе уже давно нет. Это заставляет главного героя задуматься над тем, чтобы поехать с плугом в западную зону и восстанавливать деревни: хозяйничать с несколькими крестьянами, которые до сих пор не сбежали и вкалывают целыми днями там, где больше не ходят

¹⁷⁰ Там же. S. 36. «Аккуратные поля зарастают горами мусора, ежедневно увеличиваются с пороками восточно-западного Берлина».

¹⁷¹ Там же. S. 38

¹⁷² Там же. S. 13. «Потому что вы празднуете, потому что мы празднуем, пока мы не знаем, кто вы, кто мы, потому что стены, как картонные домики, и все рушится».

автобусы, где закрывают магазины, школы и садики, где терпят убытки кабаки, сгнивают дома и даже исчезает название села, и крестьяне вымирают. К попытке начать новую жизнь в объединённой Германии и получать прибыль рассказчик относится скептически: «<...> ещё раз начать с самого начала, но как, когда ты видишь мух над горами огурцов, ещё больше, чем раньше, когда было плановое хозяйство, тогда тебе платили и за сгнившие огурцы, а сейчас, когда распределение и рынок, весь добрый урожай говно, всё говно, всё говно и уже лежит в гробу, как старый Риббек с его грушей <...>». ¹⁷³ Он боится возможной реструктуризации собственности, убоя всей экономики и потери работы на западном рынке, который объявляет всё старое “*Ostschrott*” (восточной рухлядью). ¹⁷⁴ В новом мире, как и на организованной западными берлинцами церемонии посадки, он чувствует себя актёром массовки: (“*da blüht euer Birnbaum in unserem Dorf*», «*nun bestimmt ihr das Festprogramm*”). ¹⁷⁵

Рассказчик открывает нам другую сторону объединения: от того, что теперь нет запрета на въезд в ФРГ, жизнь крестьян не становится легче, и это новое грушевое дерево становится атрибутом новой непонятной жизни, которая вызывает отторжение. Новые автомобили, громкая музыка, блеск и обеспеченность западных немцев поражают его. Столы наполнены такими блюдами, о которых раньше главному герою не приходилось даже мечтать: “*weil wir im Dorf seit Jahrzehnten kein Schützenfest, keine Kirmes, kein Sangerfest, keine grossen Hochzeiten mehr gefeiert hatten*”. ¹⁷⁶ Рассказчика волнует, задумывается ли кто-то о прошлом, осознаёт ли трагедию времени, обращается ли к истории после посадки четвёртого грушевого дерева. Всех заботила лишь внешняя сторона происходящего: постоянные фотографии дерева, лейки, лопаты с деревом, непонятная речь мэра. Для западных немцев поездка в Восточную Германию становится развлечением, своего рода туризмом. Таким образом,

¹⁷³ Там же. S. 67

¹⁷⁴ Там же. S. 70

¹⁷⁵ Там же. S. 60–61. «Потом цвело ваше грушевое дерево в нашем селе», «теперь вы определили программу фестиваля».

¹⁷⁶ Там же. S. 9. «Потому что мы не устраивали ярмарок, не пели песни, не отмечали масштабные свадьбы на протяжении десятилетий».

писатель подчеркивает, что западные немцы не осознают значения традиций, духовной жизни и особенностей сознания жителей Востока.

Ф.К. Делиус показывает безысходность положения крестьянина, голос которого плавно перестаёт звучать, остаются лишь отголоски, раздробленные фразы точно так же, как остаются хрупкие частицы прежней деревни. Завершается монолог уверенностью в том, что щедрая рука Риббека не оставит деревню даже при новом государственном строе. Не случайно рассказчик в течение повествования опьяняется грушевым шнапсом, который успокаивает его, снимает напряжение.

Противоречивость этого монолога заключается в том, что крестьянин постоянно пытается принять это новое начало, другую жизнь (*“was für ein Glück, dass nicht wir gewonnen haben”, “alles ist offen”*),¹⁷⁷ но при этом он осознаёт свою неспособность к действиям и не может переступить через себя (своё мировоззрение, привычки, ценности): *«<...> и ты меня вот меньше слушай, если оно тебе всё за нитье, крестьянин, который не стонет, то плохой крестьянин, вот сейчас деньги нас объединят, будем!»*.¹⁷⁸ Рассказчик понимает, что испытывает к себе жалость (*“so klagten die Kinder, das war nicht recht”*)¹⁷⁹, и в его словах звучит горькая ирония, самокритика.

Проблематика и поэтика повести «Груши Риббека» особенно ясно выражают авторскую идею – противопоставление восточного и западного мироощущения. Одной из основных тем становится тема разрушения деревни после объединения. Отдельные художественные приёмы подчёркивают социальную позицию героя, его психологическое состояние.

Во-первых, на синтаксическом уровне показано состояние тревожности, подавленности рассказчика. На протяжении всей повести он находится в напряжённом состоянии поиска себя, его беспорядочный поток мыслей – это разочарование от навязанных новых ценностей Западной Германии. Это ощущение передаёт его монолог, написанный в одно предложение на 79 страниц

¹⁷⁷ Там же. S. 60. «Какое счастье, что мы не выиграли», «всё закончилось»

¹⁷⁸ Там же. S. 68

¹⁷⁹ Там же S. 60, 68. «Так жаловались дети, когда были не правы»

– в едином непрерывном рассуждении, напоминающем дневниковую запись, мысли главного героя постоянно перескакивают от воспоминаний, надежд до отчаяния, страха. Многочисленные риторические, медитативные вопросы отражают волнение героя, его попытку найти решение насущной проблемы – как примириться с новой жизнью, с новыми правилами, как принять другие ценности нового государства после объединения. Ф.К. Делиус экспериментирует и на лексическом уровне, имитируя разговорную речь, использует сниженную лексику: “*Dreck*”, “*verdammt*”, “*Furz*”¹⁸⁰.

Во-вторых, символы в повести открывают читателю другие уровни понимания текста: это не просто история немца после объединения, который сокрушается о своем будущем, это история целой страны глазами крестьянства, выстроенная Ф.К. Делиусом как поток мышления. Раскрывается портрет человека из ГДР, безымянного рассказчика, одного из многих. Писатель полностью погружает читателя в образ мыслей крестьянина, не способного изменить ситуацию и не испытывающего восторг от объединения восточной и западной зон.

Таким образом, писатель приводит нас к выводу о том, что мироощущение западного немца – это мироощущение буржуа, которому ближе желание приобретать и владеть. Западные политики приезжают, чтобы почтить память старого помещика – но как «помещика» в целом, не задумываясь о разнице между стариком Риббеком и его сыном. Они не заботятся о традициях и преемственности в том значении, которое волнует крестьянина. Ключевая идея повести Ф.К. Делиуса – раскрыть конфликт “*Ossi*” и “*Wessi*” глазами стороннего наблюдателя, который вынужден подстраиваться под новые реалии. Традиции, преемственность, почитание своих корней – всё это близко рассказчику. Он отзываясь с сомнением о ГДР, но именно как о государственной системе, идеологии, а не о носителе ценностной модели в целом. Следовательно, ценности первого типа юнкерства ближе именно восточному немцу – бюргеру. Т. Фонтане, Т. Манн, Ф.К. Делиус обращаются к проблемам, возникающим на стыке времен в истории Германии, они скептически относятся к новой

¹⁸⁰ Там же.

западной (буржуазной) системе ценностей. К этой же проблеме обращается и Г. Гауптман в пьесе «Перед заходом солнца» (Vor Sonnenuntergang, 1932). Воплощением немецкой национальной идеи, национальной культуры является герой пьесы – Маттиас Клаузен, истинный ценитель искусства, в отличие от его детей. Дети Маттиаса Клаузена – олицетворение деградации бюргерства. Писатель, таким образом, создает своеобразную модель современной ему Германии, в которой грубые и меркантильные люди «нового» поколения разрушают мир высоких духовных ценностей.

В литературе объединенной Германии неоднократно появляется образ «растерянного» в эпоху перемен восточного немца, очень похожего на бюргера Т. Манна (Й.Шпаршу «Комнатный фонтан» (Der Zimmerspringbrunnen, 1995), Г. Грасс «Мое столетие» (Mein Jahrhundert, 1999), Ю. Франк «Минувшие границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают» (Grenzübergänge: Die Autoren aus Ost und West, 2009)).

Интересным оказалось отношение к книге Ф.К. Делиуса потомка Риббеков – Фридриха Риббека (1939). Потомок Риббеков в седьмом поколении – Фридрих Риббек не оценил стиль Ф.К. Делиуса и его литературный эксперимент, повесть он назвал скучной, неправдоподобной и неинтересной. Ему не понравилось это произведение, он не увидел в нём достоверности и не принял точку зрения героя-повествователя, считая его пессимистом.¹⁸¹ Тракторист Манфред Клавиттер, чей рассказ стал основой для повести, по мнению Фридриха Риббека, разговаривал с Ф.К. Делиусом в состоянии растущего опьянения. В деревне его ещё называют “Lügenbaron“ (лживый барон), сообщает Фридрих Риббек (*„Was der Herr Traktorist Manfred Klawitter aus Ribbeck dem Herrn Delius berichtet hat, was er heute geflissentlich schon nicht mehr weiss, muss er im Zustand zunehmender Betrunktheit von sich gegeben haben. Im Dorf wird er auch Lügenbaron genannt, wobei dieser Ausdruck nicht von mir stammt. Es wird ja*

¹⁸¹ Zum Buch von Herrn Delius – Anfrage einer Schülerin [Электронный ресурс].

sehr viel getrunken in dem Buch”).¹⁸²

Таким образом, мы видим контрастное отношение к проблеме поиска своей идентичности в объединенной Германии. Данный факт в очередной раз подтверждает то, что проблема поиска немецкой идентичности сформировалась именно в интеллектуальных кругах. Потомок Риббеков не принимает критическое отношение крестьянина к историческим событиям, для него история Германии движется в другом направлении, более позитивном, открывающем новые горизонты.

2.2 Амбивалентный образ ГДР и значение бюргерства в романе У. Телькампа «Башня»

У. Телькамп в романе «Башня. История с затонувшей земли» (*Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land*, 2008)¹⁸³ возвращается к основам, связанным с нравственными ценностями бюргерства. Если в повести «Груши Риббека» Ф.К. Делиус делает основной акцент на восприятии восточным немцем (крестьянином) именно западной ценностной модели, то основной конфликт романа «Башня» – столкновение мироощущения восточного немца (а именно – бюргера) и идеологии ГДР.

В рамках настоящего исследования необходимо иметь представление об истоках данного конфликта, потому что в литературе объединенной Германии образ ГДР всё чаще начинает звучать как синоним диктатуры, штази¹⁸⁴ и жесткой цензуры (например, в лучшем, по мнению Немецкой литературной премии, немецкоязычном романе 2011 года «Дни убывающего света»/“*In Zeiten des abnehmenden Lichts*” Е. Руге). Прежде, чем приступить к подробному литературоведческому анализу текста романа «Башня», мы с помощью краткого

¹⁸² Там же. «То, что господин тракторист Манфред Клавиттер из Риббека сообщил господину Делиусу, на сегодняшний день неактуально, должно быть, он рассказывал в состоянии возрастающего пьянства. В деревне его еще называют “Лжебароном”, причем это выражение происходит не от меня. В книге очень много выпито».

¹⁸³ Tellkamp U. *Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. – 973 S.

¹⁸⁴ Нем. Stasi. Министерство государственной безопасности ГДР (1950-1990)

историко-политологического анализа определим основные предпосылки формирования негативной коннотации в значении образа ГДР.

Ошибочные решения, иллюзии правящих сил в ГДР и СССР привели к «мирной революции» 1989 года и, как следствие, к потере ГДР своего государственного статуса. Страны Запада, в том числе ФРГ, значительно повлияли на данные события и в начале уже XX века стали формировать образ ГДР как государства, в котором не было свободы слова и передвижения, финансового достатка, царила бюрократия и т.п.¹⁸⁵ Этот шаг был последовательным в государственной политике, потому что идеологически обосновывал неизбежность краха ГДР. В итоге, «диктатура» – это практически единственная ключевая черта, которая привлекает многих современных немецкоязычных писателей. Она осуждается и детально воплощается в различных элементах художественного текста.

В данной работе в процессе исследования художественной ткани романа «Башня» особое внимание уделяется анализу подобного «одномерного», одностороннего и, следовательно, «искаженного» образа ГДР, что прослеживается на всех уровнях текста. Особую роль в данном случае играет символика произведения. Например, образ часов как структурный элемент понятия времени наполнен особым смыслом. Только в первой части романа встречается более 10 образов различных часов, принадлежащих отдельным жителям Дрездена или его зданиям, – часы, украшающие фасад Колокольного павильона, *“das feine Klingen der Wiener Uhr aus Tietzes Musikzimmer, das melodisch aufsteigende <...> jetzt die stimmlose Nadel einer japanischen Quarzuhr, die vom Handgelenk eines Staatskapell-Kontrabassisten in das Gongen und Plingen, Scheppern und die Kuckucksrufe beim Uhr-macher Simmchen <...>”*.¹⁸⁶ Каждый часовой механизм отличается своим звучанием и становится частью настоящего хора. И всем этим единым механизмом дирижируют «Большие часы» (символ

¹⁸⁵ Максимычев И. Ф., Берлинский дневник (1989–1992 гг.). М.: РАН, 2019. – 288 с.

¹⁸⁶ Tellkamp U., Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008 – S. 8. «Утончённое звучание венских ходиков в «музыкальном кабинете» Никласа Титце <...>, безголосая звуковая игла японских кварцевых часов, в своё время украшавших запястье одного контрабасиста Дрезденской капеллы, вторгается в звон и дребезжание, в побрякивание и кукушечьи клики <...>» (пер. Т.А. Баскаковой)

ГДР). С одной стороны, часы – это механизм, олицетворяющий социалистическую республику (ту реальность, которая навязывает состояние застоя) или, как её называет один из главных героев, – «Бумажную республику». В то же время часы непричастны к происходящим событиям, это элемент объективной реальности.

В финале романа время раздваивается – «верхнее время», восходящее к извечному, высшему сакральному времени (неизбежный ход истории), и «нижнее время», присущее ГДР. «Страна болела редким недугом: люди смолodu становились старыми, молодые не хотели взрослеть, граждане жили в особых нишах, откуда вновь и вновь возвращались в государственное тело, которое управлялось старцами и пребывало в смертоподобном сне».¹⁸⁷ Предпосылка этого недуга – запрет на правду, постоянное чувство страха и ненависти. Герои романа не могли свободно высказывать свои мысли и единственное, что помогало носителям бюргерского мироощущения не отчаиваться – это общее настроение, которое не могло не остаться незамеченным: «<...> в газетах печатали рядами чёрные буквы, однако не буквы эти помогали людям понять друг друга, а пространство между <...>».¹⁸⁸

Подобное видение социалистического прошлого Германии складывается в культуре немецкой памяти посредством СМИ, которые, в свою очередь, влияют на немецкоязычную литературу. В результате образ ГДР начинает трансформироваться от «остальгического» к отрицательному. Кроме того, важно отметить историческое время, которое описано в романе «Башня». Повествование начинается 4 декабря 1982 году (год смерти Л.И. Брежнева) и заканчивается 9 ноября 1989 годом, когда Берлинская стена прекращает своё существование. Роман, таким образом, захватывает период, когда Советский союз пребывал в состоянии «застоя», так называемого «развитого социализма» (1964-1987). Историческая оценка данного этапа достаточно спорная – с одной стороны, это время стабильности, а с другой стороны, время стагнации.

¹⁸⁷ Баскакова Т.А. Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа): ЛитМир Электронная библиотека. [Электронный ресурс].

¹⁸⁸ Там же.

2.2.1 Структура романа

Структура романа «Башня» напоминает музыкальное произведение: увертюра (*Ouverture*), книга первая «Педагогическая провинция» (*I. Buch: Die Pädagogische Provinz*), интерлюдия (*Interludium: 1984*), книга вторая «Тяготение» (*II. Buch: Die Schwerkraft*), финал (*Finale: Mahlstrom*) и последние пять глав (*Aus technischen Gründen, Walpurgisabend, Wetterleuchten, Walpurgisnacht, Die Hauptaufgabe*).

Важность искусства находит своё отражение практически на 1000 страницах монументального произведения. У. Телькамп наполняет свой роман музыкой и идёт по стопам классиков. Эрнст Т. А. Гофман, немецкий писатель XIX в., в своем творчестве создает героя-музыканта. Музыка для Гофмана была самым романтическим искусством и выражала влечение человека к бесконечному и прекрасному. Основной идеей его произведений становится мысль о том, что силой своего таланта человек может создать такой мир, который позволит ему возвыситься над повседневностью и обыденностью, на которую он обречен. Т. Манн также относится к числу писателей, творчество которого насыщено музыкальными компонентами. Можно провести параллели музыкальных тем в «Тристане и Изольде» Р. Вагнера и раннего рассказа Т. Манна «Тристан».¹⁸⁹ С одной стороны, Т. Манн воспринимал музыку как позитивное проявление подлинной духовности, а с другой стороны – как выражение духовного декаданса. В отношении Т. Манна к музыке отразились немецкая философия, романтическое мировоззрение и представление о музыке как об одном из основных элементов немецкого национального самосознания.¹⁹⁰ «[Музыка] – самое немецкое из всех искусств»,¹⁹¹ —заявляет Т. Манн в романе «Доктор Фаустус». Именно в музыке видит важнейшую составляющую духовной жизни человека и посвящает ей многие страницы

¹⁸⁹ Schnittman S. Musical Motives in Thomas Mann's «Tristan» // MLN. Vol. 86, No. 3, German issue (Apr., 1971). S. 399–414

¹⁹⁰ Applegate C., Potter P. Germans as the «People of Music»: Genealogy of an Identity // Applegate C., Potter P. (ed.) Music & German National Identity. Chicago, 2002. S. 36–58.

¹⁹¹ Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа // Манн Т. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1960. С. 286.

романа «Игра в бисер» Г. Гессе. В образе Мастера музыки Г. Гессе запечатлел свое представление об идеале человеческой жизни, глубоко духовной, наполненной светом и любовью к людям.

У. Телькамп продолжает традиции немецких классиков и наделяет особым значением музыку, которая звучит не только в сюжете, но и определяет композицию романа «Башня».

Роман начинается с увертюры, которая, как истинное музыкальное произведение, наполнена звуками: мы слышим звон часов, шорохи, мелодии граммофонов. Кроме увертюры, к музыке прямое отношение в тексте имеет интерлюдия, описывающая события 1984 года. Музыкальные термины как особый элемент авторского замысла пронизывают структуру всего повествования, в самом тексте появляются и конкретные музыкальные отсылки: главные герои, «башенники», неоднократно слушают оперу Р. Вагнера «Тангейзер», которая звучит в романе в семи разных исполнениях.

Финал назван именем водоворота в Норвежском море – Мальстрём. Это явление природы становится предметом внимания многих художников и писателей – Э. По в рассказе «Низвержение в Мальстрём», Ж. Верна в романе «20 000 льё под водой», Б. Джейкса «Колокол Джозефа». В рассказе Э. По Мальстрём принимает ужасающий вид, его окружают «отвесные чудовищно-чёрные нависшие скалы, как бы заслонившие весь мир», это место гибели многих кораблей и мореплавателей.¹⁹² В романе «Башня» Мальстрём – это та государственная система, которая не заботится о «человеческих часовых механизмах», это своеобразная бездна, куда невольно попали граждане ГДР – «немые рыбы». Они испытывали страх и ужас, но в то же время поддавались неукротимой силе, затягивающей их в этот водоворот. А время затишья, которое в рассказе Э. По длилось только четверть часа, в романе «Башня» называется «временем окаменелостей»: «когда вода спала, рыбы оказались выброшенными на берег; они, немые, ещё какое-то время трепыхались, потом смирились, изнемогли, инертно умирали и каменели – в четырёх родных

¹⁹² По Э.А. Золотой жук: [рассказы]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2011. – С.107

стенах, на замшелых лестничных площадках, – слипались с бумагой, становясь водяными знаками».¹⁹³

В финале романа описана гибель Германской Демократической Республики, это тот самый момент, когда люди объединились против системы, и она сама попала в водоворот разрушения, и крах ГДР был естественным. «Но потом вдруг...» с ГДР случилось то, что случалось с её жителями, это было неожиданным для всех, но в то же время предначертанным свыше. После падения в «Мальстрём» ГДР пытается сопротивляться, стремится выжить, но это только инстинкт самосохранения, не способный противостоять естественной силе природы. Страх и покорность резко обрываются словами «но потом вдруг... <...> потом вдруг...». Эта фраза повторяется несколько раз в главе романа «Магнит». Она появляется непредсказуемо и, кажется, что безосновательно, но ощущение грядущих изменений начинает усиливаться. Автор не останавливается подробно на событиях октября 1989 года, когда народ восстал против СЕПГ¹⁹⁴, устраивал митинги и демонстрации на протяжении четырёх недель до 9 ноября в разных городах ГДР (Лейпциг, Дрезден, Росток и др.), он создаёт только особую атмосферу того времени, которая складывается из множества голосов. «...но потом вдруг... часы пробили, пробили 9 ноября, «Германия единое отечество», пробили у Бранденбургских ворот».¹⁹⁵ В последующих пяти главах после финала описаны события уже обречённой на гибель Германской Демократической Республики.

2.2.2 Система персонажей

В центре повествования находится семья Хофман (Hoffmann), члены которой принадлежат к образованному среднему классу. «Башня» – так

¹⁹³ Баскакова Т.А. Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа): ЛитМир Электронная библиотека. [Электронный ресурс].

¹⁹⁴ Социалистическая единая партия Германии (1946), правящая в ГДР с 1949 по 1990 год (объединение Коммунистической партии Германии (КПГ) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ)).

¹⁹⁵ Баскакова Т.А. Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа): ЛитМир Электронная библиотека. [Электронный ресурс].

называется старый район на окраине Дрездена с обветшалыми старинными особняками, где живут главные герои, представители бюргерства. Искусство (музыка, литература) входит в сферу обязательных интересов главных героев, их семейная жизнь по своей атмосфере напоминает образ жизни аристократов, которые устраивают музыкальные вечера, беседуют на философские темы и по-своему стараются противостоять сложившемуся государственному строю. Главное, что они хотят получить в ГДР, где развит шпионаж и практикуются доносы, – это свободу.

Читатель видит Дрезден и в целом систему ГДР через призму взгляда трёх протагонистов романа: Рихарда Хофмана, Кристиана Хофмана и Мено Роде. В романе «Башня» сочетаются различные стили, формы письма, характеризующие персонажей, – диалоги, дневниковые записи, письма, размышления, лирические пассажи, эссе, монологи. Герои-повествователи ведут за собой не только сюжетную линию, но и самостоятельно выбирают стиль своего повествования. Например, отрывки из дневников и записок Мено – это страницы, набранные курсивом, роман в романе. Целостность произведения от этого не разрушается – на всех уровнях текста сохраняется единство благодаря особой метафоричности, сгущенности, барочности языка, который описывает и сны, и догадки, и страхи, и саму реальность.

Рихард Хофман – хирург Дрезденской клиники, наиболее жёстко выражает свой протест против политики правящей партии СЕПГ, но делает это только в семейном кругу. В частности, Рихард критикует главного врача, Мюллера, яркого приверженца сложившейся государственной системы, высказывает недовольство политикой Ю.В. Андропова. При этом Рихард восхищается искусством: на пятидесятилетие ему дарят картину, а близкие родственники, включая его сына, Кристиана, исполняют пьесу времени барокко. Однако семейные ценности для Рихарда не имеют особого значения: он изменяет своей жене, Анне, с секретарём отдела ректората – Ёстой, у которой от него ребёнок. В итоге Рихарда шантажирует Штази из-за невыполненного обязательства, а «двойная жизнь» делает его уязвимым.

Сорокалетний двоюродный брат Рихарда, Мено Роде, провел детство в Москве, его родители – немецкие коммунисты. Несмотря на зоологическое образование, Мено работает редактором в дрезденском издательстве «Гермес», директором которого является Хайнц Шифнер. Повествование от лица Мено Роде отличается особым литературным языком и представляет собой отдельные дневниковые записи. Мено общается с привилегированными писателями и интеллектуалами ГДР и знакомится с Юдит Шеволой, молодой поэтессой, чьи произведения не пропускает цензура и которая отчаянно старается с этим бороться. Мено чувствует себя не на своём месте, он всё больше уходит в свой мир, закрываясь от реальности художественным пространством книг, в том числе великих немецких классиков. Глазами Кристиана Хофмана мы видим интерьер кабинета Мено, напоминающий нам времена процветания бюргерства.

Кристиан Хофман – семнадцатилетний сын Рихарда и Анны, скромный молодой человек, который увлекается игрой на виолончели, но должен пойти по стопам отца и стать врачом. Это свободолюбивый интеллектуал, который запутывается в лабиринте чувств. В интернате, где учится Кристиан, всё пропитано духом социализма. Однако всегда найдётся человек, который будет идти против системы. Этим человеком становится Верена, девушка с неукротимым характером, которая одновременно и привлекает, и отталкивает нелюбимого Кристиана. Его одноклассники не разделяют с ним любовь к литературе и классической музыке, и на какое-то время он становится своего рода «аутсайдером» в классе. После среднего образования Кристиан должен оставить красивый духовный мир жителей «Башни» и поступить на военную службу, где товарищи назовут его «Немо». Это слово на немецком языке созвучно слову «Niemand» («Никто»). И он действительно чужой в этом обществе, где нет места интеллектуалам с развитым чувством справедливости. В Народной армии он узнает полную силу тоталитарного режима: Кристиан под военным судом приговорён к принудительному труду на карбидном заводе, потому что он ударил офицера и клеветал на социалистический строй.

Кристиан – альтер-эго У. Телькампа, который также, чтобы стать студентом-медиком, вынужден был подписать контракт на трёхгодичную военную службу, и в 1989 году писатель попал в тюрьму за отказ участвовать в разгоне демонстрации в Дрездене. Судьба У. Телькампа, как и его персонажа, Кристиана, благополучно меняется благодаря падению стены в 1989 году.

2.2.3 Образ города

Изучению феномена города уделяется особое внимание, начиная с рубежа XVIII-XIX вв. Город приобретает знаково-символическую и семиотическую интерпретацию в теории и методологии герменевтики (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.Г. Гадамер, П. Рикёр). Основной объект исследований – человек в городском пространстве, феномен города рассматривается как «текст». Социологи, например, в XIX в., занимались сравнением деревни, большого города, маленького города¹⁹⁶, цивилизации и описанием различных пространственных структур с целью исследования изменяющихся общественных отношений (К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Ратцель, Г. Зиммель, Ф. Теннис). По мнению исследователей, развитие промышленности, масштабирование городского пространства стимулировало формирование буржуазного общества. Город как источник для исследования социальных процессов был рассмотрен Р.Э. Парком.¹⁹⁷ Р.Э. Парк занимался развитием идей Чикагской школы изучения городского пространства и предложил социально-экологический подход. М. Вебер вводит понятие города с социологической точки зрения и классифицирует города по типам¹⁹⁸. В рамках социально-критического подхода В. Беньямин определяет, что город – это репрезентант исторической эпохи¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 24.

¹⁹⁷ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 4.

¹⁹⁸ Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 309-440

¹⁹⁹ Беньямин В. Париж — столица XIX века // Историко-философский ежегодник. 1990. – М., 1991. С. 230-247

Кроме герменевтического, социологического, социально-экологического, социально-критического подходов, большое значение в изучении феномена города имеют семиотический (Р. Барт, У. Эко, Ю.М. Лотман, Е.Л. Беляева), постструктуралистский (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари), системный (М.П. Анциферов, Л.С. Каган), культурологический (М. Вебер, А.С. Кармин, Л. Мамфорд) подходы. Отдельно можно выделить социокультурный подход (В.Л. Глазычева, Т.М. Дридзе, В.Г. Рыженко, В.Г. Ильин), где социальные отношения и культурные смыслы городского пространства исследуются взаимосвязанно, это социокультурный организм и саморазвивающееся целое. Как самостоятельная междисциплинарная сфера научных знаний о городском пространстве в середине XX в. складывается, так называемая, область “urban studies”²⁰⁰ – (с англ. урбанистические, городские исследования). Современная тенденция городских исследований – изучить город как целостность.

Один из важных компонентов городского пространства – архитектура. Архитектура отражает приоритетные культурные, политические, социальные установки, в которых развивается город, и, как уже было сказано в первой главе, архитектура является частью культурной памяти. Городские конструкции и их совокупность исторически выступают инструментом моделирования мироустройства, сохранения и передачи социально значимого опыта конкретного общества, архитектура – это и средство сохранения прошлого в настоящем, и условие преемственности исторического процесса. Следовательно, архитектура уникальна не только в зависимости от исторического этапа, но и в зависимости от общества. Например, уникальность немецкой нации выражается в том числе и в архитектуре городов. Разницу между Берлином и Парижем XX в. подчёркивает Альфред Дёблин: Берлин для него – прозаичный, неяркий, но очень конкретный город²⁰¹. Необходимо отметить, что именно субъект восприятия играет важную роль при моделировании образа города.

²⁰⁰ Исследованиям в области Urban Studies посвящен ежемесячный научный журнал, основанный в 1964 г.

²⁰¹ Деблин А. Берлин Александрплац. История о Франце Биберкопфе. – М.: Ландомир: Наука, 2011. – С. 374.

Образ городского пространства, коррелируя с категориями прекрасного, безобразного, трагического и т.д., становится неотъемлемым слагаемым идейной составляющей произведений мировой литературы. Образ города развивается и изменяется в соответствии с нравами его жителей, что находит отражение в художественной реальности. В частности, в немецкоязычной литературе одним из наиболее популярных городов становится Берлин (Т. Фонтане, А. Дёблин, Г. Фаллада, К. Вольф, К. Ишервуд, Г. Грасс, Й. Шпаршу). Берлин как город, пропитанный историей, получил широкое осмысление, как в художественных произведениях немецких авторов, так и в научных исследованиях, посвященных городскому пространству.

В рамках данного исследования важным представляется подчеркнуть структурообразующую функцию города в литературе объединенной Германии. Осмысление города как целостного культурно-исторического организма позволяет проследить эволюцию проблемы поиска немецкой идентичности. Исследование образа города в литературе «поворота» помогает понять человеческие ценности, их развитие и взаимодействие со своей физической средой (городом) на конкретном историческом этапе.

На основе анализа концепта «объединённый Берлин» М.С. Потёмина рассматривает, каким образом Берлин приобретает в современной немецкой литературе особый статус и неповторимое единство.²⁰² Т.А. Андреюшкина, анализируя немецкую поэзию второй половины XX века, определяет образ Берлина как символ расколотой Германии, отражающий политические и культурные события в стране и после её объединения.²⁰³ Тема и образ Берлина детально исследовались в диссертациях Д.А. Морева, Н.А. Макаровой, А.М. Фурсенко, Л.Н. Полубояриновой. Берлину как символу разделенной нации посвящена работа «Берлин как художественный образ в литературе объединённой

²⁰² Потёмина М.С. Берлин в современной немецкой литературе. Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. № 2; 2013: С. 63 – 70

²⁰³ Андреюшкина Т.Н. Амбивалентный образ Берлина в немецкой поэзии второй половины XX века. Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: материалы V-й Международной научной конференции. 2015: С. 102 – 111.

Германии»²⁰⁴. Во второй половине XX в. и в настоящее время вырабатываются общие концепты рефлексии города, обуславливающие поиск новых форм отображения действительности.

Городское пространство Дрездена в немецкоязычной литературе встречается редко. Наиболее яркой работой, раскрывающей его образ в контексте разделенной Германии, становится роман У. Телькампа «Башня», где Дрезден приобретает уникальные черты и играет центральную роль.

На примере образа Дрездена писатель создает панораму жизни в ГДР. Он уделяет внимание не только семье Хофман, но и другим, совершенно не похожим друг на друга жителям, которые сталкиваются с системой с разных сторон. Писатель касается многочисленных составляющих в изображении Германской Демократической Республики – мир рабочих и писателей, бюрократия ведомств, действия Министерства государственной безопасности, действительность Национальной народной армии описана так же предметно, как и жизнь «башенников», которые своими интересами и образом мыслей были связаны с культурой немецкого просвещённого бюргерства.

Дрезден становится пространством, которое связывает все истории героев воедино и является средством выражения мироощущения самого писателя. С одной стороны, город и его отдельные районы описаны достоверно, но, с другой стороны, У. Телькамп в предисловии говорит о том, что действие романа вымышленное, а персонажи, которые изображены, имеют столько общего с действительно существующими людьми, сколько скульптор со своей скульптурой.

В начале книги помещена карта местности, где происходят описанные события. Появляются такие наименования, как “*Karavelle*”, “*Wolfsstein*”, “*Elefant*”, “*Uhlenburg*”, “*Abendstern*” и “*Tausendaugenhaus*”. Это измененные названия городских улиц и домов. Например, номенклатурным островом «Восточный Рим» (“*Ostrom*”) оказывается не существующий под таким названием

²⁰⁴ Мазенова М.В. (Бурханова М.В.), Берлин как художественный образ в литературе объединённой Германии // Мир Науки, Культуры, Образования». Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 2020. №1 (80). С. 271-273

закрытый район, где живут представители партийной номенклатуры и старые коммунисты, учёные и писатели, которые большую часть своей жизни провели в Советском Союзе. Чтобы попасть в этот район, необходимо пройти несколько контрольных пунктов. Там живёт первый секретарь местного партийного руководства Барсано и писатель Георг Алтберг. Партийный руководитель Барсано живёт в доме, который называется «Улиточная скала» (“*Schneckenstein*”). «Восточный Рим» показан через призму взгляда Мено Роде, который должен сообщить Алтбергу о решении издательства не печатать его книгу. Мено замечает рядом с входной дверью каждого дома два флага: флаг республики и флаг Великой Октябрьской социалистической революции. Этот район вызывает страх, осторожность у «башенников», он отделён от них мостом через Эльбу, что подчёркивает невозможность возникновения взаимопонимания между людьми двух совершенно противоположных районов.

Особого внимания заслуживает описание Угольного острова (“*Die Kohleninsel*”), где располагается тюрьма, находится ведомство и работают цензоры. Приёмный день – первый четверг месяца. Вся глава напоминает роман Ф. Кафки «Процесс»: “*Angestellte in grauen Kitteln eilten hin und her, manche schoben Akten auf gedämpft rollenden Wägelchen, abgewetzter Teppichboden schluckte die Schritte, das Hüsteln hinter den Türen, entferntes Gemurmel*”.²⁰⁵ Огромные очереди, шёпот, постоянные хлопки печати – всё это создаёт впечатление «бумажного» мира, закрытого от инородных элементов, существующего по единственно возможной схеме. Чтобы попасть на приём, необходимо получить приглашение в виде специального свидетельства, а для этого нужно записаться в центральном бюро. Это неоспоримые правила, которые нельзя нарушать. “*In unserem Staat herrscht die Gleichheit aller Bürger vor dem Gesetz! Wollen Sie eine Sonderbehandlung? Was glauben Sie, wer Sie sind?*”²⁰⁶, – в ЭТИХ СЛОВАХ одного из чиновников выражена основная идеология

²⁰⁵ Tellkamp U. Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. – S. 204.

Пер. с нем. автор. «Служащие в серых кителях бросались туда и сюда, некоторые толкали деловые бумаги на телегах с колёсиками, изношенный ковёр проглатывал шаги, кашель из-за дверей, удалённый ропот».

²⁰⁶ Там же. S. 209. Пер. с нем. автор. «В нашем государстве царит равенство всех граждан перед законом! Вы хотите каких-то привилегий? Что вы себе позволяете?»

социалистического государства. При любых отклонениях от правил может быть нажата красная кнопка: *““Frechheit, gar nichts werden Sie; ich werde gleich den roten Knopf drücken!” schrie der zweite Prüfbeamte. Dann würde in Sekunden-schnelle ein Uniformierter auftauchen und eine zermürbende Sachlagenklärung vornehmen, mit Protokollen, umständlich auf einer Schreibmaschine verfaßt, mit Vermerk in der Akte, die es von jedem Bürger in den Archivkellern der Kohleninsel gab“.*²⁰⁷

Военный суд, Штази и спецслужбы, которые обрабатывали заявления на выезд из страны, находятся на Асканийском острове. Район химических заводов «Самарканд» и карбидный завод оказываются вымышленными. Писатель не только изменяет названия улиц и зданий, но и перемещает их в пространстве. Особый интерес заслуживает расположение оперы Земпера – на карте она изображена в центре реки Эльбы. Нужно учесть, что во время событий, описанных в романе (1982–1989) оперный театр до 1985 года был разрушен.

Отдельные части Дрездена на карте обозначены анатомическими терминами. Например, хлебокомбинат (“Anatomie: Magen”/«Анатомия: желудок»), также есть обугленные леса (“Anatomie: Lungen”/«Анатомия: лёгкие»), мрачный остров «Утопия» (“Anatomie: Herz”/«Анатомия: Сердце»). В увертюре продолжает развитие тема города как организма: *“Suchend, in der Nacht der Strom, ein ermüdetes krankes Tier, träumend in einem Schlafgehäuse, um das die Kälte steigt, und Straßenadern auf den Inseln, schütter beleuchtet, eingezwängt in den Frost und das Schweigen <...> Laut-sprechermembranen <...> Finger-spitzen des Flusses <...>”.*²⁰⁸ По мнению Н. Анциферова, советского культуролога, историка и краеведа, город представляет собой источник не столько познания, сколько эстетического впечатления и нравственного переживания. В своих

²⁰⁷ Там же. Пер. с нем. автор. «Свобода, ты её не получишь; Я через минуту нажму красную кнопку! - крикнул второй инспектор. Затем в считанные секунды появился человек в форме и предпринял изнурительное разъяснение фактов с помощью протоколов, неловко написанных на пишущей машинке, с пометкой в файлах, которые хранились у каждого гражданина в архивных подвалах Угольного острова».

²⁰⁸ Там же. S. 8. Пер. с нем. автор. «Он видит сны в своём спальном районе, пока вокруг нарастает холод, а скудно освещённые улицы-артерии на всех островах остаются втиснутыми в мороз и в молчание <...> мембраны громкоговорителей <...> пальцы реки <...>»

работах он даёт определение души города.²⁰⁹ исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм, как конкретную индивидуальность. Таким образом, в романе «Башня» можно выявить аналогию между ГДР и телом нового человека, у которого, нет почек, предназначенных для вымывания загрязнений из организма.

Квартал «башенников» У. Телькамп превращает в сказочный мир, который резко контрастирует с происходящими в нём событиями. Район «Башня» – обветшалые памятники конца века, заросшие сады и заколдованные жители, именно в этом районе находится родной дом Кристиана, куда он возвращается из интерната на фуникулёре. Он входит в этот мир и как будто произносит заклинание из сказки о Калифе-аисте Вильгельма Гауфа, и мир, таким образом, трансформируется. Для создания необыкновенной атмосферы У. Телькамп использует много слов одной тематической группы: темнота, холод, тени, ледяная луна; «Так он (Кристиан) был дома, в Башне» (*“So er war zu Hause, im Turm”*).²¹⁰

Жители «Башни» живут воспоминаниями, привычками прошлого, они сохранили любовь к искусству, трепет перед Ф. Шиллером, И.В. Гёте, любовь к старинным вещам. Они живут в воспоминаниях о старом Дрездене, и лишь немногие из них осознают, что «здесь всё было совсем по-другому. Сейчас не то, что было раньше. Это несравнимо. Нет, нет. Сегодня: Дрезденград. Провинция в Союзе немецкоговорящих Советских Республик» (*“Das war alles mal ganz anders hier. War ist, ist nicht, was war. Kein Vergleich. Nee, nee. Heute: Dresdengrad. Provinz in der UddSR: Union der deutschsprachigen Sowjetrepubliken”*).²¹¹ Мено Роде называет это мироощущение «сладкой болезнью “вчера”» (*“die süße Krankheit Gestern”*). По мнению «башенников», самый большой негодяй в целой стране есть и останется доносчик. Поэтому весь социальной строй вызывает презрение, отторжение у жителей своеобразного «старого Дрездена».

²⁰⁹ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Ленинград: Сеятель, 1926. - С. 29

²¹⁰ Tellkamp U. Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. – S. 10.

²¹¹ Там же. S. 368.

Все «башенники» объединены одной судьбой, и в главе «Дыхание» («Atmen») ²¹² район мгновенно улавливает настроение и чувства Рихарда и Анны, находящихся в «государственной ловушке». Анна узнаёт, что за её мужем ведётся слежка, что он связан со Штази, это её шокирует, она начинает плакать, слышен лай собак, смех соседей, возгласы “*Marxis-muhs!*”, “*Stalinis-muhs!*”, “*Mensch: Allgemeinismus!*” («Марксизм», «Сталинизм», «Человек: все-народность!»). ²¹³ Таким образом, район приобретает гротескные черты, резко преобразуется и выражает страх, мысли, которые остаются не высказанными Анной. И кульминацией становится освобождающий смех Юлии Хекман, которую в районе все называли «лошадью»; неожиданно кто-то открывает окна и слышен крик: “*Bürokratismus!*”, “*Individualismus!*”, “*Sozi-alismus!*”, “*Ich habe Angst!*”, “*Ich ooch!*” («бюрократизм!», «индивидуализм!», «социализм!», «я боюсь!», «я тоже!»). ²¹⁴

Своеобразный художественный мир Дрездена создан не только с помощью описываемых событий, но также **стилистически**: язык романа раскрывает скрупулезность приверженцев нового режима и богатый противоречивый внутренний мир «башенников». Например, в увертюре с помощью многочисленных метафор и эпитетов Мено Роде описывает город, приобретающий иные очертания с наступлением ночи, тем самым обозначая то, что волнует многих жителей Дрездена (а именно «башенников»). Изящным и поэтическим слогом при поверхностном прочтении он касается проблемы индустриализации: “<...> *im Tiefseedunkel kroch das Spüllicht der Kan-alisation, tropfender Absud der Häuser und VEB, in der Tiefe, wo die Lemuren gruben, stauten sich die ölig-schwere, metallische Brühe der Galvanikbäder, Wasser aus Restaurants und Braunkohlekraftwerken und Kombinat, die Schaumbäche der Reinigungsmittel-fabriken, Abwässer der Stahlwerke <...> in der Nacht der Strom, weitverzweigt die Schlamm-, die Schlacke-, Erdöl-, Zellstoff-Flüsse, Wasser verschmolzen zu einem großen pechträgen Band, darauf die Schiffe fahren, unter*

²¹² Там же. S. 281

²¹³ Там же. S.287-288

²¹⁴ Там же.

*den rostigen Spinnweben der Brücken hindurch <...>“.*²¹⁵ Однако на других уровнях прочтения текста мы видим синтез слов со значением текучести, плавности (поток, ручьи, реки, вода) и одновременно со значением стагнации, остановки (воды, мощно-дегтярно-ленивая лента, морские глубины). Данные лексико-семантические связи символизируют эпоху застоя в Советском союзе, в том числе в восточной зоне Германии (1964–1986).

В романе противопоставлены друг другу две художественные реальности – та, что олицетворяет состояние застоя (не в значении «стабильности», а в значении «саморазрушения») и называется Социалистическим союзом, и та, что символизирует истинную жизнь и находится внутри домов, где звучит музыка с проигрывателей (мир «башенников»). Но основная идея У. Телькампа в том, что мир «башенников» в социалистическом государстве эпохи застоя обречен на гибель. Это своеобразная Атлантида, «куда все мы попадали по ночам, произнеся волшебное слово Мутабор» (меня изменяют (лат.)).^{216 217}

Текст романа «Башня» гармонично вписывается в классические традиции немецкоязычной литературы: лексическая насыщенность, богатый синтаксис напоминают произведения не только И.В. Гёте, Т. Фонтане, Т. Манна, но и поэму Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка» (1844 г.), а также романы Ф. Голландера, в которых изображена немецкая интеллигенция, а также философские и религиозные течения в современной немецкой жизни. Писатель в образе Дрездена создает микропроекцию разделенной Германии. Это образ, соединяющий две противоположные системы ценностей – район представителей просвещённого бюргерства, привлекающий своим уютом и теплотой, изысканностью и глубиной, и остальные районы Дрездена, на которые наложила отпечаток система ГДР.

²¹⁵ Там же S. 7. «<...> Во мраке морских глубин пролагали себе дорогу ручьи канализационного настоя, по каплям поступавшего сюда из жилых домов и с народных предприятий; в глубине, где затаились лемуры, всё накапливалось: маслянисто-тяжёлая металлическая каша из гальванических ванн, ресторанные помои, загрязнённые воды электростанций и комбинатов, работающих на буром угле, пена с фабрик по производству моющих средств, жидкие отходы металлургических и сталелитейных заводов <...> по ночам тот Поток... пышно разветвившиеся грязевые, шлаковые, нефтяные, целлюлозные реки и просто вода сплавлялись в единую мощно-дегтярно-ленивую ленту, по которой двигались суда, проплывая под ржавой паутиной мостов» (пер. Т.А. Баскаковой).

²¹⁶ Баскакова Т.А. Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа): ЛитМир Электронная библиотека. [Электронный ресурс].

²¹⁷ Мутабор – это «волшебное слово» упоминается в сказке Вильгельма Гауфа (1802-1827) «Халиф-аист»

2.3 Ключевые черты немецкой ментальности в романе Л. Зайлера «Крузо»

Время действия романа Л. Зайлера «Крузо» (“Kruzo”, 2014)²¹⁸ начинается примерно с середины 1989 года и заканчивается, как и роман «Башня» У. Телькампа, 9 ноября 1989 года. Этот исторический период сыграл огромную роль в жизни многих людей всех возрастов. Главные герои романа не являются исключением.

Название романа Л. Зайлера не включает в себя ничего, что могло бы указывать на времена существования ГДР и ФРГ (в первую очередь, оно отсылает к роману Д. Дефо). Сам писатель неоднократно подчёркивал, что «Крузо» – не документально-исторический роман о ГДР, а прежде всего, роман о дружбе. Однако в рамках настоящего исследования мы определяем, что Wende-роман – это любое произведение, в котором есть отсылка к событиям разделенной Германии. Анализ системы персонажей, основных тем, мотивов, интертекстуальности раскрывает образ человека, мировоззрение которого было сформировано именно в период разделённой Германии.

2.3.1 Структура романа

Книга состоит из вступления, двух частей и эпилога и сопровождается картой острова, которая помогает читателю визуализировать происходящее в романе, но именно схематично, определяя сюжетообразующие локации и не вмешиваясь в созданные читателем образы. Таким образом, у читателя есть схема, которую он дополняет своим содержанием. Кульминацией в романе становится момент, когда главный герой, Эдгар Бэндлер, узнает о том, что Берлинская стена уже как несколько дней прекратила своё существование.

²¹⁸ Seiler L., Kruzo: [roman]. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. – S. 480

Первостепенное значение для понимания образа Эдгара Бендлера и идеи самого произведения имеют те части романа, которые с островом не связаны – небольшое вступление и эпилог, приоткрывающий судьбу героя после объединения Германии.

Стоит обратить внимание, что весь роман – это сцепление и чередование мыслей и рассуждений – нейтральное повествование автора в первых двух частях книги сменяется дневниковыми записями Эдгара, диалоги достаточно редко встречаются в повествовании и состоят не более чем из трёх-четырёх реплик. Можно сказать, что две части романа – это описание образа Эдгара с позиции всезнающего автора: смотря на мир глазами молодого человека, автор видит шире и глубже, чем человек в возрасте Эдгара. Он касается его внутренних переживаний, снов, умозаключений и выявляет мотивацию поступков. Кругозор рассказчика здесь совмещён с кругозором героя, но одновременно он представляет собой пример «причастной вненаходимости».²¹⁹

Только в эпилоге читатель понимает, что все события, описанные в основной части романа – это воспоминания Эдгара Бендлера, то есть главный герой и есть повествователь. В эпилоге хронотоп резко сдвигается. Главный герой предстаёт перед читателем уже с позиции взрослого мужчины, преодолевшего жизненные испытания и сохранившего себя. Основная часть романа – это события трёх летних месяцев и осени 1989 года на о. Хиддензе, в эпилоге читатель не знает, сколько времени прошло с падения Берлинской стены и где находится рассказчик. Он вынес из тех летних месяцев нечто важное, что повлияло на его мироощущение.

Две основные части и эпилог контрастны по своему настроению: в самом начале повествование наполнено темными красками, упадническим настроением. Комната, в которой живёт главный герой, душная, давящая, вроде бы близкая, но уже далёкая, это поток мыслей, поиск правильных действий. В основной части, когда мы читаем про события на самом острове Хиддензе, автор создаёт фантастический мир – Эдгар постоянно делится своими переживаниями

²¹⁹ Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

с мертвой лисицей и буквально слышит, как она ему отвечает, он видит странные образы, теряет своего друга, Крузо, мучительно ищет, преодолевая необычные препятствия, находит и т.д. Во времена ГДР Хиддензе считался «потерянным раем» для уставших от реалий социализма восточных немцев. На остров приезжали художники и писатели, студенты и ищущие единомышленников диссиденты, а также собирались люди, которые по тем или иным причинам не вписались в социалистический строй – бездомные, отверженные, потенциальные беженцы.

Настроение повествования резко меняется 9 ноября 1989 года. Эпилог – это обычный рассказ Эдгара о том, как он искал тело Крузо, как он ездил в Дрезден, что он узнал о беглецах, которые выбрали путь в Данию через Балтийское море: всё очень последовательно, четко и реалистично, потому что основано на реальном исследовании Л. Зайлера в Копенгагене. «Кто оказывался на пляже Хиддензе, покидал страну, не пересекая границу»,²²⁰ – пишет Л. Зайлер. Его герой Крузо создает собственную карту Лош (Lösch), в которой записываются пути тех, кто хотел покинуть страну, пересекая границу, и заплатил за это своей жизнью. «Пока я работал над книгой, я прочитал о Хиддензе все, что попадалось мне в руки. А потом наткнулся на эту историю с беженцами, на интервью о погибших, тела которых прибило к берегу Дании»,²²¹ – рассказывает писатель. Ему хотелось увековечить память этих людей и обратить внимание на эту малоизвестную страницу в истории ГДР. После объединения отголоски тоталитарного режима проникали в мир живых: «Независимо от часто упоминаемого скрытого количества, которое предположительно, как там писали, во много раз больше, этих покойников все же идентифицировали как восточных немцев. Кто-то их видел и установил: они оттуда».²²²

В эпилоге романа уже повзрослевший Эдгар описывает ту самую историю «беглецов», что с ними происходило на протяжении всего побега через Балтийское море. Автор ссылается на реальные исторические факты: «роману нужен

²²⁰ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 39

²²¹ Deutsche Welle. Роман года «Крузо»: робинзонада в терпящей крушение ГДР. [Электронный ресурс]

²²² Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 385

был эпилог, якорь для всей этой истории. В нем довольно много фантастики, а исторический эпилог возвращает читателя в реальный мир».²²³ Эдгар, находясь в поисках тела своего друга, проходит несколько этапов – исчезновение у человека было тройное. Первое: отъезд. Из осторожности беглец никому ничего не говорит и ничего не оставляет, ни прощального письма, ни знака, не берет с собой ни удостоверения, ни бумажника, делает все, чтобы защитить своих близких, то есть избавить их от упрека в соучастии, а то и помощи беглецу. Главное – оградить мать, отца, сестру и брата от бесконечных допросов, унижений и тюремных сроков. При первом исчезновении беглец также срезает со своей одежды фабричные метки, все, что может выдать его восточную принадлежность. Это делается на случай, если «серые волки» (пограничные катера военно-морского флота ГДР) выловят его в открытом море. Потом вторичное исчезновение. Его труп, как усталый, сопящий пес, дрейфует по морскому дну, уткнувшись головой в грунт. А дальше – третье исчезновение, где его уже ищут соответственно в моргах.²²⁴ Таким образом, Л.Зайлер описывает, что система была беспощадна абсолютно к каждому.

2.3.2 Система персонажей

В центре повествования два персонажа, Эдгар Бендлер (он же Эд) и Алексей Крузович (он же Крузо). Эдгар Бендлер – студент-гуманитарий, который не может больше выносить жизнь в Восточной Германии и решает уехать на о. Хиддензе, где знакомится с Крузо. Крузо – своего рода гуру для интеллектуалов, не нашедших себя ни в ГДР, ни в ФРГ. Крепкая мужская дружба, которая строится вокруг поэзии и острова, по словам автора, – одна из ключевых тем романа.

Ни на одной странице читатель не встретит портрета Эдгара, повествование сконцентрировано исключительно на его внутреннем мире. Знакомство с Эдом происходит постепенно – в начале книги мы видим только описание его

²²³ Deutsche Welle. Роман года «Крузо»: робинзонада в терпящей крушение ГДР. [Электронный ресурс]

²²⁴ Там же. С. 391–393

комнаты, где всё нам кажется тесным, застывшим в прошлом. Эмоциональное состояние героя характеризуется смятением, растерянностью, перепадами настроения: у молодого человека пропал кот, который является символом прошлого, того времени, когда ему было хорошо, рядом с ним была любимая девушка, которой теперь нет, – она погибла. С одной стороны, он пытается найти кота, эти попытки носят отчаянный характер, с другой стороны, он делает это бессознательно, по привычке, оказываясь в замкнутом круге машинальных действий. В итоге Эдгар принимает решение вырваться из этого сковывающего пространства, оставив всё на произвол судьбы. «Эдгар Бендлер решил исчезнуть» – так начинается роман.

Эдгар, пережив гибель своей подруги и пытаясь заново начать жизнь, решил временно скрыться от серых «гэдээровских» будней на самом краю страны, на острове Хиддензе (изначально он хочет лишь сделать перерыв на три летних месяца, чтобы разобраться в себе). На острове Эдгар знакомится не только с Крузо, но и с его командой, местными жителями, – рабочими в ресторане «Отшельник». Крузо вызывает уважение у всей команды, умеет вдохновлять и понимает каждого, кто находится рядом: «По-моему, в конечном счете, все дело тут в одном обстоятельстве: мой отец по-настоящему не ненавидел немцев; он умел понимать их, именно *понимать*».²²⁵

Крузо, сын русского генерала, приезжает на остров в возрасте шести лет вместе со старшей сестрой Соней после того, как под куполом цирка погибла их мать, немецкая цирковая артистка. Крузо в какой-то степени стал историей, частью самого острова, его образ кажется утопичным: «Он был очень далек от мира, откуда приходили вести. Его жизнь происходила уже не в настоящем времени».²²⁶ Одной из причин, почему Крузо не покидал остров на протяжении нескольких десятков лет, была гибель его сестры. Перед побегом с острова вплавь Соня просит брата ждать её, но в итоге погибает в водах Балтийского

²²⁵ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 165

²²⁶ Там же. С. 252

моря. «В конце концов, все позабыли и его имя, и что он “сынишка русского”», – как временами подчеркивал кучер Мэкки.²²⁷

Повествование романа строится на последовательном раскрытии мировоззрения Крузо через призму восприятия Эдгара. Система тем и мотивов выстраивается вокруг образа Крузо. Устами своего героя Л. Зайлер рассуждает на такие темы, как преодоление и поиск себя, жизнь и смерть, иллюзорность мира, поэт и поэзия, свобода. Для понимания идейно-художественного замысла произведения, в первую очередь, необходимо проанализировать образ Крузо.

Основной источник формирования мировоззрения Крузо – литература, которую он читает. Это труды Л. Шестова (русский философ-экзистенциалист), Г. Бабефа (французский революционный коммунист-утопист), К. Кастанеды (американский писатель и антрополог, мистик, автор 12 томов книг-бестселлеров, посвящённых изложению шаманского учения индейца из племени яки дона Хуана Матуса). От каждого автора Крузо приобретает что-то своё, в результате чего складывается личность с философско-поэтическим мышлением. Кроме того, Крузо сам пишет стихи, он даже просит Эда опубликовать его сборник и часто устраивает поэтические вечера, в которых принимают участие только он и его друг – незаменимый Эдгар.

Творчество К. Кастанеды – отправная точка становления философии Крузо. Герой книг К. Кастанеды, дон Хуан, считает, что способность к мировосприятию можно совершенствовать, следуя пути воина. Это система, целью которой является энергетическая трансформация индивида. Если перестроить свой мозг, то не картинка будет управлять тобой, а ты начинаешь управлять энергией мира и становишься независимым от него. Учение Кастанеды основано на том, что человек не пассивно воспринимает уже готовую картину внешней и внутренней среды, а интерпретирует энергетические сигналы, которыми полна вселенная, конструируя модель мира (принимаемую обычно за сам мир). Таким образом, мира как такового не существует, нам с детства дают определённую картинку, и мнение других начинает управлять человеком, который

²²⁷ Там же. С. 119

всегда будет под влиянием определённых концептов и будет действовать с той системой правил, которая дана ему другими людьми.

Далее Крузо следует за идеями экзистенциалистов. Идеи экзистенциализма пользовались большой популярностью ещё в послевоенной Германии. В то время Германии нужно было определиться с дальнейшим развитием, а идеологическая жизнь страны совмещала как марксистские, так и экзистенциалистские идеи. Эта полемика отразилась и в литературе будущей Германской Демократической Республики, например, в романе М. В. Шульца «Мы не пыль на ветру» (1962). Уже в названии этого произведения видна полемика с идеями экзистенциализма. При этом Альбер Камю получил прозвище «Совесть Запада» и стал одним из ярчайших представителей «властителей дум» мировой интеллигенции. Его творчество и взгляды существенно отличались от классической литературы – он одним из первых в художественной литературе заявил о том, что мир не устроен разумно. А. Камю приходит к выводам об абсурдности существования. Согласно его учению, не нужно и не стоит искать высший смысл жизни – нужно просто жить.

Воодушевленный философией А. Камю, герой романа одноименного романа «Крузо» верит, что обретение смысла и осознание несовершенства мира не делает человека счастливым, но это делает человека свободным. Творчество Ж.-П. Сартра также вдохновляло Крузо – свобода безотносительна и человек свободен, пока он способен хотеть. Он верил, что человек обречен на свободу, даже если это заключенный в тюрьме: он свободен, пока хочет либо сбежать из тюрьмы, либо покончить с жизнью, либо сидеть дальше. В предисловии к немецкому переводу «Мух» (фр. *Les Mouches*, 1947) Ж.-П. Сартр отмечал актуальность этой пьесы для Германии тех лет. Потому что в его главном герое Оресте была воплощена та идея свободы, которая была близка немцам. Эта пьеса стала действительно популярна в Германии, особенно после постановки в театре Дюссельдорфа, где играл известный артист и режиссер Грюнденсон. Ж.-П. Сартр и А. Камю, французские преемники К. Ясперса и М. Хайдегера, имели сильное

влияние на творческую интеллигенцию Германии.²²⁸ Крушение призрачных иллюзий и идеалов – основная причина очередной «экзистенциальной волны», нашедшей себя в умонастроении главного героя романа Л. Зайлера.

Философия экзистенциализма в совокупности с идеями Кастанеды объясняет миропонимание Крузо: «по существу, все было философией, не больше и не меньше, сложной формой бытия, одновременно единственно возможной. Сущность Крузо была философия».²²⁹ Л. Зайлер создаёт очень сложный противоречивый поэтический образ своего персонажа. Такое глубокое видение жизни у Крузо, его нестандартное направление мысли, любовь к рассуждениям, богатая внутренняя жизнь – типично немецкая черта, которую можно назвать *Innerlichkeit* (рефлексивность). Особенно она проявляется вместе с мотивом поиска себя и свободы. Рефлексивность воплощается как в Крузо, так и в Эдгаре, однако основным персонаж, который является носителем этой черты, – это Крузо.

Свобода для Крузо бесконечна. Он сам воплощение свободы, по крайней мере, он к этому стремится, он так себя ощущает. «Остров – первый шаг, понимаешь, Эд? Остров – то самое место. Здесь большинству уже через несколько часов удастся коснуться корня»,²³⁰ – и, таким образом, сам Крузо позиционирует себя в качестве проводника от незнания к великому знанию.

Образ провожатого, указывающего путь к самопознанию – лейтмотив романа Л. Зайлера, который реализован в двух парадигмах – «Робинзон – Пятница» и «Вергилий – Данте». Соответственно, с одной стороны, наставником является Эдгар – юный и очень смелый проводник в безмятежный мир, построенный на стихотворениях Г. Тракля, на собственной поэзии, на воспоминаниях о далёком прошлом: «Эд, не бойся. Для Робинзона Пятница – лоцман, во всяком случае, он таков в его снах. Лоцман, который помогает ему вырваться из заточения на острове, из несчастья».²³¹ С другой стороны, и Крузо

²²⁸ Давыдов Ю.Н. Интеллектуальный роман и философское мифотворчество // Вопросы литературы. – 1977. – № 9.

²²⁹ Зайлер Л., Крузо. – М.: Текст, 2016. С. 187

²³⁰ Там же. С. 222

²³¹ Там же. С. 195

– наставник для Эдгара, вожатый, напоминающий фигуру Вергилия. В поэме «Божественная комедия» Данте Алигьери признает величайшую роль античного поэта и философа в духовном становлении людей – и, в частности, в формировании собственной личности. Отношения между Данте и Вергилием строятся на чувстве глубокого уважения – как Вергилий – учитель, вождь и господин, «благый отец» для Данте, так и Крузо – для Эдгара.

Начнем с разбора парадигмы «Вергилий – Данте». Сюжетообразующая функция образа – провести юношу по загробному миру (аду и чистилищу)/острову-«потерянному раю» и дать его полную характеристику, а также помочь в поиске себя в самом начале жизненного пути. Вергилий приходит к Данте именно в тот момент, когда тот заблудился и встретился с тремя зверями, символизирующими гордость, алчность и сладострастие, в диком лесу. Герой «Божественной комедии» в тридцать пять лет («на половине жизненного пути») сталкивается с разочарованием, разрушением прежних идеалов и подвергается глубокому самоанализу. Такая же личная история героя романа «Крузо» – в свои двадцать два года Эдгар ощутил колоссальное одиночество, его жизнь превратилась в существование, мысли запутались и единственное, что ему оставалось – бежать, но не на Запад, куда все стремились на Востоке, ему необходимо было убежать от себя самого. Как Вергилий, так и Крузо – поэты, философы, которые становятся не только проводниками, но и помощниками для молодых людей, которые, в свою очередь, спасая свою душу, спасают души других. На протяжении всего путешествия Вергилий, как и Крузо, дает наставления, предоставляя при этом полную свободу выбора.

Портрет «старшего наставника», в отличие от портрета юноши – наполнен деталями. Эдгар – он же рассказчик, как и Данте. Повествователь раскрывает образ своего наставника. Например, лирический герой Данте следит за движениями Вергилия, за его мимикой: «Затем мой вождь пошел, слегка рассержен, Широкой поступью и хмуря лоб».²³² Эдгар обращал внимание на акцент Крузо: «Впервые Эд уловил в речи Крузо что-то вроде диалекта. Отчасти

²³² Данте А., Божественная комедия. – М.: Эксмо, 2008. – 23 песня

похоже на швабский, а в сущности, архаическая смесь разных говоров. Так он говорил редко, только когда забывал следить за собой»,²³³ на его одеяние — а именно на красный цвет, и тогда Крузо становился похож на римлянина.

Роман «Крузо» — первое прозаическое произведение Л. Зайлера, который известен, в первую очередь, своей поэзией. Тема поэта и поэзии в романе воплощается и в аллюзиях к образу Данте и Вергилия. Вергилий — символ разума,²³⁴ он оставляет своего ученика после того, как передал всё самое необходимое. Так же и в романе — Эдгар отправляется в новую жизнь, в объединенную Германию без Крузо, в эпилоге представлена история уже повзрослевшего юноши, нашедшего себя. Система ГДР перестала занимать место в реальности, но вместе с падением стены и жизнь Крузо пришла к своему логическому завершению. Эдгар, в свою очередь, продолжил путь, помня о прошлом, но не замыкаясь на нём²³⁵.

Развивая идею наставничества, мы можем утверждать, что Л. Зайлер создаёт ту же схему передачи опыта, что и Кастанеда — Эдгар нуждается в учителе, в «нагвале»²³⁶. Дон Хуан, герой Кастанеды, тоже играет роль проводника, показывает, как жить в этом мире. Следуя за философией Кастанеды, Крузо учит Эдгара тому, что если заставить себя поверить в то, что желанно, оно тем и станет. Он тот самый воин, который способен обрести себя в этом мире и помочь с выполнением этой задачи — другим. Один из путей освобождения разума для Эдгара — подчинение в какой-то степени чужой воле, без подавления личности, Крузо для него — источник мыслей, вдохновитель. Жизнь на о. Хиддензе становится для Эдгара реальностью, а не моделью мира, внутренняя борьба приводит его к освобождению от социальных рамок, границ, от стереотипов.

Перейдем к исследованию парадигмы «Робинзон Крузо — Пятница». Название романа Л. Зайлера, неоднократные сравнения Эдгара с Пятницей

²³³ Зайлер Л. Крузо: роман. — М.: Текст, — 2016. — С. 88

²³⁴ Елина Н. Г. Данте [Текст]: Критико-биограф. очерк. — Москва : Худож. лит., 1965. — С. 100

²³⁵ «Одержимость прошлым» — та черта немецкой идентичности, которая предполагает преодоление прошлого (память о нем) для успешного будущего. См. Глава 1.

²³⁶ Нагваль (англ. Nagual от ацт. nahualli — быть спрятанным, сокрытым) — в мифологии индейцев Центральной Америки дух-хранитель. Это нечто сверхъчеловеческое, интуитивное, наши сновидения, чувства, воля, магические способности

(«Пятница получал свою козью шкуру» (примерка штанов), «Пятница подле Робинзона»)²³⁷ – очевидные аллюзии к роману Д. Дефо «Робинзон Крузо», однако они нуждаются в более последовательном объяснении и детальном исследовании. Л. Зайлер не пишет простую «Робинзонаду», он создаёт свой мир 1989 года, свой остров, где есть своего рода цивилизация и куда приезжают туристы, где есть своеобразный экипаж ресторана, своя команда. И в итоге, если Робинзон Крузо благополучно возвращается домой, то у персонажа Л. Зайлера другая судьба – он пытается бежать с острова, но его ожидает только смерть. С падением Берлинской стены и заканчивается жизнь Крузо, героя своей эпохи, эпохи разделения Германии на два совершенно противоположных государства.

Д. Дефо пишет историю о человеке, который нравственно возрождается благодаря общению с природой.²³⁸ Л. Зайлер развивает эту идею: «Остров облагораживал их бытие. Эта совершенно неопишуемая красота оказывала своё воздействие. Магия творения. Материк служил для неё лишь своего рода фоном, который медленно стирался и умирал в вековечном рокоте моря; собственного говоря, что есть *государство?*».²³⁹ Писатель постоянно подчёркивает красоту Хиддензе, в романе очень много пейзажных картин, наполненных очарованием и ощущением свободы. Возможности человека в освоении природы и в борьбе с враждебным ему миром оказываются безграничными. Эта идея была созвучна идеологии раннего капитализма и эпохи Просвещения. В Германии за сорок лет, последовавших за публикацией первой книги о Робинзоне, было издано не менее сорока «робинзонад». Поэтому Л. Зайлер не первый в своей стране, кто обращает внимание на педагогическое значение романа Д. Дефо. Однако Алексей Крузович не становится точной копией Робинзона, как и Эдгар – копией Пятницы. Писатель скорее акцентирует связь между двумя персонажами, их духовную близость, привязанность, они –

²³⁷ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 90, 93

²³⁸ Елистратова, А. Английский роман эпохи Просвещения/А.Елистратова. - М.: 1966 - 476 с.

²³⁹ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 142

единомышленники в борьбе с суровой и бесчеловечной государственной системой – как ГДР, так и ФРГ.

Эд сразу обретает доверие у Крузо, который, как выясняется, давно его ждал. «За две ночи до твоего появления мне приснилось, что ты придёшь. Я увидел твой приход. Как уже написано в книге: пришла пора приобрести слугу, а может быть, товарища или помощника»,²⁴⁰ – говорит Крузо Эдгару, и сразу становится его духовным учителем, как и Робинзон Крузо – учителем Пятницы. Но во многом и Пятница – учитель своего друга. Он постоянно рядом, он прощает ему все невольно брошенные не совсем приятные фразы и замечания. И если у Д. Дефо личный дневник ведёт сам Крузо, то у Л. Зайлера мысли, наблюдения, переживания записывает Эдгар: «Делая записи, Эд успокаивался. На каждый день приходилось только пять строчек».²⁴¹ Эда не нужно учить грамоте и культуре общения, открывать красоту слога и глубину поэзии, он всё это знает и всё это умеет, но всеми способами старается заглушить в себе излишнюю чувствительность, восприимчивость: «Дневник больше похож на протокол. Пишет нерегулярно. Но именно протокольная запись ему и нравилась. Протокол о прибытии и о том, как он постепенно стал частью команды».²⁴² У Эдгара, в свою очередь, тоже есть слушатель, молчаливый друг – мёртвая лисица с пронзительным взглядом. К ней он приходит как бы на исповедь, чтобы очистить голову от хаоса и забот.

Что тянет самого Эдгара к такому человеку, как Крузо? Его сила и его внутренняя красота, наличие стержня и цели: «Крузо давал ему задания, вносил в дни Эда ясность и неопровержимое ощущение, что и для него есть возможность подняться над своим запутанным, невнятным бытием».²⁴³

Крузо и Эдгар обладали особенным знанием и опытом. Они чувствовали нечто сакральное друг в друге, но не могли открыто об этом разговаривать, именно это понимание нечто высшего и составляло основу их дружбы: «В

²⁴⁰ Там же. С. 194

²⁴¹ Там же. С. 54

²⁴² Там же. С. 125

²⁴³ Там же. С. 102

целом здесь было нечто большее, чем доверительность, и большее, чем доверие. По сути, основу их дружбы составляла отчужденность. Оба они не могли говорить о том, что сильнее всего тяготило душу, и это, казалось, связывало их крепче любых признаний».²⁴⁴ Получается, что герои просто находятся рядом друг с другом, открывая свои волнения посредством, например, поэзии.

Л. Зайлер создаёт персонажей, которые имеют общие ценности, схожие жизненные принципы и установки (их не интересуют деньги, признание, побег на Запад и т. д.), но при этом жизненные дороги у них разные: «Крузо был как он сам, и только так они могут быть вместе, таким вот образом, рядом, но каждый сам по себе, замкнутые в капсулах одинокого, хаотического бытия, двое людей, которым редкое стечение судьбоносных обстоятельств или всевластный космодром назначили параллельные орбиты».²⁴⁵ У Крузо нет надежды на будущее в отличие от Эдгара. Несмотря на это, со стороны кажется, что именно Крузо – цельная фигура, не требующая поддержки и точки опоры: «Эд казался слабосильным, потому что всегда был с Крузо (Эд, Луковица, молчун, безмолвно сидевший в углу, неспособный к нормальным разговорам и все время пяливший в окно, словно там происходило что-то другое, а вовсе не бестолковая суeta туристов-однодневок)».²⁴⁶ Эдгар кажется читателю неопытным, еще совсем «зеленым» рядом с Крузо, но и он помогал Крузо справляться с глубокими внутренними переживаниями, воспоминаниями и мыслями.

Основное отличие романа Л. Зайлера от произведения Д. Дефо в том, что немецкий писатель открывает нам мир Пятницы, а не Крузо. Эдгар не является статичным, его образ динамичен: он с первых строк переживает состояние депрессии, что мотивирует его изменить жизнь, он проходит несколько этапов становления и в итоге отражает в себе историческое становление самого мира.²⁴⁷ Герой ставит перед собой задачу познания смысла жизни, назначения человека и избрания своего пути. Он смотрит на Крузо, изучает его, но

²⁴⁴ Там же. С. 184

²⁴⁵ Там же. С. 323

²⁴⁶ Там же. С. 154

²⁴⁷ Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 188-236.

чужим взглядом – в данном случае взглядом одновременно близкого и далекого ему человека – Эдгара, того самого Пятницы. «Да, он и гордился Крузо, и боялся его, причем гордость и страх были неразделимы»²⁴⁸ – таким образом, вся система повествования направлена на то, чтобы проникнуться жизнью Крузо со стороны, при этом, так и не сумев раскрыть его тайны, полностью познать. Он лишь объект внимательного исследования Пятницы. Но его цели, страхи, заботы и причины счастья никогда не станут для нас очевидными. Он часть непостижимого мира, мира, который сформировал это сознание и сам же забрал его, мира разделённой Германии.

Л. Зайлер создаёт очень сложный противоречивый поэтический образ своих персонажей. Социалистическая и капиталистическая системы только усилили в героях желание создать свой свободный мир, отличный от двух идеологий, разделивших Германию.

В системе ценностей Крузо нашли отражения идеи коммунизма в совокупности с типично немецкими чертами, например, такими, как гипертрофированное трудолюбие, педантичность. Отдаляло Крузо от ГДР то, что было присуще ему самому – на острове он создавал свою утопию и свои правила. По отношению к системе ГДР Крузо не высказывается резко, а скорее констатирует факты – никто не будет разбираться, кто прав, а кто виноват, если есть приказ, то нужно стрелять, неважно, кто есть беглец – человек или животное, он беглец, а значит, его не существует. При этом система ценностей Западной Германии категорически не принималась главным героем.

Физический труд и богатый духовный мир – ценность для Крузо. Ему нравилась принадлежность к высшему духовному обществу, независимому от идей капитализма, от образа жизни потребителей: «Говорил о возвращенцах и о том, что их будет немало, как только они уразумеют обманы потребительского мира. Они ещё способны это уразуметь, Эд. Однако многие, родившиеся там и ничего другого не имевшие, уже не ощущают своего несчастья. Развлекательная отрасль, машины, собственное жилье, встроенные кухни, почему бы

²⁴⁸ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 156

и нет? Но для них это как бы собственное тело, его естественное продолжение, вместилище чувств и мыслей. Их душа застряла в приборной доске, оглушена хай-фаем или испарилась в бошевской плите. Они уже не в состоянии чувствовать своё несчастье. Не слышат, какой цинизм заключен в слове потребитель, в одном слове! Его животное звучание, полное коровьих колокольцев и стад, которые гонят через холм благосостояния, а они щиплют траву, жуют, потребление, пищеварение и новое потребление – жрать и срать, вот что такое жизнь потребителя».²⁴⁹

Гипертрофированное трудолюбие – типично немецкая черта. Как рассуждает Крузо, на Хиддензе все островитяне это и есть «люди духа» как монахи. Они работают сутками, но в то же время – свободны: «В те времена, когда монастырь закрыли, многие монахи не смогли расстаться с островом, отступить от него. И дело тут не в вере, не в конфессии, многие даже перешли в другую веру. Дело в свободе, которая всегда отличала здешние края, висела в воздухе, была древним секретом острова. Свобода влечет нас, Эд, и берет в помощники. А значит, эти монахи, по сути, не имели выбора, парадокс, но так уж обстоит дело со свободой».²⁵⁰

«Люди духа» – центральные персонажи в творчестве немецкого писателя Х.Э. Носсака, противника фигуры буржуазного дельца. Яркое подтверждение этому можно проследить в новелле «Клонц»²⁵¹. Клонц – это воплощение пошлости и бездуховности. В этом произведении Х.Э. Носсак противопоставляет «людей духа» «людям практики». Х.Э. Носсака в литературоведении часто сравнивают с Ж.-П. Сартром и А. Камю, причисляя немецкого писателя к экзистенциалистам французского толка. Однако сам Х.Э. Носсак утверждал, что «жизнь в Ничто без всякого прикрытия сзади... Это звучит как экзистенциалистская фраза, но они ничего не знали об экзистенциализме...».²⁵² Немецкий писатель начал творческую деятельность после войны в то же время, как Г. Бёллер

²⁴⁹ Там же. С. 218

²⁵⁰ Там же. С. 130

²⁵¹ Носсак Г.Э. Спираль. Дело д'Артеза. Рассказы и повесть. М.: Радуга, 1982. – 624 с.

²⁵² Nossack H. E. Pseudoautobiographische Glossen, S. 150.

и В. Борхерт, и в своих произведениях он отчетливо выражал идею индивидуальной свободы. Однако творческий путь Х.Э. Носсака не укладывается в ту или иную экзистенциальную школу, а его мировоззрение ближе к идейным позициям не Ж.-П. Сартра, а А. Камю. Мотив крушения личности перед лицом Ничто (как смысл существования), а не восторг перед абсолютной свободой индивида, который осуществляет выбор, не связанный с традиционными гуманистическими представлениями, – ключевой в произведениях немецкого писателя.

В романе Х.Э. Носсака «Некий» Одиссей не просто говорит о произошедшей катастрофе, а пытается выявить ее причины. Если герой Орест из произведения Ж.-П. Сартра «Мухи» возвратился в родной город, чтобы принять решение о дальнейшей судьбе, не думая о нравственной составляющей своих действий, то у Х.Э. Носсака Одиссей в своем центральном монологе-исповеди поднимает проблему вины и ответственности людей за свои поступки. «Осмысливая трагедию Второй мировой войны в апокалиптических символах, писатель видит катастрофу человечества в том, что оно «предало свое прошлое», ассоциирующееся в сознании писателя с непреходящими общечеловеческими ценностями, воплощенными в творениях духа иных эпох».²⁵³

Противоречивость образа Крузо заключается и в том, что, несмотря на колоссальное стремление к свободе, он воспринимает «излишнее» ощущение свободы как вред. Всегда и во всём должна быть мера: «У кабанов было слишком много свободы в крови, понимаешь, Эд? Эта свобода... Он кивнул на огородик, жестом показал на «Отшельник» и умолк»,²⁵⁴ – возможно, именно это понимание даёт право Крузо устанавливать на острове свои правила и законы, которые ограничивают излишнюю свободу его команды. Пусть Крузо будет жесток по отношению к некоторым желаниям своих друзей или просто жителей острова, рабочих «Отшельника», но он будет уверен, что всё идёт под контролем. Тем не менее, при осознании какого-то безусловного своего влияния на порядок жизни в «Отшельнике» Крузо был уверен, что он всё делает

²⁵³ Подробно об этом см.: Шарыпина, Т. А. Интерпретация античного сюжета в романе Носсака «Некий» // Вестник ННГУ: Филология. Выпуск 1., Н. Новгород: Изд-во ННГУ. 1999

²⁵⁴ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 67

правильно, а люди, которые его окружают и следуют его правилам и предписаниям, счастливы: «Представь себе, они живут там, внизу. Сидят за столами, ходят гулять, они свободны, они все свободны».²⁵⁵

Если и не все приветствовали идеи Крузо с широко открытыми глазами, но все почитала его и уважали: «Сезы наверняка не очень-то стремились вывести потерпевших крушение, или бесприютных, как называл их Крузо, на территорию новой свободы. Но они чувствовали волю Крузо, её силу. От него веяло чуждостью, которая увлекала и вдохновляла. <...>. Втайне (и они не желали в этом признаваться) их островному существованию не хватало целенаправленности, не хватало задачи, идеи, чего-то выходящего за пределы ежедневной кислосладкости».²⁵⁶ Крузо даже воспринимает своё понятие свободы как «территорию новой свободы», т. е. она у него своя, особенная, «кислосладкая», а значит по-своему противоречивая. Он может жёстко высказывать свои идеи, быть непреклонным, но его романтическая натура, трагическое мироощущение и при этом желание жить и наслаждаться жизнью — однозначной трактовки образа Крузо нет. Он противоречив и противоречива его свобода.

Крузо стремится создать свой мир, потому что его не устраивает то, что создано как ГДР, так и в ФРГ, и у него находятся единомышленники (вся рабочая группа ресторана «Отшельник»): их заставляют жить по правилам, которые им не близки, и они бегут в мир, созданный Крузо. Однако и сам Крузо попадает в ловушку и начинает жить под воздействием новой «картинки». Свой мир можно создать для одного человека — для себя. Создавая мир для других людей, необходимо учитывать огромные риски, чтобы этот мир не превратился в утопию.

Крузо, мечтая о свободе, создал утопию, и всё равно ограничил тем самым свободу других. По Ж.П. Сартру человек не может быть свободен в обществе никогда. Несмотря на то, что Крузо увлекался мыслями Кастанеды, он не учёл, что сам Кастанеда не призывает создавать «новый мир», он говорит,

²⁵⁵ Там же. С. 223

²⁵⁶ Там же. С. 142

что мира нет как такового, это лишь поток энергии, и как только один поток сознания сталкивается с другим – это опять границы.

Таким образом, Лутц Зайлер создает роман не только о дружбе, политической ситуации или поиске себя, это значительная работа об интересной личности и мировоззрении человека. Герой Л. Зайлера – это не делец Запада, мечтающий заработать, это сильная, харизматичная личность, обладающая богатством иного рода. Крузо – это эрудированный человек, который верил в возможность своей личной свободы, открывал удивительный духовный мир своей команде, стремился понять великих философов и следовать их учениям, чтобы создать идеальное общество на о. Хиддензе. Однако роль Крузо – быть наставником, учителем как для всей команды «Отшельника», так и для юного Эдгара. Окружающие были так или иначе очарованы его душевными качествами, образом мыслей, знаниями и в итоге стремились за его личностью, а не за той свободой, которую он предлагал.

Вся книга состоит из синтеза мыслей и рассуждений о «свободе». У каждого из персонажей понятие о свободе несколько отличается, но это различие не сильное: каждый на Хиддензе свободен от своих предрассудков, страхов и самое главное – свободен от прошлого: «Здоровы и свободны от прошлого, как все мы здесь?». ²⁵⁷ Эта деталь в романе показательна в контексте нашего исследования и изучения понятия «одержимость прошлым», свойственного именно немецкой идентичности.

Для Эдгара это мировосприятие и самоощущение – освободиться от прошлого, с одной стороны, – очень притягательно: ему можно больше не нужно думать о той страшной катастрофе, которая унесла жизнь его подруги. Но в какие-то моменты он тяготится тем, что не знает ничего о прошлой жизни окружающих: «Они дышат по-другому, думал Эд, дольше втягивают воздух и дольше вдыхают, будто море расширило им легкие и освободило мысли. Любой их жест создавал впечатление занятости чем-то важным; сама их жизнь была важной, независимой, полной собственных интересов, и, хотя Эд не раз

²⁵⁷ Там же. С. 43

испытывал желание стать частью этого круга, их глаза, сияющие отблеском моря и всей ясностью острова, оставались настолько чужды и далеки, что ему никогда толком не удавалось подхватить нить беседы. В известной мере мешало и то, что никто не спрашивал, откуда ты и что делал раньше, на материке».²⁵⁸ Но, с другой стороны, Эду было необходимо делиться своими переживаниями и воспоминаниями, без своеобразной исповеди ему не удавалось освободиться от внутренних страхов.

Рассказчика привлекает образ жизни и порядки местных жителей, но в то же время он не может себя кардинально сломать и изменить, привив то, что не просто принято на острове, а то, что является образом мыслей каждого. «Почему так приятно мало говорить? Изначально Эд ни о чем подобном не помышлял, но потом понял, что молчание было глубинной составляющей его бегства, так он теперь называл свой отъезд. Он просто нуждался в обособленности, но знал, что ему нельзя быть в одиночестве...<...> мне нужно место на свете, которое изолирует меня от всего»,²⁵⁹ – Эдгар находит определённое удовольствие в молчании, и отчасти он близок в этом к философии Кастанеды, восьмая книга которого так и называется – «Сила безмолвия», но это сходство скорее внешнее. Эдгар не приобретает энергию, безмолвствуя, он просто старается убежать от того, что его мучает и терзает изнутри.

Тема свободы связана с ключевыми образами романа. Рефлексивность и противоречивость – те немецкие черты, которые можно выделить при анализе темы свободы в романе Л. Зайлера: жителей ГДР не устраивают правила демократической республики, но совсем без правил они жить не могут, поэтому вынуждены создавать свои.

2.3.3 Образ острова Хиддензе

Исследуя категорию пространства в романе Л. Зайлера «Крузо», необходимо обратиться к такому понятию, как «гетеротопия» (от греч. «другое»,

²⁵⁸ Там же. С. 153

²⁵⁹ Там же. С. 93

«отличающееся», «разное» и «место»). Понятие «гетеротопия», впервые представленное М. Фуко²⁶⁰, подразумевает альтернативное пространство, которое находится за рамками реального мира, но имеет с ним прочную связь.²⁶¹ Гетеротопия в художественном тексте позволяет «не только понять действительность, но также увидеть образно-смысловое ядро произведения, открывающее смысл художественного замысла».²⁶² Гетеротопия структурирует представленное в произведении общество и образно отражает разного рода взаимодействия – культурологические, политические, социальные, но при этом реальные социальные и политические преобразования происходят за пределами гетеротопии. Гетеротопии часто связаны с субъективным восприятием времени, а также отражают социальное взаимодействие или модели поведения, исключенные из общепринятых норм поведения.²⁶³ Автор, он же герой романа, оказывается наблюдателем своей жизни вне времени. Общее для пространства гетеротопии в том, что, находясь в ней, человек может сказать - «я здесь, но меня здесь нет» или «я есть иной».²⁶⁴

Главным героем произведения Л. Зайлера «Крузо» по праву может назвать себя и основное место действия романа – Хиддензе (нем. Hiddensee). Хиддензе – так называется как сам остров в Балтийском море, расположенный к западу от самого большого острова Германии, Рюгена, так и немецкая коммуна, которая находится на этом острове. Название острова можно встретить в скандинавском эпосе «Младшая Эдда», где “Hithinsö” означает «остров Хедина» (Insel des Hedin).

Ландшафты и природа Хиддензе разнообразны – это целый континент в миниатюре. Г. Грасс в романе «Необъятное поле» (нем. Ein weites Feld, 1995) называет Хиддензе «Балтийским Капри». Гостем Хиддензе был Т. Манн, а также З. Фрейд, тишиной острова наслаждалась Аста Нильсен, звезда немого

²⁶⁰ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. - М.: Праксис, 2006. - Ч. 3. - С. 191-204.

²⁶¹ Гетеротопии: Миры, границы, повествование. - Вильнюс: Вильнюсский ун-т, 2015. - Т. 57, вып. 2. - 416 с.

²⁶² Кулькина В.М. Гетеротопия как способ анализа пространства. (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. №2. С. 21-28.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

кино, известная танцовщица Грекк Палука. Остров Хиддензе стал идеальным пространством для героев Г. Гауптмана – одиноких искателей: писатель считал, что остров отличается насыщенной духовной жизнью. Герой драмы «Бегство Габриэля Шиллинга», Габриэль, скрывается на Хиддензе от своей жены и любовницы и умирает после их приезда на остров. Хиддензе вдохновляет писателя: «Эта ясность! Это безмолвное и мощное течение света! Свобода ходить по заросшим лугам без дорог и тропинок, вкус морской соли на губах...».²⁶⁵ Для Г. Гауптмана остров стал своеобразной Винетой²⁶⁶ – городом, овеянным легендами и затонувший как Атлантида, интерес к которому отразился на его творчестве: «Совершая пешие прогулки к южной оконечности острова, к затопленному фундаменту разрушенной средневековой церкви, писатель представлял, как выглядела Винета – Атлантида Балтийского моря, рисовал в воображении сцены из ее жизни, праздники».²⁶⁷ Его ранняя пьеса «Потонувший колокол» также связана с Хиддензе.

Когда герой романа Л. Зайлера, Эдгар Бэндлер, принял решение взять перерыв на лето, чтобы разобраться в себе, он встретил профессора, грезившего об острове Хиддензе, что и стало причиной выбора именно этого острова. «“По сути своей, любезные друзья, свобода заключается в том, чтобы в рамках существующих законов придумывать свои собственные, быть одновременно объектом и субъектом законодательства – вот главная черта жизни там, на севере” – восторженно рассуждал этот человек, седой, лет сорока пяти от роду, уволенный из университета, по собственному желанию, как говорили, и тем глубже погруженный в мечты; подобно многим соотечественникам-философам, он отрастил марксовскую бороду»,²⁶⁸ – так рассуждает историк, который работал официантом в винном ресторане и грезил об острове Хиддензе.

²⁶⁵ Гауптман – король острова Хиддензе. [Электронный ресурс]

²⁶⁶ Широкую известность мифическая Винета получила в начале XX в. благодаря шведской писательнице Сельме Лагерлёф и ее сказке «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (швед. Nils Holgerssons underbara resa genom Sverige, 1906).

²⁶⁷ Гауптман – король острова Хиддензе. [Электронный ресурс]

²⁶⁸ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 29

Почему Хиддензе так привлекал людей, что в нём было особенного? Это ключевой вопрос в рамках исследования романа «Крузо». Необходимо отметить, что, в первую очередь, остров влиял на самоощущение своих жителей. Находившийся здесь как будто бы покинул страну, не пересекая ее границы. Каждый, кто обретал себя на Хиддензе, а именно в «Отшельнике», терял ощущение принадлежности своему государству. Это помогало таким, как Эдгар: «Он словно листал записи покойника. Потом опять, словно давняя жизнь по-прежнему здесь... странное чувство. Он тайком сбежал от неё, от предназначенной ему жизни. Теперь она казалась странной, но все ещё предназначенной ему. Он спросил себя, ждет ли она его там, в комнате с двумя обшарпанными креслами, горкой и лимонным деревцем в горшке»²⁶⁹. Эдгар ощущает себя безвозвратно потерянным, увязшим в прошлом, его не угнетал ни режим ГДР, ни ограничение своей личной свободы. Он просто столкнулся с тем миром, что шёл вразрез с его ожиданиями, с его воспитанием, и единственное, что было смыслом его жизни – его подруга, а когда она погибла под колесами трамвая, то погиб и он сам.

Эд попадает в команду ресторана «Отшельник», которая очень неоднородна – это коммуна хиппи, квази-религиозной общины и литературных кругов. Л. Зайлер объединяет разных людей и подчёркивает их особые черты, сгущая краски, гиперболизируя. На этом острове, а именно в «Отшельнике», под руководством Алексея Крузовича свою свободу и пристанище нашли те, кто остался без надежды на спасение: «...и остров стал нашим спасением, когда нас оттринули не море и не рыба, а материк...».²⁷⁰

В описании острова центральное место занимает «Отшельник» – бар-ресторан, где главенствует Крузо. Он пытается оградить жителей Хиддензе от бездушного технизированного мира с его рациональной расчетливостью, где обесценивается личная жизнь человека, теряют значимость такие стороны жизни,

²⁶⁹ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 265

²⁷⁰ Там же. С. 74

как радость, печаль, отчаяние и надежда, восхищение и страх. Он уверен в том, что обстоятельства на острове делали человека добрее.²⁷¹

Сам остров соединяет «сезов» и «потерпевших крушение». Эдгар занимает промежуточное положение и начинает работать посудомоем в «Отшельнике»: «Тарелки, щетка, кастрюли, «римлянин», все вокруг менялось – судомойня становилась выражением, выражением чего-то другого, с чем следовало обходиться бережно».²⁷² Эдгару было очень сложно моментально стать частью «Отшельника», многие вещи были для него непривычные, чужие, непонятные: «Чтобы поговорить по-настоящему, надо было подойти поближе друг к другу. Тем не менее, Эд многого не понимал, словно команда говорила на чужом для него языке. Например, часто упоминалось слово «распределение» – загадка, что бы ни имелось в виду».²⁷³

Особое внимание стоит уделить двум кастам, изображенным в романе, – «сезам» и «потерпевшим крушение». Сез – сокращение, обозначающее «сезонник, сезонный рабочий». «Они поистине вызывали восхищение, эти загорелые герои сезона, их вольная, вроде бы ничем не скованная жизнь. Тем удивительнее казалась их сплоченность – словом, турнир превратился в торжество сезов, праздник признания их касты. В них можно было увидеть не чудаков из осадка социализма, а потомков храбрых орд конунга Хедина с Хединсея, Крузо наверняка так и планировал».²⁷⁴ Л. Зайлер часто приводит сравнения своих персонажей с героями мифов «Старшей Эдды» – храбрые, смелые, выбирающие вольную свободную жизнь. Таким образом, исчезают все условности и социальные роли, есть только природа и её власть над человеком. Благодаря Крузо возникла целая сеть контактов и акций, приятных для сезов. Тем самым подчеркивалась их необычность, они осознавали свою уникальность, это была странная, трудно постижимая форма легальной нелегальности в стране, которая либо вытолкнула

²⁷¹ Там же. С. 218

²⁷² Там же. С. 175

²⁷³ Там же. С. 64

²⁷⁴ Там же. С. 230

их, либо объявила непригодными, либо они сами просто более не чувствовали себя её частью.

Потерпевшие крушение – это обычные посетители острова и «Отшельника». Не случайно и название этого ресторана «Отшельник» – тот, кто чуждается других, живёт уединенно, отказавшись от общения с людьми и внешним миром. Крузо относился к этой касте людей с особой лаской, уважением, взгляд его был внимательным, а весь вид выражал симпатию и заботу. Он сам – потерпевший крушение: «Господи, да-да, это его идеи – бесприютные, потерпевшие крушение, освященные места и все такое. В пиратов и потерпевших кораблекрушение Алеша еще ребенком играл, невзирая ни на что».²⁷⁵ Это крушение произошло в шесть лет, и вся его жизнь была направлена только на то, чтобы создать безопасный мир со своими правилами и законами, собрать людей, которые, как и он, в какой-то момент потеряли себя и подарить им смысл существования. Жителям острова крушение не приносило радость, не обрывало вечной жизненной скуки; они как бы лишь выполняли некую обязанность (быть счастливыми), следовали представлению о тоске, которое добралось до них вместе со слышным на всю страну зовом острова, но ничто не имело для них значения. В романе они предстают как робкие, перепуганные животные, которые хотя и добрались до укрытия, но не могли ему по-настоящему доверять.

Команда «Отшельника» – это те совершенно не похожие друг на друга люди, которые увлечённо работали, забывали себя, наслаждались делом и кормили посетителей не только едой, но и заботливым отношением, вниманием. «Отшельник» было местом притяжения на острове именно благодаря такой команде: «Эд наслаждался удовлетворением; оно было своего рода чувством собственного достоинства – на миг их всех объединяла общая гордость. Искренняя гордость, которая, пожалуй, шла не столько от характера их работы (рабского труда), сколько от того, что они совершили, по сути, невозможное, выдержали бурю»,²⁷⁶ т. е. команда выстояла наплыв посетителей и сделала это успешно.

²⁷⁵ Там же. С. 263

²⁷⁶ Там же. С. 85

Безусловно, Крузо контролировал все взаимоотношения вокруг себя. «Эд спрашивал себя, как поступают другие, Крис или Кавалло, как им удаётся невозмутимо сидеть за завтраком, а он сам тупо таращится воспаленными глазами на хлеб с мармеладом или пытается перехватить взгляд Крузо; лишь с трудом Эд противостоял искушению положить голову на стол. В сущности, объяснение могло быть только одно – они спали. Они давно привыкли ко всему, привыкли к *системе Крузо*»,²⁷⁷ – и так у Крузо была своя система на острове, его уважали и знали и «сезы», и «потерпевшие крушение», и, конечно, команда «Отшельника». При этом Крузо всегда напоминал членам своей команды, что в каком-то смысле все они здесь потерпевшие крушение. Здесь логично вспоминается образ ковчега, и сам писатель использует его в тексте: «Глыба за глыбой отрывается от острова и сползает в эту дивную бездну, по истине природный театр, когда-нибудь и «Отшельник», *наш ковчег*, тоже отправится в путь, однажды ночью, может, уже в один из следующих штормов, прямоком в открытое море, с пассажирами и командой, вот тогда-то очень важно... понимаете?». ²⁷⁸ Крузо приобретает черты библейского персонажа, и в какой-то момент сам Эдгар отмечает это: «Невинный тон Лёша. Перед картой правды он был почти таким же – библейским, певучим». ²⁷⁹

Таким образом, остров Хиддензе – это спасение от себя самого, это, как и роман Д. Дефо, повествование о возрождении человеческой природы. Образ Крузо – это олицетворение спасения в романе. У каждого персонажа была история «крушения», но никто на протяжении всего повествования о ней не рассказывает и считает это нормальным – ни у кого нет прошлого, только настоящее. О прошлом мы знаем только у двух персонажей романа – Крузо и Эдгара. При этом у Крузо нет будущего, в отличие от Эдгара, который появляется в эпилоге как основной рассказчик, переживший объединение и начавший новую жизнь, т. е. для него «Отшельник» стал транзитным местом пребывания.

²⁷⁷ Там же. С. 209

²⁷⁸ Там же. С. 41

²⁷⁹ Там же. С. 186

Прошлое Эдгара – это не просто перечисление фактов, событий, это острое переживание каких-то эмоций. Например, он сокрушается над тем, что произошло с миром, каким он был и каким он стал, и это рассуждение очень яркое и мгновенное: «Он хватал ртом воздух, слезы, точно янтарь, блестели на его щеках в тусклом свете самодельного дискошара, который вращался, как глобус, каким и был когда-то, в прежней, лучшей жизни, без осколков, зато полный Африки, Азии и Урала и ситуаций “Назовите-индустриальные-конгломераты-Советского-Союза!”», без осколков, зато полный Эда-школьника, словно ослепленного пустынной желтизной унылых экономических карт, когда он показывает Самару и Волгоград, полный Востока, полный Запада, о земной шар, полный боли (осколков), о бедный обезображенный, изуродованный мир, что вращался, вращался и мучил его своими фальшивыми бликами, – но теперь Эд просто стоял на месте».²⁸⁰ Похожее сокрушение, но по силе эмоциональности менее яркое передает Рюдигер фон Фрич в рассказе «Штемпель в свободный мир»: «Пропала, впрочем, не только Африка – безвозвратно канули целые миры: кайзеровская империя, Дрезден, родина отца, Россия, в балтийских губерниях которой росли родители матери, – там давным-давно все захватили коммунисты. Пропали целые состояния – сперва подорванные инфляцией, потом проглоченные национализацией, родина матери, родина отцы, да и вся Германия в общем и целом тоже пропала».²⁸¹

Остров – это укрытие, место, где люди приходят в себя, возвращаются к себе, то есть к природе, к голосу сердца, как будто бы следуя призыву Ж.-Ж. Руссо.²⁸² Никому не нужно бежать, каждый набирается опыта, который позволяет ему вернуться просветлёнными. «Опыт, позволяющий жить дальше, до того дня, когда количество перейдёт в качество, когда мера свободы в сердцах разом превысит несвободу обстоятельств, до той минуты... Это будет великий стук, громовой стук сердца».²⁸³

²⁸⁰ Там же. С. 238

²⁸¹ Там же. С. 204

²⁸² Руссо Ж.-Ж. Об искусстве и литературе // Избранные сочинения [Текст] : В 3 т. : Пер. с фр. / [Сост. и авт. вступ. статьи И. Е. Верцман] ; [Ил.: Е. Коган]. 3 т.; Т. 1, Москва: Гослитиздат, 1961. 851 с.

²⁸³ Там же. С. 150

На одном из праздников на острове устраивалась игра, где ставили две стойки с напитками, олицетворяющих оппозицию (по выражению Рембо, одного из членов команды). Имена стоек обозначали именами барменов. «Правда, эта “оппозиция стоек”, которую сезы расхваливали пять вечеров в неделю, включала политический оттенок. Стойка “Хайнц” была сладкой, стойка “Хайнер” – кислой, а между “Хайнцем” и “Хайнером” шумела жизнь».²⁸⁴ Писатель здесь метафорично подчёркивает разделение Германии на два лагеря, на два противоположных режима – кислого и сладкого, а настоящая жизнь была ни в ГДР и ни в ФРГ, а на острове, где-то между двумя этими оппозиционно-идеологизированными стойками.

В романе прослеживается важная мысль – желание оказаться в Западной Германии было ненастоящим. Некоторые жители острова мечтали уехать на Запад и покорно ожидали официального разрешения на выезд. «Кроме того, была группа сезов постарше, тех, что подали заявление о выезде, временами они образовывали свой кружок у стойки “Хайнер”».²⁸⁵ Они как бы обособились и глубоко погрузились в состояние ожидания, при этом у Эдгара возникало впечатление, что они забыли об этом ожидании, будто их жизнь уже была за пределами – не только страны, но и времени. В таких обстоятельствах разрешение на выезд поначалу воспринимали как удар: на острове они «уплывали далеко-далеко», и неожиданно приходилось «выныривать и грести вспять», в официальный ход времени – зачастую на это оставались считанные дни.

Автор подчеркивает, что весь процесс побега, желание оказаться на Западе, подальше от режима ГДР, было навязанным. Люди постепенно привыкали к острову, к своей свободе, но существовало общее желание – вырваться, преодолеть границу, а на самом деле далеко не каждому это было действительно необходимо. Об этом иронично замечает и немецкий писатель Рогер Виллемсен – восточный гражданин чувствовал дискомфорт, оказываясь на Западе, не

²⁸⁴ Там же. С. 141

²⁸⁵ Там же. С. 143

обладал компетентностью как потребитель. Это только поначалу казалось забавным, что он битый час сидит в «Макдоналдсе», ожидая официанта.²⁸⁶

После открытия венгерской границы, не устояв перед соблазном нового неизведанного мира, за несколько дней до падения Берлинской стены от Крузо отворачиваются все члены его команды, за исключением Эдгара, который верил и в своего учителя, и в тот Рай, о котором мечтал Крузо. Крузо потерял свою магию: после открытия венгерской границы «Отшельник» и его экипаж из двенадцати учеников рассеиваются по ветру.

Трудно сказать, какое влияние оказал на Эдгара остров: «С недавних пор он часто думал так: я шел по ложному следу. Моя жизнь угодила в ложную колею, когда я бросил стойку и бригаду и подал документы на учебу. Только «Отшельник», только работа здесь вернула меня на место...».²⁸⁷ Так рассуждал сам Эдгар, однако после анализа системы персонажей, закономерен вопрос – Эдгар нашёл себя на острове, действительно обрел свою индивидуальность или стал всего лишь частью мировоззрения своего нового друга – Крузо? Крузо был для Эда всем – своеобразным светом, вдохновителем. Эдгар постоянно стремился быть в обществе с ним, потому что их обоих объединял творческий дух – им не нужны были деньги, потребительские радости жизни, они рассуждали так – если нет своей личной свободы, то нет и творчества.

Выводы

Wendeliteratur (литература «поворота») в контексте проблемы поиска немецкой идентичности – это блок литературных произведений об очередном этапе национальной адаптации к современным реалиям после «переломного» этапа в истории страны (описание событий через призму восприятия творческой интеллигенцией). Исходя из понимания Wendeliteratur как литературы о

²⁸⁶ Минуя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают; Пер. с нем. – М.: Текст, 2009. – С 163

²⁸⁷ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 316

самоидентификации в новой Федеративной Республике, избранные произведения Ф.К. Делиуса, У. Телькампа и Л. Зайлера относятся к литературе «поворота».

В романах У. Телькампа «Башня», Л. Зайлера «Крузо» и в повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» в процессе исследования ключевых образов, тем и мотивов, выявлены и проанализированы компоненты, которые соотносены с (отчасти противоречивыми) ценностными парадигмами и нормами поведения немецкой культуры и которые формируют немецкую ментальную структуру – «одержимость прошлым», консервативность, самокритика, рефлексивность, противоречивость, гипертрофированное трудолюбие.

Особенностью повести «Груши Риббека» (Die Birnen von Ribbeck, 1991) Ф.К. Делиуса является выбор героя-повествователя: это восточный немец из крестьянской среды, в то время как сам писатель – из Западной Германии. Ф.К. Делиус, писатель XX века, в новых исторических условиях продолжает проблемы, поднятые Т. Фонтане в балладе «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде» (Herr von Ribbeck auf Ribbeck im Havelland, 1889). Используя заданные Т. Фонтане традиции, Ф.К. Делиус модифицирует и развивает обозначенные проблемы в соответствии с новыми историческими событиями, делая акцент на объединении ФРГ и ГДР. Рассказчик, простой крестьянин из Восточной Германии, после объединения Германии не может принять новый мир, построенный по законам капитализма. В новом государстве он не видит спасения, а ощущает только гибель привычных устоев, традиций, чувствует перемену в мировоззрении, ценностях Востока и Запада, поэтому на протяжении всей повести звучит тема поиска себя, собственной идентичности, актуальная для литературы объединённой Германии.

Еще одна особенность повести Ф.К. Делиуса в рамках исследования феномена «культуры памяти» – это назначение образу грушевого дерева определенного политического смысла. Грушевое дерево становится своеобразным памятником наследия феодализма, значение которого трансформируется в зависимости от исторического контекста. Вмешательство идеологии

неоднократно изменяет интерпретацию символического значения грушевого дерева (что не принимается местными жителями) – начиная от идеологии ГДР и заканчивая идеологией новой Федеративной Республики Германии.

Роман «Крузо» (Kruzo), написанный уже в 2014 г., – это игра с реальностью и фантазией: поэтический образ острова, ресторана «Отшельник», который напоминает читателю Ноев ковчег, опутывают читателя многочисленными лирическими аллюзиями, которые уже известны читателю по поэтическим произведениям автора. Одновременно «Крузо» – это и приключенческий роман, как «Остров сокровищ» Р. Стивенсона или «Моби Дик» Г. Мелвилла. Книга наполнена символами и намеками, метафорами и аллюзиями к робинзонаде, к «Божественной комедии», к мифам Старшей Эдды и даже к Библии. Писатель создаёт образ Крузо, который обладает типичными немецкими чертами такими, как рефлексивность и противоречивость, и при этом делает акцент на том, что идеология социализма главному герою ближе, чем идеология капитализма.

Время действия в романе «Башня. История с затонувшей земли» (Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, 2008) – последнее десятилетие существования ГДР (1982–1989). Художественное время романа, таким образом, захватывает как период политического консерватизма, «застоя», так и период больших и неоднозначных перемен в экономической и политической структуре СССР, когда вектор социально-политического и экономического строя сменился на демократизацию. Мир «башенников» обособлен и не связан ни с одним периодом. Это представители «просвещенного бюргерства», которые живут в своем волшебном мире, обычные люди со своими слабостями и привычными ценностями. Они чтят традиции и наслаждаются искусством. Неслучайно в романе звучит творчество именно Р. Вагнера, который развивал идею о функции искусства, преобразующей действительность. Но в реальном мире они не смогли найти себя, сохранив свои ценности, потому что они не желали подстраиваться под новую действительность, пересматривать взгляды, сложившиеся устои.

В романах «Крузо» и «Башня» выделяется образная модель «наставник-ученик»: Мено Роде и Кристиан Хофман, Алексей Крузович и Эдгар Бэндлер. Данные модели параллельны, потому что «герои-наставники» и «герои-ученики» обладают одинаковой ценностной моделью и социальными характеристиками. Образ жизни у Мено Роде и Крузо абсолютно разный, но в них есть некая общая цельность, законченность, постоянное стремление к поискам правды и справедливости. Оба «героя-наставника» связаны с Россией – Мено родился и провел детство в Москве, его родители – немецкие коммунисты, Алексей Крузович – сын советского военнослужащего. Мено Роде сорок лет, он работает в издательстве и увлекается литературой, для Крузо литература не менее важна. Прототипы «героев-учеников», Кристиана Хофмана и Эдгара Бэндлера, сформированы веками ранее, например, у И.В. Гете, и схожи тем, что выражают мироощущение человека на перепутье. На их дальнейший выбор влияют обстоятельства, они проходят путь духовного становления. Оба молодых человека (на начало романов Кристиану – 17 лет, а Эдгару – 22 года) выросли в атмосфере бюргерского духа и поэтому в современной действительности оказались в ловушке. Падение Берлинской стены, как *Deus ex machine*, спасает их, резко и неожиданно выкидывает наверх, когда, казалось бы, всё предрешено. «Башня» и «Крузо» – воспитательные, философские и автобиографические романы.

Образ пространства, образно разделенного на две части или на две касты – один из лейтмотивов в литературе «поворота» (Дрезден в романе «Башня» У. Телькампа – это квартал «башенников» и пространство приверженцев социалистического строя, Хиддензе в романе «Крузо» Л. Зайлера – это остров «сезов» и «потерпевших крушение»). В связи с исследованием острова Хиддензе мы обращаемся к такому понятию, как гетеротопия. Этот же термин применим к роману У.Телькампа по отношению не к самому городу, а именно к кварталу «башенников». Главные герои У. Телькампа и Л. Зайлера существуют между реальными мирами. В романах есть некий предмет, который находится вне времени и отражает эту иную реальность – у Л. Зайлера это

радио «Виола», постоянно работающее на волне ФРГ, в романе У. Телькампа это часы. Важный элемент структуры произведений немецких авторов – наличие карты в романе. У. Телькамп располагает ее в начале книги, а Л. Зайлер – в конце. Схематичное изображение мира «башенников» и о. Хиддензе помогает читателю верно воспринимать художественное пространство и без труда в нём ориентироваться. Кроме того, читатель сразу начинает позиционировать себя как члена какого-то тайного общества, искателя приключений.

Глава 3. Традиции классической литературы в произведениях

Ф.К. Делиуса, У. Телькампа, Л. Зайлера

Проблема поиска немецкой идентичности, как уже было отмечено в первой главе данного исследования, характерна не только для периода литературы объединенной Германии, но и для немецкой литературной традиции в целом. Чтобы комплексно исследовать современное наполнение понятия «немецкость» (нем. *Deutschtum*) на материале произведений Ф.К. Делиуса «Груши Риббека», У. Телькампа «Башня», Л. Зайлера «Крузо», необходимо проанализировать данные произведения в русле немецкой литературной традиции.

В контексте определения дальнейшего вектора в изучении специфики *Wendeliteratur* как целого раздела в немецкоязычной литературе необходимо исследовать избранные произведения в рамках как немецкой, так и мировой литературной классики. Во второй главе «Специфика *Wendeliteratur* (литература «поворота»)» в процессе анализа проблематики и поэтики произведений Ф.К. Делиуса «Груши Риббека», У. Телькампа «Башня», Л. Зайлера «Крузо» уже отмечены такие основные реминисценции, как обращение Ф.К. Делиуса к идеям Т. Фонтане, Л. Зайлера – к философии Ж.-П. Сартра, А. Камю, К. Кастанеды, к идеям Данте Алигьери и Д. Дэфо.

Таким образом, третья глава «Традиции классической литературы в произведениях Ф.К. Делиуса, У. Телькампа, Л. Зайлера» посвящена более детальному анализу литературных традиций, которые продолжают в своем творчестве авторы *Wendeliteratur*.

3.1 Поэтические аллюзии в романе Л. Зайлера «Крузо»

Роман «Крузо» – первое прозаическое произведение Л. Зайлера, более привычного для немецкоязычной литературы в амплу поэта. Роман «Крузо» он пишет в духе своих поэтических работ. Следовательно, исследование

романа отдельно от поэзии автора было бы неполноценным. В рамках данной работы мы отмечаем фундаментальные точки поэтического стиля Л. Зайлера и намечаем вектор, необходимый для понимания его первого романа²⁸⁸.

Л. Зайлер – «транзитный поэт». Термин «*транзитная поэзия*» (transit poesie) был введен Д. Грюнбейном, который использовал слово «транзит» в одноименном эссе Transit Berlin.²⁸⁹ Транзитная поэзия наполнена модернистско-авангардистскими чертами, это переход от «поэзии переживаний» и «я-лирики» предшествующего поколения к предметной и исторической поэзии, в которой на первый план выходит плюралистическое восприятие; технически реализуемое деконструктивной редукцией и деформацией речи. Различные дискурсы, коды взаимопроникают и образуют несколько уровней смысла, запускается сложный бесконечный многоуровневый процесс смыслопорождения. Образы, идеи, лейтмотивы трансформируются в литературном и культурно-историческом контексте, и читатель не просто воспринимает смыслы, а вступает в интересную литературную игру – в особую форму художественной коммуникации, рефлексирова в процессе чтения и анализируя сразу несколько смыслов текста. По такому же принципу построен роман «Крузо».

Герой романа Л. Зайлера, Крузо, связывает идею свободы не с побегом через смертельное море в Данию, а с поэзией. Согласно А. Камю²⁹⁰, философией которого был увлечен Крузо, именно с помощью творчества человек проверяет свое терпение и волю, приходит к ясности в мыслях. Творчество – это своеобразного рода аскеза (т. е. отрешенность от мира, от его радостей и благ). При этом важен не сам результат, а процесс. Творец напоминает Сизифа, которого наказали боги за ослушание. Герой древнегреческой мифологии обречен вечно поднимать огромный камень на высокую гору, после чего этот камень снова скатывается к подножию горы. Но, с другой стороны, нескончаемые мучения Сизифа олицетворяют его подвиг и укор несправедливым богам. Для Крузо, который сам пишет

²⁸⁸ В 2020 году выходит второй роман Л.Зайлера “Stern 111”, повествующий о немецкой эйфории в период 1989/90 года и позже

²⁸⁹ Dahms F., Durs Grünbein - poetologisches Konzept oder kontradiktorische Poesie?, München, GRIN Verlag, 2008. [Электронный ресурс]

²⁹⁰ Камю А. Миф о Сизифе. – М.: АСТ, 2011. – 224 с.

стихи, удовольствие именно в процессе, он находит наслаждение в этом мучительном создании строк.

«Сегодня Рембо показал мне одну книгу и кое-что прочитал оттуда, называется «Театр жестокости», издана на Западе. Каждую неделю в гнездышке лежит новая книга, а то и несколько. Наверняка от книжного дилера. Теперь мне позволено использовать гнездышко самому, если есть время. Ведь мы все – община (дневниковая запись от 28 июня)»,²⁹¹ – повествование состоит из ссылок на тех или иных авторов, которые влияют на мировоззрение героев. Рембо – это человек, который постоянно обращает наше внимание к другим авторам, он и среди персонажей получил роль знатока литературы. И это не Эдгар или Крузо, которые цитируют своих авторов тайком, исключительно друг другу. Рембо делает это открыто и с большим пафосом. Показательна следующая сцена: «Рембо писал в меню “Бог умер” – начинал день с цитаты – простенькой, доступной, записывал её как «афоризм дня» на грифельной доске с перечнем блюд. Посетители начинали заказывать это «блюдо». «Пока что не входят в перечень предлагаемых блюд, нет, пока нет, может быть, позднее, да, при коммунизме, наверняка, хотя утопии, как известно, сбываются редко, – так Рембо заканчивал свой краткий экскурс и рекомендовал голубцы». ²⁹²

Таким образом, с помощью поэзии Л. Зайлер открывает нам ещё одну грань своих персонажей. Рембо, например, увлекался больше западной литературой, и весь его образ, образ мыслей и манера поведения бросали вызов, что присуще западному мышлению, нежели восточному. Л. Зайлер, назвав своего персонажа «Рембо», отсылает нас к имени-символу «проклятых поэтов». «Проклятые поэты» – название цикла статей Поля Верлена, посвящённых его отверженным и непризнанным собратям по перу, которые и сами не желали вписываться в окружающий мир буржуазного успеха и скучной доброты, – Тристану Корбьеру, Артюру Рембо и Стефану Малларме.

²⁹¹ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 92

²⁹² Там же. С. 176

Артюра Рембо описывают как мужчину высокого роста, в грязной одежде, с холодными голубыми глазами и грубыми манерами как типичного крестьянина, в душе которого поселился талант.²⁹³ Мир, который А. Рембо создавал в своих стихах, был жесток, ярок и безжалостен, как и мир одноименного литературного персонажа в романе «Крузо».

В тексте есть упоминание о театре жестокости Антонена Арто. Сам А. Арто воспринимается Эдгаром как человек без губ. И это восприятие, и само обращение к концепции театра французского драматурга в романе Л. Зайлера осмысленно. Во-первых, очевидна связь человека без губ и человека из Восточной Германии – человека, у которого нет права голоса. Поэтому каждый и стремится жить в своём созданном мире, где есть место не только правильным мыслям, прошедшим цензуру. Во-вторых, Л. Зайлер перенимает какие-то детали из театра жестокости А. Арто. Творчество поэта длительное время ассоциировалось с идеями общественного протеста и разрушения буржуазной культуры. В Советском Союзе на протяжении долгого времени творчество А. Арто было под запретом. Во времена перестройки интерес к идеям поэта возобновился. В 90-х, когда появилась возможность издать ранее находившиеся под запретом книги, вышли в свет «какие-то тексты А. Арто в скороспелых переводах, но особого резонанса они не вызвали. Когда режиссёр или актёр читал текст А. Арто, он, прежде всего, думал о том, как применить описанные концепции на практике, и получалось, что никак – воспринять А. Арто всерьёз можно только на пересечении всех областей его творчества».²⁹⁴

А. Арто обращает внимание на невозможность абсолютной самореализации человека, если он постоянно ограничен рамками социума: «Это вариация на тему сюрреалистической идеи о том, что сознание сумасшедшего более адекватно, нежели сознание человека, живущего в социуме: свободное бессознательное и есть подлинная человеческая сущность».²⁹⁵ Об этом говорит и Ф. Ницше:

²⁹³ Рембо А. [Электронный ресурс]

²⁹⁴ Арто, А // Журнал «Сеанс» [Электронный ресурс]

²⁹⁵ Там же.

человек – послушное животное, обработанное и подавленное культурой. Возникает вопрос, как реализовать потенциал, который не используется в полной мере.

Л. Зайлер тоже старается воплотить эти идеи в своей художественной реальности. Он создает определённые условия для своих героев, ограждая их от общества, от восточного и западного мира: они живут на острове, до них доносится голос по радио «Виола», но это скорее просто голос, не несущий никакой информации, фон во время рабочего процесса. Жители острова были далеки от потока новостей: «“Виола” каждый час сообщала о грозах с северо-запада и о беглецах в посольствах, но никто её толком не слушает. Мы будто находимся *вне сообщений*, и, по-моему, так оно и есть, старая плутовка, мы не вполне от мира сего».²⁹⁶ Мысль о сумасшествии неоднократно звучит у Эдгара.

Ещё французские и немецкие символисты высказали мысль о том, что человек одинок, но «Арто попытался найти выход и из этого трагического положения. Он попробовал отыскать ту форму, в которой возможен непосредственный контакт. А для этого было необходимо оказаться в другой, не обыденной реальности».²⁹⁷ То же самое мы можем говорить и про роман Л. Зайлера: «Мы тут находимся на особом положении, в особых условиях, со всех точек зрения».²⁹⁸ Кроме того, вспомним, как для Л. Зайлера важна тема свободы и то, что А. Арто искал способ, с помощью которого человек эту свободу сможет обрести.

С точки зрения концепции театра А. Арто структура романа «Крузо» очень важна – читатель погружается в канву повествования и постоянно находится как бы внутри происходящего. По А. Арто сцена – это проживание событий, которые воссоздаются по воспоминаниям. Таким образом, зрители становятся соучастниками. Роман Л. Зайлера так и построен – эпилог написан от лица Эдгара, хотя всё повествование до этого было как бы от третьего лица, от некой всевидящей точки, т.е. построено на воспоминаниях, которые при этом становятся для читателя реальностью.

²⁹⁶ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 179

²⁹⁷ Арто, А. // Журнал «Сеанс» [Электронный ресурс]

²⁹⁸ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 40

Кроме идей А. Арто, значительное место в литературных взглядах жителей острова, особенно у сезов, занимало творчество Хайнера Мюллера. Это немецкий драматург ГДР, эссеист, поэт, крупнейшая фигура немецкого театра после Бертольта Брехта. Многие драмы Х. Мюллера – свободная, остро осовремененная трактовка пьес древнегреческих трагиков, Шекспира, Брехта, произведений Шодерло де Лакло, Дж. Рида, ранней советской литературы и др.

М. Давыдова, российский театровед и театральный критик, рассуждает о творчестве Х. Мюллера уже с позиции читателя XXI века: «Какой такой катастрофы можно бояться в мире после катастрофы? Все ж уже разрушено, разрушать больше нечего».²⁹⁹ Этот парадокс и определяет суть творчества писателя. Он не скорбит о потерянном, а, наоборот, полагает, что разрушенный мир был страшнее самих руин. Мир разрушен не в результате забвения неких устоев, а в результате следования этим устоям. «Я больше не желаю умирать. Я больше не желаю убивать. (Рвет фотографию автора на куски)».³⁰⁰

Верность разнообразным идеалам, на которой строится мир прошлого, в частности классическая культура, не имеет значения, словно бы говорит нам Х. Мюллер. Он сопоставляет любого героя классической пьесы с человеком вообще и подчеркивает, что вне зависимости от времени человечество находится во власти химер, и именно они приводят мир к гибели. Каждый раз, когда создаются новые «принципы», т.е. новые химеры, наступает новая катастрофа. Новые принципы приводят к новым жертвам во имя новых идеалов. К этим идеям герои романа «Крузо» относятся с почтением и восхищением.

В драме Х Мюллер очень остро выразил мысль о том, что разрушение – это и есть созидание. Мир можно сохранить только посредством постоянной ревизии правил игры, постоянного выхода за пределы навязанных правил, постоянного выхода за пределы своего «я». И этот выход есть в романе Л. Зайлера, где Крузо, тот самый созидатель, своеобразный идеолог, центр острова.

²⁹⁹ Проект COLTA.RU. Владимир Колязин отвечает Марине Давыдовой. Еще раз о Хайнере Мюллере и русском театре. [Электронный ресурс]

³⁰⁰ Краткие сведения о постановках : «Гамлет-машина» Хайнера Мюллера / “Hamlet-Maschine” // Мюнхенская свобода и другие пьесы. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 363

Он создаёт правила, но жизнь их не принимает, поэтому каждый житель острова выходит за пределы своего «я», оказываясь в экстренных ситуациях. Герой «Гамлет-машины» – это Гамлет, играющий сразу много ролей. Он должен прочувствовать жизнь и самого принца, и Клавдия, и Офелии. Тогда есть шанс, что кровавый круговорот вещей в природе удастся остановить. «Мое же место, если драме суждено быть, по обе стороны линий фронта, между фронтами, над ними... Я – солдат в башне танка с пустой башкой под шлемом, я – сдавленный крик под гусеницами. Я набрасываю петлю, когда казнят зачинщиков, выбив из-под ног табурет, и сворачиваю себе шею».³⁰¹

Л. Зайлер обращается к поэзии Паул ван Остайена, бельгийскому поэту-экспрессионисту. Паул ван Остайен родился в городе Антверпен в семье строгого католического уклада³⁰². «В отрочестве он получил сильное душевное потрясение, вызванное смертью любимого брата, а затем и сестры, – оба умерли от туберкулеза, что угрожал также и Паул ван Остайену всю его недолгую жизнь».³⁰³ Здесь уместно провести параллель с героями Лутца Зайлера – Крузо и Эдгаром, которые так же трагически потеряли близких людей. У Алексея Крузовича погибла сестра, а у Эдгара – девушка.

В двадцать два года из-за своих политических убеждений поэт (он сблизился с фламмингантами – сторонниками культурной и политической независимости Фландрии от Бельгии) был вынужден переехать в Берлин, где пережил глубокий духовный кризис. Однако там же началось его знакомство с дадаистами и художниками других направлений. Берлин оказал огромное влияние на личность П. ван Остайена. «Он соединил поэзию с молитвой, считая лирику как таковую только низшей ступенью мистического экстаза. Эта новая, «синтетическая», лирика («магическая алхимия», как называл ее П. ван Остайен) стремилась главным образом к автономизации стихотворения от его лирической предпосылки».³⁰⁴

³⁰¹ Мюллер Х. [Электронный ресурс]

³⁰² Тенгберген М., Михайлова И. Антверпен литературный. Антверпенский поэт Паул ван Остайен. В сб.: Санкт-Петербург-Антверпен. 50 лет партнерства. СПб.: «Европейский дом», 2008. – С.149-171.

³⁰³ Палей М. К уклончивой звезде // Новый Мир. – 1997, №7 [Электронный ресурс]

³⁰⁴ Там же.

Наиболее известные сборники поэта – «Music-Hall» («Мюзик-холл», 1916, дебют), «Sienjaal» («Сигнал», 1918), «Bezette stad» («Захваченный город», 1921), «Het eerste boek van Schmoll» («Первая книга Шмолла», 1928), «Feesten van angst en pijn» («Пирсы страха и боли», 1928, посмертное издание).

Несмотря на то, что Паул ванн Остайен экспериментировал в достаточно популярном направлении, в голландской поэзии это было своего рода открытие. В романе звучит отсылка к стихотворению «Мелопея» (1925). Это стихотворение характерно для экспрессионизма и посвящено другому бельгийскому поэту-экспрессионисту Г. Барсенсу.

“Onder de maan schuift de lange rivier
Over de lange rivier schuift moede de maan
Onder de maan op de lange rivier schuift de kano naar zee
Langs het hoogriet
langs de laagwei
schuift de kano naar zee
schuift met de schuivende maan de kano naar zee
Zo zijn ze gezellen naar zee de kano de maan en de man
Waarom schuiven de maan en de man getweeën gedwee naar de zee”³⁰⁵

(перевод)
«над водой луна усталая скользит
под луной вода усталая скользит
по воде и под луною лодочка плывет в лиман
вдоль речного вдоль ночного тростника
мимо луга заливного и песка
плавно следует ладья плывя в лиман
плавно следует ладья с луной в лиман
так они втроем плывут в лиман
лодочка луна (de Maan) гребец (de Man)
почему плывут в лиман de Maan de Man»³⁰⁶

В романе Л. Зайлера также есть аллюзия к образу немецкого драматурга Г. Гауптмана, который сам долгое время жил на острове Хиддензе: «в витрине дома-музея Герхарта Гауптмана висело гауптмановское стихотворение. Рядом акварель Иво Гауптмана».³⁰⁷ Автор не указывает на какое-то конкретное произведение драматурга, стараясь подчеркнуть весь масштаб и значение его творчества. Г. Гауптман, последователь Г. Ибсена, в одной из своих драм

³⁰⁵ Ostaijen P. van Verzamelde gedichten. Amsterdam, Prometheus/Bakker, 1996. – S. 477

³⁰⁶ Палей М. К уклончивой звезде // Новый Мир. – 1997, №7 [Электронный ресурс]

³⁰⁷ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 103

(Die Weber, 1892) проводит такую идею: «У каждого человека должна быть мечта». С такими же словами живёт на острове Хиддензе каждый.

Особое место в романе Л. Зайлера «Крузо» занимает творчество Г. Тракля, австрийского поэта. Его начинает декларировать Эдгар, а потом и сам Крузо. После того, как на одном из праздников Эдгар прочитал стихотворения Г. Тракля, Крузо начал открываться перед Эдгаром – он почувствовал в нём родную душу.

Стихотворное наследие Г. Тракля невелико по объёму, но оказало значительное влияние на развитие немецкоязычной поэзии. Трагическое мироощущение, пронизывающее стихи поэта, символическая усложнённость образов, эмоциональная насыщенность и суггестивная сила стиха, обращение к темам смерти, распада и деградации позволяют причислить Г. Тракля к экспрессионистам, хотя сам он формально не принадлежал ни к одной поэтической группировке. Сам поэт описывал свой стиль следующим образом: «Моя манера изображения, сливающая в единое впечатление четыре разных образа в четырёх строках». Это мироощущение близко Германии второй половины XX века. И если Рембо больше увлекается запрещённой западной литературой, несущую какую-то новую волну, свежесть мысли, призыв к действиям, то Крузо близок к ностальгии, воспоминаниям о прошлом, остановке жизни на каком-то моменте и невозможности её возобновления.

Таким образом, через увлечения персонажей романа «Крузо» такими авторами как *Паул ванн Остайен, Антонен Арто, Хайнер Мюллер, Герхард Гауптман, Георг Тракль* отражаются идеи, заложенные автором в образе острова Хиддензе. Л. Зайлер на основе многочисленных переплетений – это роман вневременной, мистический, богатый литературными аллюзиями и актуальными конкретными событиями, создает многогранный сложный художественный мир, который имеет несколько прочтений.

3.2 Утопические и антиутопические тенденции в романах

У. Телькампа «Башня» и Л. Зайлера «Крузо»

Немецкий роман уже в своих истоках (эпоху Средневековья) начал своё развитие как воспитательный роман, в котором есть элементы будущих утопических концепций: союз разных сословий и идиллия в конце стихотворного романа «Бедный Генрих» (нем. *Der arme Heinrich*) Гартмана фон Ауэ и замок Грааля в «Парцифале» (нем. *Parzival*) Вольфрама фон Эшенбаха. В ренессансной словесности Германии можно отметить сатирическое произведение Базеля Себастьяна Бранта «Корабль дураков» (нем. *Narrenschiff*, 1494), в котором автор считает возможным и необходимым изменить грешную и порочную человеческую натуру правильным воспитанием. Высшего развития воспитательный роман достиг в двух романах И.В. Гёте («Годы учений Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера»). В «Годах странствий» устами одного из своих героев образ «Педагогической провинции» Гёте именует так: «что-то вроде Утопии». Немецкий роман силён интеллектуальной традицией создания концепций, как воспитательных для создания совершенного человека, так и концепций социальных, политических по идеальному устройству государства.

Но с самого начала в немецкой литературе развиваются и тенденции антиутопии: Г.Я.К. Гриммельсгаузен в романе «Симплициссимус» (нем. *Der Abentheuerliche Simplicissimus Teutsch*, 1669) изображает героя, который сталкивается со страшными социальными бедствиями, злом и несправедливостью, царящими в мире. Симплициссимус обретает рай только на необитаемом острове. Заметим, что его как бы личная «утопия» осуществляет себя именно на замкнутом удалённом от людей пространстве острова, как это зачастую будет в произведениях подобного жанра. В творчестве Гартмана фон Ауэра, немецкого поэта и миннезингера, также есть элементы утопии единения господина и крестьян-арендаторов (например, в вышеупомянутой стихотворной повести «Бедный Генрих»).

В XVIII веке наблюдается заметное развитие утопической литературы Германии. Г. Мюллер выделяет несколько категорий утопии – классическая, сентименталистская, робинзонада, политический роман (Staatsroman).³⁰⁸ В XIX веке утопия в большей степени свойственна трактатам и учениям (преобладает романтическое, нежели утопическое мировосприятие). К утопии обращается немецкий экспрессионизм (Г. Кайзер «Газ», 1918).

Несмотря на распространенное мнение о том, что знаковые работы по исследованию утопии и антиутопии появились в американском литературоведении, Е.Ю. Селиванова доказывает значительную роль именно немецкоязычных исследователей в данном вопросе (Э. Райх «Немецкий утопический роман с 1850 года до современности» 1927; Т. Финк «Немецкая утопия», 1939; М. Швонке «От утопии к научной фантастике», 1957; Г. Мюллер «Контрмиры. Утопия в немецкой литературе», 1989) и предполагает, что значение некоторых работ не принималось во внимание в связи с политической обстановкой.³⁰⁹

Для утопии характерно конструирование некой «второй действительности», которая противопоставляется окружающей реальности и содержит острую критику современности. Утопия является выражением интересов определенных классов, как правило, не находящихся у власти. К элементам утопии относится намеренный отрыв от реальности, склонность к формализму, преувеличение роли воспитания и законодательства^{310,311,312}. Антиутопия предполагает проверку утопии на примере индивидуальной судьбы, появляется тема Большого Брата, подчёркивается невозможность достижения всеобщего счастья в тоталитарном государстве, безликость его жителей^{313, 314}. Ф. Гёльдерлин выразил особенность

³⁰⁸ Селиванова Е.Ю. Антиутопический роман в немецкоязычной литературе конца XX - начала XXI вв. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Селиванова Евгения Юрьевна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2013. - 206 с.

³⁰⁹ Селиванова Е.Ю. Антиутопический роман в немецкоязычной литературе конца XX - начала XXI вв. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Селиванова Евгения Юрьевна; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2013. - 206 с.

³¹⁰ Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Сост. В. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

³¹¹ Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм // Идеология и утопия; пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

³¹² Мартынов Д. Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 162–171

³¹³ Jacoby R. Picture imperfect : Utopian thought for an anti-utopian age. – N. Y. : Columbia University Press, 2005. – 211 p.

³¹⁴ Stableford B. Dystopia // Science Fact and Science Fiction: An Encyclopedia. – Taylor & Francis, 2006. – P. 133–135.

взаимосвязи утопии и антиутопии следующим образом: «Что всегда превращало государство в Ад на земле, так это попытки человека сделать его земным раем» (нем. Immerhin hat das den Staat zur Hölle gemacht, daß ihn der Mensch zu seinem Himmel machen wollte.)³¹⁵

Утопия и антиутопия относятся не только к категориям пространства и времени, это целые системы мышления. Феномены утопии и антиутопии тесно связаны с идеологией³¹⁶. Во второй главе данного исследования упоминается термин «гетеротопия», которую можно рассматривать как реализованную утопию. То, что о. Хиддензе и квартал «башенников» связан с категорией гетеротопии не исключает того, что романам «Башня» и «Крузо» также свойственны элементы утопии и антиутопии.

3.2.1 Утопия «башенников» и антиутопия ГДР

Элементы утопии и антиутопии сочетает немецкий писатель XXI в. У. Телькамп в романе «Башня», чтобы создать своеобразную переоценку прошлого ГДР. В жизни «башенников» преобладает любовь к старому Дрездену и слепота к тому новому, что происходит в этом городе. Один из персонажей книги упоминает заключительную мемуарную книгу Стефана Цвейга «Вчерашний мир» («Die Welt vom Gestern»)³¹⁷. Жители «Башни», как и автор «Вчерашнего мира», чувствуют тоску по сказочному городу Дрездену, утопическому городу, в котором ещё вчера в домах играла музыка.

«Я описываю ГДР, – рассказывает У. Телькамп в одном интервью. – Маленький, типично буржуазный квартал в Дрездене – это как владения Спящей красавицы, спрятанные за кустами роз, выросшими на протяжении столетий. Орнаментальность повествования, влюблённость в детали, даже одержимость ими – это

³¹⁵ Hölderlin F. Hyperion oder der Eremit in Griechenland [Электронный ресурс]

³¹⁶ Манхейм, К. Идеология и утопия : Перевод / Манхейм К. ; Предисл. П. С. Гуревича]; Рос. акад. наук, ИНИОН, Межвед. центр наук о человеке при президиуме РАН. - М. : ИНИОН, 1992. – 245 с.

³¹⁷ Tellkamp U., Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008. – S. 152

мои розы, прорастающие сквозь текст... Дрезден привык считать себя прекраснейшим городом мира, Флоренцией на Эльбе. Ни один дрезденец из описываемого мною слоя не хотел ничего слышать о плохих санитарных условиях. Или о нацистах в городе. Это подпортило бы лак на прекрасной картине в стиле Каналетто. Разумеется, я этот город люблю. И люблю своих персонажей. Но я не закрываю глаза на то, что его можно видеть и по-другому».³¹⁸

У. Телькамп ещё в одном из интервью обозначил отличительные черты «башенников» так: «Просвещённость была для них сокровищем и ценностью. Да, они жили в особняках, но особняки эти пришли в упадок, обветшали. Серьезной собственностью, по сути, никто не обладал, если не считать книг, пластинок, а главное – знания как такового и одержимости желанием это знание сохранить... Такой феномен существовал в Йене, в Берлине – в районе Пренцлауэр Берг, где тон задавала художественная богема. «Башни» имелись повсюду. Между прочим, и за пределами ГДР – в Чехословакии (в Праге) и в Москве (в районе Арбата). Чем пристальнее присматриваешься, тем больше такого обнаруживаешь».³¹⁹

Утопия «башенников» – это уверенность в том, что они проживут в своём замкнутом кругу, и это вера в прежние ценности – не может защитить от последователей других, более успешных в данном государстве утопий. Например, от коммуниста и партийного деятеля Барсано.

Определённой самозащитой «башенников» служила сатира, шутки, анекдоты о партийных лидерах, например, о Брежневe. Рихард, Мено, Никлас и другие члены семьи часто говорили о политике: *“Wenn man bedenkt, was*

³¹⁸ Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа)/ Интервью для газеты «Тагесшпигель», 13.10.2008. – Иностранная литература, 2009 №10. [Электронный ресурс] (нем. Die DDR, die ich beschreibe, das kleine hochbürgerliche Viertel in Dresden und seine Menschen – das ist wie ein Dornröschensland, das von hundertjährigen Rosen überwuchert wird. Diese vielen Ornamente, diese Detailverliebtheit, diese Besessenheit, das sind meine Rosen, die über den Text wuchern. Sie hält sich für die schönste Stadt der Welt, Elbflorenz halt. Kein Dresdener aus dieser Schicht wollte was von den schlechten sanitären Verhältnissen wissen. Oder von den vielen Nazis in der Stadt. Das kratzt zu sehr am Lack des schönen Canaletto-Bildes. Klar, ich liebe diese Stadt. Und ich liebe meine Figuren. Aber das macht mich nicht blind für andere Wahrnehmungen.)

³¹⁹ Интервью с Сюзанной Фюрер// Deutschlandfunk Kultur [Электронный ресурс] (нем. Bildung ist der Schatz und Bildung ist der Wert, den sie haben. Aber sie hausen schon in Villen, aber die sind verlottert und runtergekommen. Viel Besitz hatte da eigentlich niemand, außer an Büchern, an Schallplatten und vor allem eben an Wissen und an Besessenheit, Wissen zu behalten. Es [„Der Turm“] ist insofern typisch, weil es das oft gab, das überrascht mich selber auch. Es gab es in Jena, in Berlin, Prenzlauer Berg, dort etwas bohemehafter. Türme gab es auch überall. Und übrigens, abseits von der DDR auch in der Tschechoslowakei, in Prag, in Moskau, im Arbatviertel. Je näher man dahinschaut, desto mehr entdeckt man davon.)

dieser Andropow gesagt hat ... Natürlich wieder das übliche Blabla” («Вы читали статью Андропова? Как обычно, сплошное бла-бла-бла»).³²⁰ Для него «социализм – это испорченная печень и варикозное расширение вен пищевода. Он уже имеет кроваво-красный флаг» (*“Sozialismus – kaputte Leber und Ösophagusvarizen. `ne blutrote Fahne hat er ja schon”*).³²¹ Рихард очень эмоционален во время таких разговоров на политические темы, и его постоянно останавливает Анна, предупреждает: *“Richard, nicht so laut”*, *“Richard, bitte.”* («Рихард, тише», «Рихард, пожалуйста»). Осторожность преследуется «башенниками», которые опасаются, чтобы их мысли не были известны доносчикам. Несмотря на это, Рихард не может остановиться и продолжает высказывать удивление, как можно признать ГДР, смириться с тем фактом, что ГДР такая же страна, как и любая другая.

Однако, когда Кристиан, перед службой в армии, упомянул недемократический характер танковых войск, Рихард дал ему пощёчину. Кристиан становится обманут своим отцом, который не позволяет сыну говорить правду, несмотря на то что сам всегда жёстко критиковал социальный строй.

Таким образом, за счёт мастерски построенного сюжета мы видим ещё одну из особенностей, присущую жителям ГДР – «двойной стандарт»/«двойная мораль». С одной стороны, в романе Уве Телькампа эта позиция героя зависит и от субъективных предпосылок, связанных с чертами характера Рихарда (трусость), а с другой стороны, «двойной стандарт» порождает и объективная причина – если герой пойдёт против системы, то она его раздавит.

У. Телькамп продолжает традиции классиков как утопической, так и антиутопической литературы. Мир «башенников» – это пространство, в котором существует старый Дрезден, культ просвещения, знания. «Башенники» живут своей утопией прошлого, социалисты – своей утопией будущего. Однако автор изображает настоящее с помощью элементов антиутопии, показывая взаимоотношения личности и сильного государства. Темы тотальной слежки,

³²⁰ Tellkamp U., *Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008. – S. 72

³²¹ Там же.

доносительства, обезличивания, ухода от семейных ценностей, насаждения идеологии партии – всё это относится к элементам антиутопии. ГДР пытается уничтожить индивидуальность, но «башенники» не могут жить без своего «я». Таким образом, в романе «Башня» показана судьба конкретных людей, которые на личном опыте проверяют реализацию утопической мечты об «идеальном государстве».

В десятой главе «Вены» (Erzadern. Der Alte vom Berge)³²² романа «Башня» описан диалог между Мено Роде и писателем Георгом Алтбергом, чья книга не прошла цензуру. В своём произведении писатель создаёт «немецкую образцовую государственную модель». Алтберг настаивает, что социализм только в мечтах, его нет в действительности, и его произведение – это жёсткая критика тоталитаризма.

Произведение господина Алтберга – это антиутопия. Не случайно Мено спрашивает его, не читал ли он Оруэлла. Алтберг описывает жизнь десятилетних мальчиков, которые учатся в специальном заведении, в котором можно садиться только, когда скажут, спать только по команде. Как только зарождается протест против этой системы, применяются жёсткие наказания: Георг Видершпрух однажды осмелился возразить учителю, из-за этого проступка ему пришлось просидеть месяц в карцере. Равнодушие к судьбе отдельного человека, к его индивидуальности, талантам – принцип действия государственной машины тоталитарного типа. Рассказчик, сосед по комнате Георга, не подчиняется авторитету учителя, его высшему рангу, выраженному эполетами, и помогает Георгу. Ректор выносит приговор, в котором повествователь осуждён более сурово, чем сам Георг Видершпрух: *“Ich habe et-was getan, das, wie der Rektor beim Strafappell verkündet, schlimmer ist als Georgs Widerspruch: Ich habe ihn unterstützt, ich war loyal zum Abweichler, nicht zur Schule; ich habe der unbezweifelbaren Autorität des Lehrers nicht gehorch...”* («Я сделал хуже, чем Георг Видершпрух: я его поддержал, я был лоялен к инакомыслящему, не к школе

³²² Tellkamp U., Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008. – S. 124

<...>»³²³ Таким образом, воспитание в таком «идеальном государстве», описанном Алтбергом, осуществляется с помощью карцера, а поддержка товарища считается недопустимой.

Как и в романе Дж. Оруэлла «1984», в романе У. Телькампа неотъемлемой частью тоталитарного режима являются слежка, доносы. Роман, написанный английским писателем в 1948 году, не теряет своей актуальности в действительном 1984 году, описанном У. Телькампом в романе «Башня». Чтобы позвонить из телефонной будки, Кристиану нужно обдумать стратегический план. Все жители Дрездена знают о том, что телефонные разговоры всегда прослушивают. На одной из центральных площадей города находится две телефонные будки – в отдалении и в центре. Центральная будка служит для разговоров о безобидных, незначительных вещах, потому что считается, что на прослушивании находится именно эта будка, но по этой же причине её оставляют без присмотра. На примере семьи Рихарда автор показывает, как в ГДР была популярна своеобразная игра под названием «думай, как твой враг», а врагом было именно социалистическое государство. Рихарду кажется невероятным такая возможность прослушивания всех телефонных разговоров: “<...> *so doch kaum die Technik und die Ton-bänder. Ein paar freie Leitungen muß es geben in diesem Land. Bestimmt ist es nicht die des Genossen Staatsratsvorsitzenden, und die des Chefs der Sicherheit ebensowenig*“³²⁴ («<...> едва ли столько техники и магнитофонной ленты. Одна пара свободных линий должна быть в этой стране. Но это точно не линия Главы государственного совета и точно не начальника службы безопасности»). Наблюдение за центральной телефонной будкой бесполезно, потому что никто ничего не говорит в ней важного. По мнению Кристиана, это могут сделать только «придурки» или ничего неподозревающие иностранцы, но они и так все двадцать четыре часа в сутки находятся под присмотром (“*Das würden nur Deppen und ahnungslose Ausländer tun, und die werden sowieso rund um die Uhr über-wacht*”).³²⁵ У жителей ГДР вырабатывается определённый способ мышления, который ищет пути противостояния системе. Уве

³²³ Там же. S. 132

³²⁴ Там же. S.201

³²⁵ Там же.

Телькамп даёт очень точное обозначение этому способу: *“Denk wie dein Feind”* («Думай, как твой враг»).

Однако и руководители Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) были такими же заложниками этой системы. У. Телькамп показывает представителей Штази в небольшой по объёму главе «Dialog über Kinder»³²⁶, где в форме многочисленных как бы вырванных из контекста репликах, представлены отношения Рихарда с государственной системой. Рихард всё время разговора молчит. Возможность говорить получает некий голос Штази, собирательный образ этой системы. Мы не видим описания внешности собеседника Рихарда. Таким образом, У. Телькамп подчёркивает безликость людей, принадлежащих к власти ГДР. Более того, в репликах жизнь этих людей отождествляется с механизмом, системой: *„Dabei liegt Strom an, der Schaltplan stimmt, aber irgendwo in dem ganzen komplizierten Geflecht gibt es einen toten Punkt, mag er zufällig entstanden sein oder nicht ...“*.³²⁷ С такой монтажной схемой сравнивается и клиника, где работает Рихард. Кристиан прежде, чем стать врачом, как желает этого Рихард, его отец, должен быть тщательно проверен: *“Und vorher die Erweiterte Oberschule. Geld, das unserem Staat gehört und das er großzügig ausgibt für diejenigen, die durch Studium und Beruf einmal privilegierte Positionen einnehmen werden. Hat denn unser Staat nicht auch ein Recht darauf, zu erfahren, wer es ist, der da studieren will, woher er kommt und soweiter?“*.³²⁸ Государство должно знать о человеке всё. И это считается в тоталитарном обществе законным интересом. Кроме того, в адрес Рихарда звучит фраза: *„Ihre Frau scheint Sie von unserem Weg abgelenkt zu haben ...“*.³²⁹ Семейная жизнь в ГДР не становится культом: люди не должны иметь привязанностей, потому что это может помешать общему делу.

³²⁶ Tellkamp U., Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008. – S.255

³²⁷ Там же. S. 376. Пер. с нем. авт. «Достаточно отсоединения проводка, и электричество не подаётся», «электричество поступает, монтажная схема правильная, но где-то в неповреждённой сложной сети есть один мёртвый пункт, он может появиться случайно или нет...»

³²⁸ Там же. Пер. с нем. авт. «Если государство даёт деньги на образование людей, которые будут занимать привилегированные места, то государство имеет право узнать, кто эти люди, откуда они и так далее».

³²⁹ Там же. Пер. с нем. авт. «Ваша жена, кажется, сбива вас с пути».

Одним из отличительных лозунгов тоталитарного общества становится фраза «мы все равны». Таким образом, в ГДР не приветствуется выделение из общей массы людей. В романе «Башня» об этом с сожалением говорит Барбара, тётя Кристиана: “*Schließlich landen wir ja alle noch im Kommunismus, und da muß man sich die Haare sowieso abschnippeln*” («Наконец, мы все, в конечном итоге, в Коммунизме, и там нужно в любом случае отрезать волосы»)³³⁰ Барбара всегда имеет желание выразить свою индивидуальность: её речь звучит по-особому (например, вместо «enough» она произносит «enöff»), она предпочитает ярко одеваться, краситься. Но «в коммунизме» индивидуальность не приветствуется или остаётся незамеченной: “*Die Weiber auf Arbeit sind ja doch nur neidisch*” («бабы на работе завистливые»), а мужчины не могут оторваться от газеты.

Партия в ГДР не была частью жизни, она становилась самой жизнью, заменяла мировоззрение. Её влияние ощущалось во всех сферах деятельности, и образование не было исключением. Господин Фанер, учитель Кристиана, произносит длинную речь о том, что партийная точка зрения – это самое главное, оценки не делают из человека медика, социальная ответственность имеет смысл.

В издательстве «Гермес» отражаются взгляды на литературу, допустимую в ГДР.³³¹ Шифнер, главный редактор, не принимает роман Юдит Шеволы, пока она не уберёт из него несоответствующие цензуре сцены. «Мы разрушим книгу, если отменим эти сцены» („*Wir zerstören das Buch, wenn wir darauf be-stehen, solche Szenen zu streichen*“), – негромко отмечает Мено. Однако литература, по мнению Шифнера, несовместима с правдой. Попытки доказать Шифнеру, что литература без правды – не литература, а пропаганда, не дают результата. Шифнера невозможно переубедить, он уверен, что эти сцены про «Nazi-Weiber» (баб-нацисток) необходимо убрать, но при этом всей книги Шифнер не читал. «Там не только бабы-нацистки. Она изображает вполне нормальных людей» (“*Es waren nicht nur Nazi-Weiber*«, *sagte Meno noch*

³³⁰ Tellkamp U., Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008. – S. 280

³³¹ Там же. S. 416

leiser. »Sie schildert ganz normale Leute»), – пытается доказать Мено. Но попытки не дают желаемого результата.

Юдит Шевола смиряется со своим маргинальным положением в ГДР, с тем, что её труды так и останутся непризнанными: “*Und am Ende geben Sie mir ein Honorar auf zehn-tausend, aber das Buch erscheint nicht*” («Что вы можете сделать? Вы так же хорошо знаете, как и я, как это работает. И, в конце концов, вы дадите мне гонорар в размере 10 тысяч, но книга так и не появится»).³³² Мено понимает, о чём говорит Юдит, потому что издательство вкладывает деньги в фиктивный тираж, например, в 10 тысяч экземпляров, но действительными оказываются только две сотни книг, которые где-то исчезают в качестве подарков, и автор, так называемый в таком случае «сложный писатель», несмотря на то что обманут, не может пожаловаться. К числу сложных писателей в ГДР принадлежала и Юдит Шевола.

У. Телькамп в романе «Башня» с помощью жанровых элементов утопии показывает сходство между идиллическим миром башенников и социалистическим обществом – «охотник и преследуемый стали похожи» (“*Jäger und Gejagte wurden sich ähnlich*”³³³). Ни болезненное стремление к прошлому, ни покорное стремление к будущему не способны, по мнению автора, долгое время существовать в действительности. Кроме того, с помощью жанровых элементов антиутопии показан один из центральных аспектов романа, а именно, внедрение тоталитарной системы, тоталитарного управления как в общественную, семейную, так и в культурную жизнь Восточной Германии.

3.2.2 Утопия и антиутопия острова Хиддензе

Писателю удалось соединить несколько миров со всей их сложностью в менее чем 500 страницах: реальный и одновременно коварный мир ГДР, скрытый параллельный мир «Сообщества просветленных» на острове

³³² Tellkamp U., Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2008. – S. 418

³³³ Интервью с У. Телькампом // Der Tagesspiegel [Электронный ресурс]

и внутренний мир измученной души Эдгара. Всё то, что можно связать с восточно-западным конфликтом в немецкой литературе, описано поэтическим языком с прекрасными деталями. Пласт литературных аллюзий и интертекстуальных ссылок в этом романе неотделимы друг от друга, переходы между ними незаметны. Л. Зайлер даже в прозаическом произведении не перестаёт быть поэтом. Развитие отношений между Эдом и Крузо толкают вперед стихотворные строки, а мотивацию происходящего следует искать не на уровне психологии, но на уровне языковой образности. Так, подчеркнутая зримость и осязаемость черных «осклизлых ошметков» в сливной решетке – дань уважения другому уроженцу Тюрингии, писателю Вольфгангу Хильбигу, которым Л. Зайлер восхищается.

Главный герой повествования, Крузо, создал отдельный мир, больше похожий на сон, в котором можно оставить страну без пересечения границы. Это была его мечта о жизни за пределами повседневных ограничений.

Остров Хиддензе был в ГДР негласным местом встречи оставшихся на обочине жизни, своего рода краем земли. Именно он стал местом действия романа Л. Зайлера, время в котором тоже можно определить с большой точностью – события происходят в последние месяцы существования ГДР. Однако как комментирует сам автор это произведение не только о ГДР. Остров Хиддензе и конкретные исторические обстоятельства только фон для языковой экскурсии в неизведанное, где читателю предлагается без страховки исследовать разные пласты времени и переживаний.

Перед читателем разворачиваются события лета 1989 года, в котором Эд и начинает свой собственный путь и сталкивается с явной трудностью – быть гражданином ГДР непросто: бесконечные проверки, подозрения и притеснения иллюстрируют нервозности государственного аппарата.

Это начало времени перемен, но на этом острове Хиддензе как и для самого Л. Зайлера оно разворачивается постепенно, только в той степени, в которой это необходимо. Оказавшись на Хиддензе незадолго до падения Берлинской стены, главный герой, Эдгар, встречает Крузо – старожила острова, и

начинает исследовать границы свободы – если не внешней, то хотя бы внутренней. «Солдаты на посту резко отреагировали на специально созданный Крузо шум. “Вот так легко вывести их из равновесия, – шепнул Крузо, – чертовски легко. Вся система состоит только из людей, Эд. Я имею в виду, эти вот парни – мы, в прежнее время, мы сами до свободы, понимаешь?”».³³⁴

Вся система существует только как оппозиция свободы. Для жителей ГДР само понятие «свобода» приобретает новые смыслы и особое наполнение. Безусловно, этот вывод основывается не только на тексте Л. Зайлера: у каждого писателя, который хочет так или иначе отразить атмосферу времени разделённой Германии – система разрушительна, а свобода – желанна (Т. Бруссиг, Г. Гессе, И. Шульце, Й. Шпаршу...). Чтобы осознать понятие свободы в немецкой литературе второй половине XX – начале XXI, нужно разобрать понятие системы и режима ГДР на примере романа «Крузо».

В романе Л. Зайлера, как и в романе У. Телькампа «Башня», например, также есть символ тоталитаризма и тотального контроля за человеком, который берёт начало в произведении Дж. Оуэрелла. «Большой брат» следит за каждым шагом и присутствует повсюду: «Да, они уже побывали здесь, даже скорее, чем я. Ну и что? Наверно, они всегда здесь, все знают, все видят...». Это осознание разрушает здоровую психику героев, они, с одной стороны, всегда осознают, что не одни, однако, с другой стороны, именно это делает их бесконечно одинокими. В специальном номере журнала «Иностранная литература» – «Берлин–Москва: история по памяти»³³⁵ опубликованы отрывки из романа Рюдигера фон Фрича «Штемпель в свободный мир», где читатель вновь сталкивается со специфичным понятием свободы. Свободный мир, освобождённый от нагнетающего режима, намного проще, чем в романах немецких писателей XIX века – Шиллера или Гёте, например. Свобода в немецкой литературе не сильно отличалась от этого же понятия в других странах: свобода политическая, религиозная, социальная. У Шиллера концепт свободы претерпевает определённые изменения на

³³⁴ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 133

³³⁵ Фрич Р. Штемпель в свободный мир // Журнал Иностранная литература. Берлин–Москва: история по памяти. – Москва : ИЛ, 2015, № 4. – С. 187–276.

протяжении всего творчества, однако ядро этого концепта остаётся неизменным: нравственная и эстетическая свобода, свобода как некое внутреннее (innere Freiheit) состояние духа (moralische Freiheit, Freiheit des Geistes, Freiheit des Herzens, Freiheit des Denkens, Freiheit des Ideenvermögens), имеющее степень и границы (Grad der Freiheit). Зачастую свобода поэтически персонифицируется (Freiheit hat „einen weitreichenden Blick“, „tritt gleich einem anschwellenden Strome über ihre Ufer“), она самодостаточна („Der höchste Genuß der Freiheit“). Свобода, по Шиллеру, это империя духа (ein Reich der Freiheit), владеющая умами.³³⁶

В романе «Штемпель в свободный мир» происходит явное перемещение акцентов, «причем вовсе не обязательно речь шла о каких-то глобальных вещах — свобода слова, права человека, свобода перемещения и т. д.».³³⁷ Люди начинают думать другими категориями, обыкновенными и повседневными: «почему они не имеют возможности покупать западные грампластинки с модной западной музыкой и почему музыка здешних групп такая скучная». У жителей ГДР звучит особому тема о дефиците вещей — кофе, капроновые колготки, отсутствие телефона в доме и т. д. Возможно, если человек не задумывается о таких элементарных вещах, он и приобретает свободу?

В романе «Крузо» всё не так обыкновенно, как в текстах Й. Шпаршу, Т. Бруссига, Рюдигера фон Фрича: его герои и не нуждаются даже в одежде, Эдгар вообще может вместо полноценных приёмов пищи обходиться съеданием одной луковицы. Поэтому и понятие «системы» здесь звучит более серьёзно. В этой глубине, потерянности главных героев, огромного пласта внутренних монологов и противоречивых рассуждений «Крузо» сопоставим с романом «Башня» У. Телькампа. Особенно интересна мысль в романе Л. Зайлера: «При каждом шаге приходилось снова и снова поступаться собственным, укорененным в глубинах тела чувством направления: противодействие, капитуляция, облегчение, с каждым шагом, и радостный визг — в конце концов это же игра... *Идти по воле другого*, думал

³³⁶ Игнатъева Т. Ю., Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, № 5 (19)/2008, Эволюция концепта «свобода» в драмах Ф. Шиллера

³³⁷ Фрич Р. Штемпель в свободный мир // Иностранная литература. Берлин-Москва: история по памяти. — 2015. — № 4 — С. 198.

Эд».³³⁸ Эта мысль была и в тексте У. Телькампа, где выбирая на главной площади будку, из которой можно позвонить и не быть прослушанным, главный герой сравнивает этот выбор с игрой. Игрой стала жизнь и для тех, кто стоял на КПП. Марица Бодрожич в рассказе «Ни утром, ни ночью» описывает лица таможенников: «Таможенники на границе ГДР: У них есть задание. И это задание чеканит их лица – всепогодные, отчеканенные заданием. <...> Сначала они учатся умирать сами. И если ты вот так умертвил себя, если ты – человек, который давно умер сам, то тогда это очень просто, в сущности – игра, нехитрая, безыскусная игра: убить другого человека, чтобы и он умер так, как давно умер ты сам. Они не размышляют об этом».³³⁹ Постепенно герои произведений принимают правила игры, но цель у этой игры для всех разная – кто-то строит утопический коммунизм, другие бегут на Запад за свободой, а некоторые создают свою утопию.

Авторы часто строят повествование на противопоставлении – привыкание к режиму и отторжение режима, слияние с системой и ярое желание вырваться из неё. В романе Л. Зайлера Крузо не хочет бежать, он создаёт свою свободу – и в этом особенность романа. Он противопоставляет утопии коммунизма свой мир, куда не нужен штамп. Можно сказать, что он принимает те реалии ГДР, которые никуда не исчезнут, одновременно убежав в собственный мир мнимой свободы: «Станным образом в день её исчезновения в море патрулировали два-три серых, недалеко от берега, ближе, чем всегда, во всяком случае, на удивление близко, как позднее говорили островитяне. Вообще-то никто не обращает внимания на серых. Обычное зрелище, их как бы не видно. Со временем перестаёшь в конце концов и границу воспринимать».³⁴⁰

Образ ГДР часто обозначен авторами как совершенный, люди, принадлежащие к этой системе, якобы никогда не ошибаются. Однако Л. Зайлер стремится подчеркнуть, что и подобное общество создано обыкновенными людьми, а значит, и в нём невозможна безупречность: «Измерять можно по-разному, говорил отец. Большей частью получалось метр семьдесят четыре, иногда метр семьдесят три, а

³³⁸ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 167

³³⁹ Минюта границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают; Пер. с нем. – М.: Текст, 2009. С. 69

³⁴⁰ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. С. 259

один раз даже метр семьдесят пять, что и записали в его удостоверении, в графе «средний рост». Когда записывали данные, рост и цвет глаз он сообщал сам – в конторе полицейского бюро прописки никто ему в глаза не смотрел и рост не измерял. Эда это очень удивило, впервые у него мелькнула догадка, что в системе возможны пробелы».³⁴¹ Эти пробелы и привели в итоге к тому, что мир Крузо рухнул, потому что главный герой романа Л. Зайлера – это тот же идеолог, создающий свою утопию-оппозицию. И как из-за пробелов разрушен мир ГДР, так и потерпел крушение мир Алексея Крузовича. Все работники «Отшельника» – обыкновенные люди, которым недостаточно находить утешение в непосильной работе, декламациях Тракля и своеобразных празднествах. Однако стоит отметить, что для Эдгара работа была воспринята тем, что помогает найти себя, несмотря на то что сам рабочий процесс отнимал у него все силы: «Учеба в университете лишили Эда четких очертаний, отняла индивидуальность. За работой он вновь становился похож на себя, работа возвращала ему осязаемое сходство».³⁴² Эти люди так же решили бежать в тот мир, который так же манил свободой, но при этом он был ещё неизвестен. И вдруг та другая свобода на Западе намного прекраснее и свободнее, чем то, что создано Крузо.

Именно здесь можно найти удивительную сложность образа главного героя: Крузо не принимает режим Восточной Германии и одновременно отвергает мир капитализма. И таким образом, именно ему и некуда бежать, кроме как на свой остров. Но иногда даже он был подвержен слабости: «Даже в речи Крузо это слово мерцало как золотой самородок в темноте, блестело и украдкой позванивало, да и пахло приятно, валюта, западные деньжата, какое сытое, изысканное звучание. Восточные деньги, напротив, – бочка с отходами и алюминиевые приборы...».³⁴³ Крузо не безропотно стремился на Запад только из-за того, что вопреки всем остальным он не считал Западную Германию свободной. По его мнению, любой житель ГДР намного свободнее, чем житель ФРГ: «Задача Востока, Эд, я имею в виду весь Восток начиная от

³⁴¹ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 343

³⁴² Там же. С. 68

³⁴³ Там же. С. 294

казахских юрт, от циркового шатра моей матери в Караганде, ну, ты знаешь, оттуда и досюда, до этого острова, этого ковчега...состоит в том, чтобы указать Западу путь. Путь к свободе, понимаешь, Эд? Это и есть наша задача и задача всего Востока. Указать им технически, экономически, инфраструктурно достигшим так многого со своими автострадами, конвейерами и бундестагами, указать им путь к свободе, к этой утраченной стороне их бытия».³⁴⁴

Эта идея имеет место не только в романе Л. Зайлера. Возможно, косвенно, но она звучит у многих других писателей Объединённой Германии – капиталистическое общество обладает меркантильностью, люди покупают и продают, зацикливаясь на приобретении, и можно ли их назвать свободными – это спорный вопрос. Рыночное общество застопорено на желании иметь, и чем больше уровень жизни, тем больше возрастает это желание. Большой акцент на недостатках духовной жизни в ФРГ делает Г. Грасс в романе «Моё столетие», какие-то схожие мысли звучат в романе Рюдигера фон Фрича «Штемпель в свободный мир».

В главе «1949» книги «Моё столетие» рассказчик пишет о встрече «на старости лет» со своей первой любовью. Он – с Запада, она – с Востока. Два человека абсолютно разных взглядов, как может показаться сначала. Взрослели они одновременно, но по разным сторонам стены. После войны и полтора лет колебаний девушка становится частью социалистического общества. Она воспринимает это как «мучительный переход к антифашизму». Нельзя сказать, что Инга бездумно принимает законы нового общества, но она от него и не отказывается. Рассказчик, как один из многих персонажей немецкой литературы Объединения, счастлив, что его «занесло на Запад». Собственное взросление воспринимается им «ущербнее», чем становление Инги на Востоке, но благоприятнее. На Западе он оставался свободен в своих действиях: «коричневая рубашка была сброшена, но голубой взамен не выдали».³⁴⁵ По мнению жительницы Востока, главное не это, а вера во что-то, которая у неё и была, а жители Запада при капитализме «утратили всё и всяческие идеалы». Г. Грасс рисует встречу людей с

³⁴⁴ Зайлер Л. Крузо: роман. М.: Текст, 2016. – С. 352

³⁴⁵ Грасс Г., Моё столетие: [роман]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – С. 161

разным мировоззрением, однако обращает внимание читателя не на это. В конце новеллы герои приходят к согласию. Прожив в разных обществах, испытывая влияние противоположных политических систем, они оба осознают, что итог абсолютно одинаковый: «В какой-то момент у нас всё пошло наперекосяк».³⁴⁶ Г. Грасс относит эту реплику и к “Ossi” и к “Wessi”. Основная мысль автора заключается в том, что люди, независимо от социальной принадлежности, являются частью одной нации. «Каникулы я провел замечательно – совсем иначе, чем обычно. Все было просто, но очень радушно и как-то по-человечески тепло. Долгие беседы с дядей Вильгельмом, отцом Томаса: умный, тонкий, образованный человек и очень искренний»³⁴⁷, – простота, радушие и теплота – те качества, которые отмечает в жителях восточной Германии рассказчик Р. Фрича. В произведении Рогер Виллемсен «Лёгкий взмах рукой» рассказчик открыто говорит о том, что Восток отставал в экономике, а Запад явно отставал в морали.³⁴⁸

Эта огромная пропасть в мировосприятии Запада и Востока стала ощущима позже, уже после того, как произошло формальное объединение. А в тот момент, когда жители Восточной Германии уловили в воздухе возможность обрести ту самую желанную свободу без границ, свободу Запада, никто не думал о реальных последствиях, поэтому Л. Зайлер отражает в романе то волнение, которое поглотило жителей острова Хиддензе. Никто не смог устоять против этого влечения – преодолеть границу: «Мало-помалу ему стало ясно, о чем толковала «Виола» своим новостным голосом. Опять беглецы, речь шла о настоящей волне беглецов, беглым шагом через забор, через границу».³⁴⁹ Никто не устоял, кроме Крузо и его верного Эдгара.

Л. Зайлер показывает третий вариант утопии, которая возможна в *Wendeliteratur*, - утопия-оппозиция за рамками разделенной Германии. Персонажи романа «Крузо» формально находятся в ГДР, но по своей сути живут как бы в параллельном мире – в своем пространстве и времени (неслучайно ресторан

³⁴⁶ Грасс Г., Моё столетие: [роман]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – С. 160

³⁴⁷ Фрич Р. Штемпель в свободный мир // Иностранная литература. Берлин–Москва: история по памяти. – 2015. – № 4 – С. 195

³⁴⁸ Минюта границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают; Пер. с нем. – М.: Текст, 2009. С. 162

³⁴⁹ Зайлер Л. Крузо: роман. – М.: Текст, – 2016. – С. 244

«Отшельник» находится в корабле. Корабль – это место без конкретного места и, следовательно, один из вариантов гетеротопии). Л. Зайлеру важно подчеркнуть, что идея Крузо – утопична. Несмотря на желание обрести свободу, доказать несостоятельность в этом плане западного «несвободного» мышления, Крузо не удастся избежать создания такой же ошибочной системы, которая не способна выжить в действительности. Ресторан «Отшельник» и квартал «башенников» в романе У. Телькампа можно сопоставить и выделить общие утопические элементы, однако, главное, что их разделяет – вектор движения, время: башенники живут прошлым, а «потерпевшие крушение» живут как бы вне времени, отказываясь от всего, что их связывает с реальностью.

Использование в литературе элементов утопии/антиутопии не находится в прямой зависимости от особенностей национальной ментальности. Подобную закономерность вывести достаточно проблематично. В большей степени прослеживается связь утопии и антиутопии с действительностью, с отношением к политической системе, идеологии, которая может насаждаться в массовом сознании. Утопия и, как следствие, антиутопия становятся популярны вследствие недовольства действительностью. Такую связь мы наблюдаем в романах «Башня» У. Телькампа и «Крузо» Л. Зайлера.

3.3 Наследие И.В. Гете и Т. Манна в художественной практике

У. Телькампа

У. Телькамп описывает жизнь «просвещённого бюргерства» в ГДР, наполняя повествование многочисленными аллюзиями на классическую немецкую литературу. Писатель продолжает традиции И. Гёте, Э. Т. Гофмана, Г. Гессе, Т. Манна. Основная идея романа «Башня» связана с образом Общества Башни в романе И.В. Гете «Вильгельм Мейстер» (“Wilhelm Meisters Lehrjahre”, 1796), а также она отсылает читателя к романам Т. Манна –

«Волшебная гора» (“Der Zauberberg”, 1924) и «Будденброки. История гибели одного семейства» (“Buddenbrooks: Verfall einer Familie”, 1900). Проблематика романа «Башня», как и романов «Годы учения Вильгельма Мейстера», «Волшебная гора» и «Будденброки. История гибели одного семейства», носит общечеловеческий характер.

3.3.1 Традиции романа воспитания

«Педагогическая провинция» – это название первой книги романа «Башня». Это роман, сочетающий традиции немецкой литературы XIX и XX вв. и написанный в жанре романа воспитания (Bildungsroman)³⁵⁰. Роман воспитания зародился в Германии и предполагает изображение и исследование морального и психологического развития главного героя. Классический образец этого жанра – произведение И.В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (“Wilhelm Meisters Lehrjahre”, 1796). Т. Манн развивает первоначальную форму воспитательного романа в «Волшебной горе» (“Der Zauberberg”, 1924). Роман «Игра в бисер» (“Das Glasperlenspiel”, 1942) – одна из модификаций немецкого воспитательного романа, новая его форма, где образ Касталии не конкретизируется, тем самым автор дает возможность читателю фантазировать. Это и философский трактат, и роман-предостережение, в финале которого главный герой уходит из жизни.

В романе «Башня» в рамках жанра воспитательного романа представлено взросление и становление главного героя, описано разнообразие сложных взаимоотношений в жизни Кристиана, учитываются социально-культурные условия и историческое время. Однако автор соединяет несколько форм жанра – как традиции И.В. Гете, так и традиции Т. Манна.

³⁵⁰ Leier N. Wendeliteratur – Literatur der Wende? Der Mauerfall in ausgewählten Werken der deutschen Literatur // Deutschlehrertag der Académie Montpellier. 2010. – S. 12–13.

«Педагогическая провинция» У. Телькампа (как у И.В. Гете и Г. Гессе) – это воплощение авторских взглядов на воспитание личности. Этот образ ближе к идеям И.В. Гете и строится как изолированная от внешнего мира закрытая сфера, где молодые люди развивают свои способности, опираясь именно на индивидуальные интересы. Однако в романе У. Телькампа у «Педагогической провинции» несколько прочтений. Это, с одной стороны, социальная утопия, построенная по аналогии с представлениями И.В. Гёте и Г. Гессе, но, с другой стороны, это описание системы воспитания в ГДР. Между этими разными подходами в воспитании показана существенная разница, которая влияет на становление личности главного героя романа – Кристиана. Он воспитывается в системе традиционных бюргерских ценностей (У. Телькамп развивает здесь первичную форму романа воспитания И.В. Гете), а также значительное влияние на него оказывает государственная система воспитания (влияние романа Т. Манна «Волшебная гора»). Подход к воспитанию у данных двух систем абсолютно противоположный – классическое воспитание строится на индивидуализме, а социалистическое – на коллективизме.

Кристиан Хоффман, как и Вильгельм Мейстер, не замыкается в мире иллюзий, далёком от действительности, но и не отказывается от своих идеалов, он продолжает стремиться к прекрасному, но при этом подвергается испытаниям со стороны государственной системы воспитания. Вильгельм выбирает профессию врача, где он обладает подлинным талантом, идет по пути своего призвания. Кристиан также должен стать врачом, но эту профессию он выбирает не сам, это его долг – пойти по стопам отца. Главное, что объединяет образы Кристиана и Вильгельма – стремление к искусству. Кристиан играет на виолончели, занятие музыкой становится основой гармоничного развития. Именно искусство – первооснова для становления личности – эту идею И.В. Гете развивает У. Телькамп. «Если мы желаем дать человеку воспитание, то, прежде всего, должны узнать, куда влекут его наклонности и желания. Затем надо дать ему возможность следовать своим наклонностям и удовлетворять желания, дабы человек, заблудившись, вовремя мог осознать свои заблуждения, а попав на истинный путь, с особым рвением и

усердием продолжал развиваться в свойственном ему направлении».³⁵¹ И. Гёте анализирует идею воздействия искусства на индивидуальную и неповторимую личность, соединяя её с идеей воспитания коллективного сознания, чувства общечеловеческого единства. У. Телькамп, наоборот, противопоставляет эти идеи. Следовательно, рассматривая жанровую природу романа «Башня», необходимо учитывать и второе направление «Педагогической провинции».

Роман «Башня» завершается неожиданным поворотом в истории, когда ломается навязанный миру «башенников» мир социализма и главный герой оказывается перед новым этапом в своей жизни. Подобный открытый финал и в произведении И. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», когда главный герой вступил в Общество Башни и отправился в путешествие в поисках своего призвания. Как и в традиционном романе воспитания, повествование У. Телькампа завершает на мажорной ноте. Поле многочисленных испытаний Кристиан начинает понимать себя, теперь он на пороге взрослой полноценной жизни и открыт новому миру объединенной Германии, что нельзя сказать о других «башенниках», которые всё это время были статичны и не развивались духовно.

Кристиан развивается в духе бюргерских традиций вопреки воспитательной системе ГДР. Аналогично прочтение «Волшебной горы» – это своего рода антивоспитательный роман (в широком понимании). В отличие от классической немецкой традиции Ханс Касторп «не учился у жизни, а “воспитывался” вопреки захватившему ее “тупоумию”».³⁵² Мироощущение главного героя формируется вопреки внешним обстоятельствам, окружающему его социуму. Пространство в романах («Волшебная гора», «Башня») – замкнутое. Это необычная и интересная среда, где развиваются главные герои. Внутренние законы, управляющие миром санатория или обществом башенников, раскрываются постепенно, по мере того как их открывают для себя главные герои. Обыкновенный герой попадает в необычное место. Писатели придают социально замкнутой среде, в которой находятся их герои, символическое значение: идейные

³⁵¹ Гете И. В. Собр. соч.: Т. 8. М., 1979. – С. 226

³⁵² Павлова Н. С. Типология немецкого романа (1900-1945): монография. М.: Наука, 1982. С. 46

споры и многообразные испытания, выпадающие на долю героев (Ганса Касторпа и Кристиана), могут побудить их к дальнейшему развитию, в результате которого они придут к важным выводам. Авторы не дают конкретного ответа на вопрос о смысле жизни. Герметически замкнутая среда позволяет писателям лишь в той мере обращаться к действительности, в какой она дана им как писателям в качестве живого опыта в пределах относительно ограниченной сферы жизни.

У Телькампа синтезирует классическое понимание романа воспитания с идеями Т. Манна. Писатель продолжает идею избавления человека от призрачного существования, с помощью чего и выражается педагогический элемент.³⁵³ Однако воспитательные принципы «башенников» и воспитательная система государства, по мнению У. Телькампа, не совершенны по отдельности. В финале романа Кристиан становится духовно развитым и приспособленным к жизни именно благодаря синтезу двух начал воспитания.

Таким образом, воспитательный роман в понимании У. Телькампа выходит за рамки традиционного определения, как и в творчестве Т. Манна: «Суть героя и всей его истории, считает Манн, заключается не столько в обретении какой-то практической жизненной позиции, сколько во внутреннем росте и своеобразном превышении самого себя. Читатель видит интеллектуальное «опрощение» героя: в начале романа он зауряден, обычен, простоват».³⁵⁴ Ганс Касторп приезжает погостить в Давос и вместо предполагаемых трех недель остается на семь лет. Лишь «удар грома», начало войны, освобождает его от власти чар. Он остается, потому что его завораживает атмосфера санатория – сочетание безделья, постоянной занятости и свободы от ответственности. Писатель оставляет своего героя «здесь наверху», потому что он превращает замкнутый мир санатория и его окружения в педагогическую провинцию, где может учиться и расти его герой. Так же поступает У. Телькамп, но в рамках современной действительности.

Примечательно, что сам Т. Манн не относит свое произведение только к «воспитательному роману». В докладе о романе «Волшебная гора» 1939 года

³⁵³ Там же. С. 129

³⁵⁴ Кургинян М. Романы Томаса Манна (формы и метод). М., «Худож. Лит.», 1975, С.162–211

писатель подчеркивает, что «роман этот не может быть просто отнесен к “роману воспитания”. Он вписал более широкую и дальнюю традицию, представ, в сущности, сублимированным и облагороженным мыслью вариантом романа приключений».³⁵⁵ «Роман приключений», в свою очередь, он определяет не только как плутовской, но и как рыцарский, близкий к «Сказаниям о святом Граале». Именно «дух искательства» сближает роман XIX и XX веков со средневековой романной традицией, где герои ищут новые истины о нравственной стойкости человека. Синтез разных жанровых форм – особенность и романа «Башня». Это и роман воспитания, и интеллектуальный роман, и своего рода автобиография.

3.3.2 Идеи просвещенного бюргерства

Во введении к роману «Волшебная гора» (*Der Zauberberg*, 1924) Т. Манн обозначает несколько важных моментов, на которые стоит обратить внимание в процессе исследования романа У. Телькампа «Башня». Во-первых, роман «Волшебная гора» – очень немецкая книга, которая затрагивает проблемы актуальные исключительно для немецкой интеллигенции, а не для широких масс. Во-вторых, этот роман необходимо читать в контексте всего творчества Т. Манна, учитывая идейную составляющую предыдущих и параллельно написанных работ – «Будденброки» (*Buddenbrooks: Verfall einer Familie*, 1900), «Смерть в Венеции» (*Der Tod in Venedig*, 1912), «Размышления аполитичного» (*Betrachtungen eines Unpolitischen*, 1918), «О немецкой республике» (*Von deutscher Republik*, 1923), а также будущего цикла об Иосифе (*Joseph und seine Brüder*, 1926–1943). В-третьих, на композицию и структуру романа «Волшебная гора» оказало влияние искусство Р. Вагнера – музыкальная символика пронизывает весь роман и составляет комплекс идей, взаимосвязанных

³⁵⁵ Манн Т. Собр. соч. Т. 9 – М: Гослитиздат – 1959 – С. 170

именно по законам музыки. И, наконец, лейтмотив времени – это и исторический роман, и роман, пронизанный символикой времени.

У. Телькамп развивает данные идеи, образы, мотивы в романе «Башня», на чем мы более подробно останавливаемся в предыдущей главе. На данном этапе исследования стоит провести детальный анализ именно образа «башенников» как представителей немецкой интеллигенции, «просвещенного бюргерства», как замкнутого мира, в котором находится главный герой. Писатель показывает, как человек пытается найти своё место в меняющемся мире, создают образ «заблудшего интеллигента». Кристиан, главный герой романа «Башня» продолжает образ героя Т. Манна – Тонио Крёгера: «Когда Кристиан шел по скудно освещенным, пахнувшим снегом и бурым пеплом улицам, ему, как будто он сам Тонио Крегер, было не совсем спокойно, потому что он не был сыном штайнлейнских любекских патрициев» (*“Wenn Christian durch die spärlich beleuchteten, nach Schnee und Braunkohleasche riechenden Straßen ging, war ihm, als wäre er selbst Tonio Kröger, nicht ganz stilrein freilich, denn er war nicht der Sohn von steifleinen Lübecker Patriziern“*).³⁵⁶ Портреты Кристиана Хофмана и Тонио Крёгера имеют общие черты – это два молодых человека, которые мечтательно и робко смотрят на мир и неуверенные в себе. Их объединяет любовь к музыке, одиночество и непонимание в кругу ровесников и сложные отношения в семье: всё понимающая и принимающая мать и суровый, требовательный отец. Определение, которое даёт Тонио Крёгеру его друг, художница, Лизавета Ивановна: «Вы бюргер на ложном пути, Тонио Крёгер! Заблудший бюргер...»³⁵⁷ – подходит и к образу Кристиана. Он находится «между двумя мирами», между приверженцами ГДР и «башенниками», «новыми» социалистами и «старыми» бюргерами.

Так же, как роман Т. Манна «Будденброки», роман «Башня» воссоздаёт историческую картину немецкого общества и приобретает значение культурно-исторического документа. В обоих произведениях описана частная жизнь на фоне истории, и повествование об одной семье приобретает

³⁵⁶ Vortrag von Nicole Leier. Wendeliteratur – Literatur der Wende? Der Mauerfall in ausgewählten Werken der deutschen Literatur. - Deutschlehrertag der Académie Montpellier am 20. Januar 2010. – 12-13 S.

³⁵⁷ Манн Т., Тонио Крёгер//Электронная библиотека ЛитМир [Электронный ресурс]

обобщающий смысл, появляется новое понимание времени – «писатель – свидетель не только конца одной эпохи, но и наступления новой».³⁵⁸

Как уже было сказано выше, «башенники» стагнируют в романе У. Телькампа. Писатель изображает символический побег «просвещённого бюргерства» из навязанного социализма в собственную «волшебную гору», где они словно находятся в мире сновидений до ноября 1989 года. В романе «Башня», таким образом, использована художественная модель, которую воплощает в романе «Волшебная гора» Т. Манн, – группа отдельных людей посвящает свою жизнь размышлениям, далёким от реальной жизни. Интеллигенция, изображённая в образе «башенников» заражена «сладкой болезнью Вчера», против которой никто из медицинских специалистов, изображенных в романе, не знает противоядие. Ганс Касторп и Кристиан Хоффман в финале вырываются из мира иллюзий и передают ощущение готовности столкнуться с реальной жизнью и ее проблемами.

Таким образом, создавая в романе «Башня» мир «просвещенного бюргерства», У. Телькамп синтезирует два ключевых лейтмотива творчества Т. Манна – один из романа «Будденброки» (выражение идей бюргерства, семейная сага на фоне истории), а другой – из романа «Волшебная гора» (приватное пространство, настроение немецкой интеллигенции перед переломными в истории событиями).

Санаторий Бергхоф Т. Манна и район башенников У. Телькампа – это атмосфера беззаботности, в которой человек становится непригодным для жизни. Однако, если в романе «Волшебная гора» показана жизнь санатория накануне глобальных перемен, то в романе «Башня» описано время перемен, непривычное для образа жизни «башенников», в котором они уже не могут жить, не зная цены времени. В связи с чем и возникает образ «сладкой болезни “вчера”» (“*die süße Krankheit Gestern*”). Болезнь Будденброков – это декаданс, от старого Иоганна до молодого Ханно семья становится все более нежизнеспособной, но зато более чувствительной, деликатной и более склонной к искусству.

³⁵⁸ Дирзен И., Эпическое искусство Томаса Манна. Мировоззрение и жизнь, М., Прогресс, 1981. С. 128

Центральными для романа «Будденброки» являются два мотива: декадентский мотив и конфликт между бюргерством и искусством, который разгорается, прежде всего, между Ханно и его отцом. Единственная сила Ханно – это музыка, которую он, как и его мать, любит больше всего на свете. Он получает уроки фортепиано и вскоре выделяется особым талантом и незаурядным даром импровизации. Настроение декаданса особенно проявляется в фигуре Ханно – Ханно слаб, задумчив, но в то же время фантастичен и музыкален. В его любви к музыке раскрывается его глубокая неприязнь к купечески-буржуазной жизни его отца. У. Телькамп так же изображает конфликт детей и отцов – Кристиан и Рихард не сходятся во взглядах на жизненные цели и принципы, сын не хочет идти по стопам своего отца и живет в своем фантастическом мире, играет на виолончели и предпочитает общество своего дяди, писателя. «Будденброки» и «Башня» – это романы, где все важные события разыгрываются внутри семьи, а за ними происходят внешние события. Главное, на что стоит обратить внимание, что семья распадается как в романе Т. Манна, так и в романе У. Телькампа. Рихард изменяет Анне, у него есть другая женщина и ребенок. Таким образом, мы можем спроецировать распад семьи на весь бюргерский уклад. То, что кажется вначале идеальным – традиции, ценности, дух порядка, нежизнеспособно в реальном мире. В финале романа «Башня» происходит активизация человеческой личности, социально-духовное развитие Кристиана, который, в отличие от Ханно, преодолевает замкнутый мир, как это сделал Ганс Касторп в романе «Волшебная гора».

Творческий метод У. Телькампа – прямое продолжение традиций немецкого классического искусства. Роман «Башня» стоит в русле немецкой интеллектуальной традиции. Творчество У. Телькампа и Т. Манна объединяет модель художественного мира – на примере истории семьи показаны проблемы переходных периодов в истории.

Выводы

Компоненты немецкой ментальности, которые выявлены в романах У. Телькампа «Башня», Л. Зайлера «Крузо» и в повести Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» и проанализированы во второй главе данного исследования, относятся не только к литературе «поворота», но и к немецкой литературной традиции в целом, что подтверждает преемственность проблемы поиска немецкой идентичности и нерушимость при этом немецкой ментальности в немецкоязычной литературе.

Намечая вектор дальнейшего изучения специфики *Wendeliteratur*, на данном этапе следует отметить, в первую очередь, прочную связь произведений литературы «поворота» с немецкой литературной традицией. Например, современные авторы продолжают тему противопоставления образов «буржуа» и «бюргера» (скептическое отношение к «буржуазной» системе ценностей). Кроме того, среди основных жанровых элементов литературы «поворота» можно выделить элементы утопии и антиутопии, а также жанровые элементы романа воспитания (нем. *Bildungsroman*).

Заключение

В рамках данного исследования можно сделать вывод, что национальная идентичность – это изменчивая модель самоидентификации человека конкретной нации, которая формируется и развивается под влиянием творческой и общественно-политической интеллигенции и утверждается большинством в национальном коллективе. Инструменты трансформации национальной идентичности – это культура памяти (отвечает на вопрос, как следует помнить, и трансформируется, в свою очередь, под изменением мемориальной памяти), культурная/коммуникативная память (отвечает за преемственность), историческая память (то, что мы не должны забывать). Все эти компоненты составляют коллективную память, которая является фундаментом самоидентификации. Материал, который обрабатывается, выбирается, интерпретируется и запоминается – это история.

Вопрос, что такое немецкая идентичность, занимает многих отечественных и зарубежных исследователей уже на протяжении длительного времени, а прошлое разделенной Германии все еще продолжает напоминать о себе.

В первую очередь, на длительное формирование немецкой идентичности повлияло состояние раздробленности государства до 1871 года. 1945 год – значительная цезура в самоидентификации немцами. С 1945 года динамика становления немецкой идентичности носит нелинейный и более сложный характер. Проблема обостряется различным восприятием 1945 года в общественном сознании как в ГДР и ФРГ, так и внутри ФРГ. В ГДР это был компонент идеологии, а в ФРГ – часть культурно-исторического анализа. С одной стороны, одна часть населения старалась вытеснить подобное прошлое из памяти, а с другой стороны, в ФРГ были сторонники интеграции событий времен Третьего Рейха в коллективную память. В итоге элементом национальной идентичности становится именно интеграция, в связи с этим один из современных немецких национальных кодов – «одержимость прошлым». Вопреки распространенной поверхностной интерпретации данного кода «одержимость прошлым» не

отождествляется с «дегероизацией» своего прошлого немцами. Вместе с упоминанием данного кода стоит подчеркнуть ещё один немецкий национальный код, который выделял Ф. Ницше, – умение повиноваться, не унижая себя. «Одержимость прошлым», таким образом, позволяет немцам развиваться и двигаться вперед, учитывая ошибки прошлого.

В самом названии “Deutschland” (страна народов) очевидна ориентация на народность, соответственно немцам свойственная этнокультурная модель самоидентификации (Kulturnation). Вспомним определение Германии Х. Плеснера – это «запоздавшая нация» (нем. Die verspätete Nation). С развитием государственной идеи в мировом сообществе преобладает не этно-культурно-историческая модель, свойственная идентичности Германии, а модель государства-нации (Staatsnation) – это модель и Франции, и Великобритании, которые исторически являются антиподами Германии. Это ключевая причина появления и развития проблемы поиска себя. В контексте противопоставления данных моделей развивается и конфликт «бюргер/буржуа» (разбирая немецкую национальную модель на составляющие ее константы,³⁵⁹ мы утверждаем, что яркий носитель немецкой национальной идеи – это образ бюргера). Мультикультурализм и глобализация на некоторое время изменили ситуацию – но тенденция наднациональной идеи изменяется, и национальный вопрос вновь становится актуальным.

Германия – страна с необозримым литературным горизонтом. Анализ произведений объединенной Германии и их взаимосвязи, а также связи с творчеством немецких классиков позволяет понять, насколько различными могут быть отправные точки, с которых можно взглянуть на современность – на то, какова она есть, была или будет.

После Второй мировой войны разделение и дальнейшее объединение Германии стало причиной обострения вопроса о целостности немецкой идентичности. Ценностная модель в Западной и Восточной Германии была не

³⁵⁹ Консерватизм, внутреннее противоречие, внутренняя жизнь (Innerlichkeit), тоска (по родине, по дому “Sehnsucht”), преданность себе и своей самобытности, самоирония, ирония, самокритика, гипертрофированное трудолюбие, гордость, стремление к порядку (Ordnung), перфекционизм,

просто разной, а строилась на противостоянии. Значительное место в формировании образов “Ossi” и “Wessi” занимала государственная пропаганда двух идеологий. Например, в Музее Берлинской стены есть информация о том, что во время существования ГДР и ФРГ жители Восточной Германии стремились уехать на Запад, шли на многочисленные жертвы, рисковали жизнью, строили грандиозные планы по проникновению в западную часть Германии. Однако не только государство, но и творческая интеллигенция занимает значительное место в формировании и трансформации коллективной памяти. Так же, как «Группа 47» после Второй мировой войны смогла обратить внимание читателей на проблемы нацистского прошлого и проблемы становления демократии в ФРГ, так и писатели объединенной Германии начинают поднимать новые актуальные проблемы.

В литературе объединённой Германии прочитывается сожаление о прошедшем времени и жизни в ГДР. К. Вольф, Й. Шпаршу, Ю. Фергау описывают проблему крушения идеала вместе с Берлинской стеной. Не случайно Г. Грасс в романе «Необъятное поле» создает образ восточного немца, который обладает большей душевностью, открытостью, глубиной чувств в отличие от жителя Западной Германии. Жители Востока в литературе объединённой Германии постоянно рефлексируют, размышляют, наблюдают и делают выводы. Деятельные “Wessi”, постоянно устремлённые вперёд, любознательные, предприимчивые не обладают таким богатым духовным миром, как “Ossi”.

Литература всегда стремится осмыслить происходящее, поэтому в немецкоязычной литературе в связи с событиями второй половины XX века начинает формироваться целый раздел, “Wendeliteratur” (литература «поворота»), главными героями которого являются в основном именно восточные немцы и сама Германская Демократическая Республика. В программных произведениях литературы «поворота» отражается конфликт двух идеологий, воплощенных в образах “Ossi” и “Wessi”. Как уже было сказано выше, “Ossi” свойственна восточная модель поведения, а “Wessi” – западная. Это

стереотипы, которые за короткий срок появились, в первую очередь, в СМИ, а затем закрепились в коллективной памяти.

Большинство Wende-романов описывают “Ossi”, который после падения стены ощутил личностную катастрофу (Й. Шпаршу «Комнатный фонтан»/Der Zimmerspringbrunnen, 1995, Я. Хензель «Дети зоны»/Zonenkinder, 2002). Произведения, избранные нами для анализа, выходят за рамки стереотипного мышления – они показывают героев с более глубокой и сложной ценностной парадигмой, не поддающейся однозначному прочтению. Герои отличаются от стандартных образов “Ossi” – это сложные и противоречивые характеры, которые олицетворяют менталитет уже объединённой Германии. В романах «Башня» У. Телькампа и «Крузо» Л. Зайлера история Кристиана Хоффмана и Эдгара Бэендлера продолжается после 1989 года благодаря падению стены. Они не становятся частью системы ГДР, но и не остаются в утопическом мире, каждый из них находит себя, в отличие от приверженцев старых/иллюзорных ценностей, и готов развиваться дальше уже в едином государстве. Мир «башенников» и жителей о. Хиддензе был обречен на гибель, как и мифическая Атлантида, остров-государство, поглощённое морем во время землетрясения. Подобное восприятие действительности становится причиной обострения проблемы поиска себя и своей целостности, в том числе как нации (сформулированной в немецкой литературе ещё в конце XVIII – начале XIX вв.).

Проблема восприятия идеологии, тема поиска себя, в связи с этим – идея отказа или, наоборот, возвращения к традициям, мотив разрушения привычных форм жизни, проблема сознательного ухода от действительности – всё это отражает литература. Стоит отметить, что авторы не ставили перед собой цель – передать исторические события, описанные в произведениях, точно и достоверно. Для них это «фон», социальные условия, которые помогают раскрыть характеры, показать героя. У. Телькамп и Л. Зайлер, как и Т. Манн в своих романах, с помощью семейной драмы, частной истории показывают собирательный образ интеллигенции, Ф.К. Делиус создаёт собирательный образ крестьянства.

Писатели (У. Телькамп, Л. Зайлер, Ф.К. Делиус) наполняют повествование многочисленными аллюзиями на классическую немецкую литературу (И.В. Гете, Т. Фонтане, Т. Манн). Сравнительно-культурологический анализ реминисценций дает более полное представление о том, как меняется немецкий менталитет и какие национальные компоненты при этом остаются неизменными. На основании избранных произведений можно выделить основные черты, которые занимают центральное место в немецкой идентичности уже после объединения Германии, а также те черты, которые могли за период разделения страны трансформироваться. В итоге складывается общее представление о немецком менталитете. Например, мы видим фундаментальный образ бюргера в социальных условиях, которые, несмотря на разницу во времени, сопоставимы.

После объединения Германии герои не утратили «перфектность», «самобытность» и «рефлексивность». Они обладают такими чертами, как консерватизм, порядочность, гипертрофированное трудолюбие, добавляется к этому отрицание бездумного потребления (отразился негативный опыт капитализма), желание свободы – выражается в стремлении к экономической независимости. У. Телькамп и Л. Зайлер – писатели Восточной Германии, Ф.К. Делиус – писатель Западной Германии, но их героям одинаково далека идеология Запада. Г. Грасс – западный немец, но также выражает критику потребительского образа жизни, например, в романе «Мое столетие» (*Mein Jahrhundert*, 1999). «Башенники» в романе «Башня» скорее выберут старые ценности и традиции бюргерства, рассказчик в повести «Груши Риббека» принимает дворянство, а «потерпевшие крушение» в романе «Крузо» – созданную ими самими утопию острова.

Необходимо учитывать, что писателей с «западногерманским» прошлым такие события, как разделение и дальнейшее объединение Германии не интересуют в качестве источника произведений. Их творчество в большей степени акцентирует внимание на последствиях национал-социализма, а также появляется образ «поколения 1968». Переосмысление восприятия Западной и Восточной Германии принадлежит авторам именно из Восточной Зоны (за многочисленным исключением, к которому можно, например, отнести

Ф. К. Делиуса). Образ ФРГ читается более линейно – это мир, о котором во время разделения страны мечтали восточные немцы, а после её объединения – наступило разочарование (Г. Грасс «Мое столетие», Й. Шпаршу «Комнатный фонтан», сборник рассказов «Минуя границы»). Трактовка образа ГДР при этом имеет более сложные вариации.

В первую очередь, это связано с тем, что после объединения Германии осмысление феномена ГДР становится полем политической битвы, что отражается в литературе. В зависимости от конкретной личности писателя, его опыта переосмысление носит разный характер. Каждое произведение не сводит определение ГДР к одной данности. Литература, таким образом, допускает сосуществование нескольких трактовок того, чем было прошлое Восточной Германии.

ГДР воспринимается, например, через призму «остальгии», возникает чувство светлой грусти о том, что очень импонировало, но уже прошло. «Остальгический» мотив проходит через романы И. Шульце «Адам и Эвелин» (Adam und Evelyn, 2007), «Новые жизни» (Neue Leben). Роман «Адам и Эвелин», где образ Восточной Германии ассоциируется с потерянным раем, стал номинантом Немецкой литературной премии. Попытка сохранить подлинную историю ГДР сделана в романе А. Грешнер «Мороженое Московское» (Moskauer Eis, 2000).

В то же время в литературе отражается позиция беспощадной критики прошлого ГДР. «Остальгия» сменяется полным отрицанием и осуждением Восточной Германии, появляется негативная характеристика государства, которому была присуща тоталитарная политика, режим диктатуры, отсутствие свободы слова. Критикуется практически всё, начиная от политики Штази, культуры доносительства и заканчивая установкой коллективизма.

Подобное восприятие объясняется тем, что объединенная Германия становится результатом превосходства идеологии Запада над идеологией Востока. «Партнерский» союз превращается в иллюзию, и в реальности – экономически более успешное государство поглощает государство-банкрота. При этом на ментальном уровне воссоединение претерпевает сложности, поэтому

развивается и укрепляется политика идеологического обоснования неизбежности краха ГДР. Образ нации всегда формируется через противопоставление, которое не всегда должно основываться на формальных границах государства. В случае с Германией после 1990 года происходит попытка создать единство нации через конфликт «немцев» с «бывшими представителям ГДР».

Национальная идентичность ГДР начинает характеризоваться как искусственно созданная, просуществовавшая, таким образом, сравнительно короткий срок. В связи с этими характеристиками в литературе появляется тема «художественного проекта», «гигантской кулисы» ГДР, где люди оказываются марионетками, не способными найти собственный путь. Персонажи вынуждены играть определённые роли, чтобы остаться на подмостках ГДР – скрывать истинные чувства, эмоции, мысли за маской. Герой либо отождествляется с маской, теряя своё собственное «я», либо обретая себя, рискует оказаться изгоем (Я. Хензель «Дети Зоны»/Zonenkinder, 2002, И. Шульце «Адам и Эвелин»/Adam und Evelyn, 2008, Л. Зайлер «Крузо», У. Телькамп «Башня»). Идеология стран Запада оказала значительное влияние на восприятие образа ГДР. В политологии существует мнение, что государственный переворот в Восточной Германии в 1989 году был первой из восточноевропейских «цветных революций» («Берлинский дневник (1989–1992 гг.) Из записок дипломата»³⁶⁰).

Роман У. Телькампа «Башня» – это один из ярких литературных примеров, где ГДР и её приверженцы подвержены критике. Однако, исходя из того, что на У. Телькампа оказало влияние творчество Т. Манна, необходимо учитывать несколько планов романа. Образ ГДР, описание бюрократической машины, мотив отсутствия свободы, элементы тотальной слежки – это «передние» планы, не самые существенные, в известной мере скрывающие суть содержания. Для этого романа, как и для романа «Волшебная гора» Т. Манна, характерен именно второй план. Сквозь фабульную «поверхность» необходимо рассмотреть более значительные детали, а именно – становление главного героя, его мироощущение. Кристиан не осуждает государственный строй

³⁶⁰ Максимычев И. Ф., Берлинский дневник (1989–1992 гг.). М.: РАН, 2019. – С. 59

ГДР, он не склонен к политическим дискуссиям, он находится в процессе поиска себя, своего призвания, и этот персонаж традиционен для немецкой литературы. На передний план романа выводится другая проблема – проблема идеологии. Идеологический спор, в свою очередь, неразрешимый в контексте современной действительности. Проблема поиска своей идентичности, таким образом, не является новой, а является историческим наследием немецкой литературы и обостряется в эпоху перемен. Это один из ключевых элементов немецкой нации, склонной к рефлексивности, созерцанию, порядку и осмыслению действительности.

Образ города в литературе «поворота» является микропроекцией Германии – он делится авторами на две части, которые противопоставляются друг другу. Если Берлин, излюбленное место действия большинства произведений *Wendeliteratur*, в буквальном смысле разделен стеной, то Дрезден разделяется образно. Противопоставляются друг другу мировосприятие жителей Дрездена, а также архитектура противоположных районов. Район приверженцев ГДР наполнен артефактами государственного строя (красный цвет, однотипные постройки), район «башенников» отличается пышностью домов, построенных в стиле барокко. А также само описание районов различно – если повествование о районе «башенников» наполнено разнообразными фигурами речи, то, описывая район приверженцев ГДР, писатель придерживается нейтрального стиля.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что процесс формирования немецкой идентичности не является монологичным и однонаправленным. Германия не потеряла себя как государство и как нация, она продолжает развиваться и занимать передовые позиции в сфере политики, культуры и экономики. Проблема столкновения идеологических взглядов Западной и Восточной Германии ошибочно подменяется проблемой потери целостности немецкой идентичности. Основным конфликт *Wendeliteratur*, который лежит на поверхности, – это противостояние “Ossi” и “Wessi”, ключевой лейтмотив – настроение «остальгии», поэтому в центре внимания писателей – образ ГДР, который часто сравнивается с мифической Атлантидой.

Современная немецкая идентичность основывается на пережитом опыте разделенного государства. Однако благодаря сильной культурной традиции она не потеряла своё единство и не претерпела разрушение. Немец, по своей сути, находится в перманентном поиске себя, а немецкая идентичность исторически строится на противоречии – в этом её исключительность. Предпосылкой очередной трансформации немецкой идентичности является адаптация к реалиям времени.

Данная работа по объективным причинам не смогла вместить анализ всего корпуса текстов объединённой Германии, поэтому перспективным представляется дальнейшее исследование литературы объединённой Германии немецкоязычных авторов. Исследование носит фундаментальный характер и при дальнейшем поиске ответа на вопрос, что такое «немецкость» сейчас, требует изучения идеологических основ, свойственных современной Германии.

Библиография

Тексты и источники:

1. 1989. Десять историй, которые прошли сквозь стены / Дидье Дененкс [и др.]. – М.: КомпасГид, 2009. – 96 с.
2. Бедный Генрих. Перевод со средневерхненемецкого Л. Гинзбурга. — Средневековый роман и повесть. — Москва: Художественная литература, 1974 (Библиотека всемирной литературы. Серия первая). — С. 581–616.
3. Бёлль Г. Я сопричастен времени... : эссе, лекции, выступления, интервью; [составитель Н.И. Лопатина; предисловие Е.А. Кацевой]. – М.: Центр книги Рудомино, 2017. – 432 с.
4. Вольф К. Избранное. – М.: Художественная литература, 1979. – 550 с.
5. Вольф К. Кассандра. Медя. Летний этюд / К.Вольф. – М.: Олимп, АСТ, 2001. – 448 с.
6. Гёте И. В. Собр. соч.: [в 10 т.] / Т. 8 Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся (1829) / И. В. Гёте; пер. с нем. С.Ошерова. – М.: Худож. Лит., 1979. – 459 с.
7. Гете И. В. Страдания юного Вертера : Роман. 1774] / Вольфганг Гете ; Пер. И. Б. Мандельштама, ред. и предисл. А. Г. Горнфельда. - Петроград ; Москва : Гос. изд-во, 1922. – 132 с.
8. Грасс Г. Моё столетие: [роман]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 350 с.
9. Данте А. Божественная комедия. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
10. Деблин А. Берлин Александрплац. История о Франце Биберкопфе. – М.: Ландомир: Наука, 2011. – 634 с.
11. Дефо Д. Робинзон Крузо. – СПб.: Лениздат, 2014. – 319 с.
12. Зайлер Л. Крузо. – М.: Текст, 2016. – 412 с.
13. Камю А. Миф о Сизифе. – М.: АСТ, 2011. – 224 с.
14. Кант Г. Остановка в пути [Текст]: Роман / Пер. с нем. И. Каринцевой и С. Шлапоберской; Предисл. К. Симонова. - Москва : Прогресс, 1979. - 523 с.
15. Манн Т., Будденброки: История гибели одного семейства: Роман / Томас Манн; [Пер. А. Мовсес]. – Ереван: Советакан грох, 1986. – 699 с.

16. Манн Т. Введение к «Волшебной горе»: доклад для студентов Пристонского университета // Волшебная гора. Роман. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 972–988.
17. Манн Т. Волшебная гора: / Томас Манн; [пер. с нем. В. Станевич, В. Куреллы]. – М.: АСТ, 2015. – 925 с.
18. Манн Т. Размышления аполитичного / Томас Манн; [пер. с нем. Е.В.Шукшиной]. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 544 с.
19. Манн Т. Собр. соч. : [в 10 т.] / Т. 9 О себе и собственном творчестве (1906–1964) / Т. Манн – М: Гослитиздат, 1960. – 683 с.
20. Манн Т. Собр. соч.: [в 10 т.] / Т. 9 История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа / Т. Манн – М: Гослитиздат, 1960. – 683 с.
21. Минуя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают; Пер. с нем. – М.: Текст, 2009. – 286 с.
22. Носсак Г.Э. Спираль. Дело д'Артеза. Рассказы и повесть. М.: Радуга, 1982. – 624 с.
23. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / [Соч.] Фридриха Ницше; Пер. с нем. Н. Полилова. – Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1907. – 145 с.
24. О Германии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков, под ред. А. С. Дмитриева, М., Изд-во Московского университета, 1980, С. 383–391
25. По Э.А., Золотой жук: [рассказы]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2011. – 382 с.
26. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения [Текст] : В 3 т. : Пер. с фр. / [Сост. и авт. вступ. статьи И. Е. Верцман] ; [Ил.: Е. Коган]. 3 т.; Т. 1: [Об искусстве и литературе] : [Поэзия]. [Драматургия]. [Философская сказка]. [Педагогический роман] / [Коммент. В. Я. Бахмутского и М. Г. Харлапа]]. – Москва: Гослитиздат, 1961. – 851 с.
27. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации/ И.Г. Фихте; пер. А.А.Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 349 с.
28. Франк Ю. На реках вавилонских / Ю.Франк. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2004. – 430 с.
29. Фрич Р. Штемпель в свободный мир // Журнал Иностранная литература. Берлин–Москва: история по памяти. – Москва : ИЛ, 2015, № 4. – С. 187–276.
30. Фюман Ф. Избранное: Сборник. – М.: Радуга, 1989. – 54 с.
31. Хайденрайх Э. Колонии любви / Э. Хайденрайх. – М.: Текст, 2002. – 221 с.

32. Шпаршу Й., Комнатный фонтан: [роман]. – СПб.: Амфора, 2004. – 224 с.
33. Штриттматтер Э. Тинко [Текст] : Книга для чтения на нем. яз. в 10-м кл. сред. школы : (По Эрвину Штриттматтеру) / Обраб. П. Р. Биркан и Д. Б. Замчук. - 3-е изд., перераб. – Москва: Просвещение, 1976. – 96 с.
34. Шульце И., Адам и Эвелин [Текст]: роман / Инго Шульце; пер. с нем. Е. Ивановой. – Москва: Текст, 2011. – 313 с.
35. Шульце И. Simple Stories. Роман из жизни восточногерманской провинции / И.Шульце. – М.: AdMarginem, 2003. – 319 с.
36. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни [Текст] / пер. с нем. Наталии Ман; [вступ. статья Н. Н. Вильмонта; коммент. и указ. А. А. Аникста]. – Москва: Художественная литература, 1981. – 687 с.
37. Adorno T. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit (1959) // Erziehung zur Mündigkeit. Vorträge und Gespräche mit Hellmut Becker 1959-1969. – Frankfurt a. M. 1970. – S. 10–29, S. 13
38. Andreas-Friedrich R., Schauplatz Berlin. Ein deutsches Tagebuch. – München: Rheinsberg Verlag Georg Lentz, 1962. – 264 S.
39. Brussig Th. Helden wie wir / Th.Brussig. – Frankfurt a/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. – 325 S.
40. Delius F. C., Die Birnen von Ribbeck: [erzählung]. – Hamburg: Rowolt, 1993. – 79 S.
41. Gehrke B., Rüddenklau W., ...das war doch nicht unsere Alternative. DDR-Op-
positionelle zehn Jahre nach der Wende. – Münster: Westfälisches Dampfboot,
1999. – 18 S.
42. Grass G. Ein weites Feld. – Göttingen: Steidl, 2012. – S. 784
43. Grass G. Unterwegs von Deutschland nach Deutschland. – Göttingen: Steidl,
2009. – 255 S.
44. Gröschner A. Moskauer Eis. Leipzig: Gustav Kiepenheuer, 2000. – S. 250
45. Ostaijen P. van Verzamelde gedichten. Amsterdam, Prometheus/Bakker, 1996. – 611 S.
46. Seiler L. Kruzo: [roman]. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2014. – S. 480
47. Seiler L. Vierzig kilometer nacht. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2003. – 96 S.
48. Seghers A. Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Berlin: Akademie-Verl, 1970. – 344 S.

49. Nossack H. E., Pseudoautobiographische Glossen. – Frankfurt am Main, 1971. – 150 S.
50. Simon J., Rothe F., Andrasch W. (Hg.) Das Buch der Unterschiede. Warum die Einheit keine ist. – Berlin : Aufbau-Verlag, 2000. – S. 75–77
51. Tellkamp U. Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. – 973 S.
52. Ball H. Zur Kritik der deutschen Intelligenz, 336 S. [Электронный ресурс]
http://boerverlag.de/Ball_Kritik.html

Литература по теории и истории вопроса:

53. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. Ред. П.С. Гринцер. – М.: Наследие, 1994. – 512 с.
54. Андреюшкина Т.Н. Амбивалентный образ Берлина в немецкой поэзии второй половины XX века. Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: материалы V-й Международной научной конференции, 2015. С. 102–111.
55. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; [пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской]. – Москва: Кучково поле, 2016. – 413 с.
56. Анохина А. А., Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР (рубеж XX–XXI веков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Анохина Анастасия Андреевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта]. – Калининград, 2019. – 23 с.
57. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма / Н.П. Анциферов. – Ленинград: Сеятель, 1926. – 151 с.
58. Арентдт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арентдт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
59. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая

- политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
60. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
 61. Баринова Е. В. Жанровое своеобразие романа Томаса Манна «Волшебная гора» // Куляшовские чтения: материалы международной научно-практической конференции: в 2-х ч. / отв. ред. Л. Килевая. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. Ч. 1. С. 275-280.
 62. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]: Исследования разных лет / М. Бахтин. – Москва: Худож. Лит., 1975. – 504 с.
 63. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. С. 188–236.
 64. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 80-87.
 65. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.:Искусство, 1986. – 445 с.
 66. Библер В.С. Диалог культур: опыт определения // Вопросы философии. 1989. № 6. С.31-41.
 67. Бондарь И.А. Денацификация Германии в творчестве немецких писателей XX века // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2017. – № 2. – С. 59–68.
 68. Бондарь И.А. «Луковица памяти» Гюнтера Грасса как эготекст. // Проблемы полиграфии и издательского дела: научно-технический журнал. – М., 2013. – № 1. – С. 116–124.
 69. Бондарь И.А. Эго-текст и эго-документы в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2013. – № 6. – С. 107–115.
 70. Гаспаров М.Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 142–146.
 71. Гачев Г. Национальные образы мира. – КосмоПсихо-Логос. М., 1995. – 480 с.
 72. Германия. Факты / под ред. Д-р Арно Капплера, Адриане Гревель. – Франкфурт-на-Майне: Societäts-Verlag, 1993. – 492 с.

73. Городская цивилизация: методология, теория, практика: тр. конф. – М.: ВНИИ систем. исслед., 1991. – 90 с.
74. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Лия Гринфельд. – Москва : [ПЕР СЭ], 2008. – 527 с.
75. Грошева Г.В. К вопросу о периодизации процесса трансформации национальной идентичности в Германии второй половины XX в. (по материалам российской историографии) // Сибирские исторические исследования. 2014 №1. С. 33–48.
76. Гун Г. Е. Урбанистика и художественная культура города // Вестник ЧГАКИ. 2012. №1 (29). С.74–77
77. Давыдов Ю.Н. Интеллектуальный роман и философское мифотворчество // Вопросы литературы. – 1977. – № 9.
78. Данн О. Нация и национализм в Германии 1770–1990. / Отто Данн; Пер. с нем. И.П. Стребловой; [Послел.: Б.В. Марков]. – СПб.: Наука, 2003. – 468 с.
79. Дирзен И. Эпическое искусство Томаса Манна. Мировоззрение и жизнь. – М.: Прогресс, 1981. – 307 с.
80. Елина Н. Г. Данте [Текст]: Критико-биограф. очерк. – Москва: Худож. лит., 1965. – 200 с.
81. Елистратова, А. Английский роман эпохи Просвещения/А.Елистратова. – М.: 1966. – 476 с.
82. Западноевропейская литература XX века: учеб. пособие / В.В. Шервашидзе. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 272 с.
83. Зачевский, Е.А. Пути-перепутья немецкоязычной литературы XX века. – СПб.: Крига, 2017. – С. 528.
84. Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация и национальная концептосфера / В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. М., 2004. -Ч. 1.С.43.
85. Игнатьева Т. Ю. Эволюция концепта «свобода» в драмах Ф. Шиллера // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 5 (19). С. 7–15

86. Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман; [ред.-сост.: Е. А. Подшивалова и др.]; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск: [Ин-т компьютерных исследований.], 2006 (Ижевск : Ижев. полигр. комб.). – 551 с.
87. Ильин, В. Г. Город как концепт культуры: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / В. Г. Ильин. - Ростов н/Д, 2004. – 37 с.
88. История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы: Пособие для учащихся средних и старших классов школ, гимназий, лицеев, студентов, учителей / Сост. Бюлов И. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 688 с.
89. История зарубежной литературы XX века / под ред. Т.А. Шарыпиной. – М.: Высшая школа, 2009. – 315 с.
90. История литературы Германии XX века. Т. 1 1880–1945 в 2 кн. Кн.1., М.: ИМЛИ РАН, 2016. – 864 с.
91. История литературы ФРГ [Текст] / [И. М. Фрадкин, Л. М. Юрьева, Н. С. Павлова и др.; редкол.: И. М. Фрадкин (отв. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1980. – 867 с.
92. История литературы ГДР / [Х. Хаазе, Н. П. Банникова, Л. М. Юрьева и др.; Редкол.: А. Л. Дымшиц (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1982. – 543 с.
93. История литературы Германии XX века. Том 1. 1880-1945 гг. Книга вторая. Литература Германии между 1918 и 1945 гг. / Отв. редакторы-составители: Т.В. Кудрявцева, В.Д. Седельник. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 984 с.
94. История немецкой литературы [Текст] : В 5 т. / [Под общ. ред. Н. И. Балашова и др.] ; [Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького]. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1962-1968.
Т. 5: 1918-1945 / Редколлегия: И. М. Фрадкин и С. В. Тураев. – 1976. – 695 с.
95. Каган, М. С. Культура города и пути ее изучения / М. С. Каган // Город и культура: сб. науч. тр. – СПб., 1992. – С. 15-34
96. Кауганов Е.Л. Выставка «Преступления Вермахта» 1995-1999 гг. И ее вклад в немецкую культуру памяти о нацистском прошлом // ЖИСП. 2015. №3. С. 421–436
97. Кауганов Е. Л. Содержание и динамика немецкой национальной

- идентичности после Второй мировой войны (1945-2000-е гг.): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»; диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Кауганов Евгений Леонидович ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. – Москва, 2016. – 206 с.
98. Кафанова О.Б. Национально-культурные коды: дефиниции и границы // Филологическое образование: современные стратегии и практики. Сб. Научно-методических статей. СПб., 2011. Вып. 1. С. 284–293.
 99. Кельнер Х., Зофнер Х.-Г. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004. – С. 131-157
 100. Кениг Х. Будущее прошлого : национал-социализм в политическом сознании ФРГ / Хельмут Кениг; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. – М.: РОССПЭН, 2012. – 164 с.
 101. Колязин В. Ф. Краткие сведения о постановках : «Гамлет-машина» Хайнера Мюллера / “Hamlet-Maschine” // Мюнхенская свобода и другие пьесы. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 363.
 102. Коплстон Ф. История философии. XX век. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – 269 с.
 103. Костина А.В., Национальная культура – этническая культура – массовая культура: "баланс интересов" в современном обществе / А. В. Костина. – Москва: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", сор. 2008. – 214 с.
 104. Костина А.В. Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования / А. В. Костина. – Москва: URSS, 2009. – 284 с.
 105. Костина А.В., Теоретические проблемы современного культурологического знания: методы, подходы, концепции, понятия [Текст]: учебное пособие / А. В. Костина ; Московский гуманитарный ун-т. – Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2013. – 237 с.
 106. "Кто мы?". Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России [Текст]: коллективная монография / [А. В.

- Костина и др.; отв. ред. А. В. Костина]; Московский гуманитарный ун-т. – Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2011. – 311 с.
107. Куда идет человечество: (Критич. очерки немарксистских концепций будущего) / Г. Х. Шахназаров. – М.: Мысль, 1985. – 192 с.
 108. Кудрявцева Т.В. К динамике немецкоязычного литературного пространства. Литература Лихтенштейна //Материалы XXI зональной конференции литературоведов Поволжья. 16–17 мая 2008. В 3 ч. Часть 3. / Предисл. А.М. Калимуллина. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 107–110.
 109. Кудрявцева Т.В. К определению исторических границ национальной литературы (немецкая литература) // «Проблемы культурного пограничья». Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940-2012). Москва, ИМЛИ РАН. 2014. С 210–238.
 110. Кудрявцева Т.В. Новейшая немецкая поэзия (1990—2000-е гг.): основные тенденции и художественные ориентиры. М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 343 с.
 111. Кудрявцева Т.В. О новой концепции истории немецкой литературы XX века 2010. // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук. Международный научный сборник. Отв. редакторы А.А.Гугнин и Д.А.Кондаков. Полоцк, 2010. С. 42–51.
 112. Кудрявцева Т.В. Особенности немецкоязычного литературного пространства в условиях интегрирующей Европы // Вопросы филологии. № 1. 2004. С. 45–49.
 113. Кулькина В.М. Гетеротопия как способ анализа пространства. (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. №2. С. 21-28.
 114. Кургинян М. Романы Томаса Манна (формы и метод). – М.: Худож. Лит., 1975. – С. 162–211.
 115. Лебедева Ю. Н. Феномен бюргерства и повествовательный метод романов Томаса Манна : дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Лебедева Юлия Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2015. – 204 с.
 116. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. и др. Античная литература: Учебник для высшей школы / Под ред. А.А. Тахо-Годи. - 5-е изд., дораб. – М.: ЧеРо, 1997. – 543 с.

117. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Ю. М. Лотман, Избранные статьи. Т.1. – Таллин, 1992. – С. 129–132.
118. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1970. – 108 с.
119. Львова М. А. Сущность и содержание феномена национальной идентичности в современных философских, социальных и политических теориях : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2004. – 23 с.
120. Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности. // Известия Уральского государственного университета, № 33, 2004. С. 238-246.
121. Мазенова М.В. (Бурханова М.В.), Берлин как художественный образ в литературе объединённой Германии // Мир Науки, Культуры, Образования. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 2020. №1 (80). С. 271–273
122. Макарова, Н.А. Особенности поэтики романов и повестей Т. Фонтане 80–90-х годов XIX века: специальность 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья» ; диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Макарова Наталья Анатольевна. – Орел, 2001. – 214 с.
123. Максимычев И. Ф. Берлинский дневник (1989–1992 гг.). – М.: РАН, 2019. – 288 с.
124. Мандель Е. М. Гауптман и прогрессивные тенденции немецкой философской мысли // Проблемы реализма XIX-XX века. – Саратов, 1973. – 200 с.
125. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм // Идеология и утопия; пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
126. Мартынов Д. Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 162–171
127. Максимова С. В. Античный миф в прозе К.С.Льюиса и Г.Э.Носсака 40–50-х гг. : специальность 10.01.03. «Литература народов стран зарубежья» ; автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Максимова Светлана Валерьевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2009. – 27 с.

128. Медведева Т. С. Концепт *Sicherheit* в немецкой лингвокультуре // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. №2. С. 46-52
129. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме : учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. - Москва : Флинта : Наука, 2007. - 220 с.
130. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986. –319 с.
131. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 407 с.
132. Меньщикова М.К. Историческое событие и историческая личность в контексте утопического / антиутопического дискурса (на материале немецкой драматургии 30-70 гг. XIX века) // COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA, red. tomu Ewa Kozak, Ludmiła Mnich, Siedlce 2016. T. XXIII. 2016. С. 75–83.
133. Меньщикова М.К. Национальный миф в немецкой драматургии 30–70 гг. XIX века // Российский гуманитарный журнал. № 1. Т. 5. 2016. С. 52–57.
134. Меньщикова М.К. Философский дискурс немецкой драматургии 30-70 гг. XIX века // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. № 3 (23). 2018. С. 27–37.
135. Мисюров Н. Н. Хранители короны Священного Рейха: (Об "имперской" христианской утопии немецких романтиков) // Филологический ежегодник / Ом. гос. ун-т. – Омск : ОмГУ, 1998 - .Вып. 2 / [Редкол.: Н. Н. Мисюров (отв. ред.) и др.]. – 1999. С .58–67
136. Мнацаканян М.О. Нации, «нациестроительство» и национально-этнические процессы в современном мире // Социс. 1999. № 5. – С. 118–127.
137. Нации и национализм в Германии, 1770-1990 / Отто Данн; Пер. с нем. И.П. Стребловой; [Послесл.: Б.В. Марков]. – СПб.: Наука, 2003. – 468 с.
138. Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI веков: коллективная монография. — Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2016. 677 с.

139. Национальные коды в контексте исторической эпохи: коллективная монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 611 с.
140. Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: коллективная монография. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2018. – 626 с.
141. Национальная проблема: (Борьба национальностей в Австрии) / Рудольф Шпрингер; Пер. с нем. М. Брагинского и А. Брумберга; Под ред. и с предисл. М. Ратнера. – Санкт-Петербург : Обществ. Польза, 1909. – 293 с.
142. Национальное самосознание как форма превращенная социальных отношений: [Монография] / О. С. Новикова; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Моск. пед. гос. ун-т. – М. : Прометей, 1998. – 170 с.
143. Немецкая литература 1990-х годов: ситуация "поворота" / Д. А. Чугунов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006 (Воронеж : ИПФ Воронеж). – 286 с.
144. Немецкоязычная литература: учеб. пособие / Т.Ю. Глазкова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.
145. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976. – 358 с.
146. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
147. Очерки по истории зарубежной литературы XX века : учеб. пособие / В. Г. Новикова, Т. А. Шарыпина ; Федер. агентство по образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Госуниверситета, 2005 – (Н.Новгород : Тип. Нижегород. гос. ун-та). Ч. 1. – 2005. – 315 с.; Ч. 2. – 2008. – 233 с.
148. Павлова Н. С. Типология немецкого романа (1900-1945): монография. – М.: Наука, 1982. – 280 с.
149. Полубояринова Л.Н. Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II: между консерватизмом и модерном. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2014. С. 23–32

150. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / Попова М. К. - Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004 (Тип. ВГУ). 169 с.
151. Потёмина М.С. Берлин в современной немецкой литературе. Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. № 2; 2013: С. 63–70
152. Потёмина, М. Болевой синдром объединения: «Nox» Т. Хеттхе, Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 2. С. 43–49.
153. Потёмина М. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф. К. Делиуса «Груши Риббека», Балтийский филологический курьер. 2013. № 9. С. 92–96.
154. Потёмина, М. «Остальгия» в литературе объединённой Германии/ В. Грешных // Балтийский филологический курьер: науч. журн., 2007. № 6. С. 237–249.
155. Прощина Е. Г. «Неужели всегда нужно быть настолько немцем?»: иронический контекст немецкой идентичности в романе Д. Кельмана «Измеряя мир» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 561–565.
156. Рацибурская Л.В., Шарыпина Т.А. Актуальные проблемы изучения западноевропейской и русской ментальности (по итогам всероссийской научной конференции «Национальные коды в языке и литературе. Особенности концептосферы национальной культуры») // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 1. С. 22–33.
157. Руткевич А.М. Примечания к «Мифу о Сизифе» // Камю «Бунтующий человек». – М.: Политиздат, 1990. – С. 379–384
158. Сванидзе, А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения / А. А. Сванидзе // Город как социокультурное явление исторического процесса / под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1995. - С. 29–31.
159. Семёнов Ю. И. «Этнос, нация, диаспора» // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. С. 64-74
160. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – 458 с.
161. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

– 543 с.

162. Степанова А. А. Закат Европы Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930-х гг. – СПб: Алетейя, 2015. – 496 с.
163. Тахтарова С. С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №3. С. 207–212
164. Тенгберген М., Михайлова И. Антверпен литературный. Антверпенский поэт Паул ван Остайен. В сб.: Санкт-Петербург-Антверпен. 50 лет партнерства. СПб.: «Европейский дом», 2008. – С.149–171.
165. Теория литературы : учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004. – 404 с.
166. Типология немецкого романа, 1900–1945 / Н. С. Павлова. – М. : Наука, 1982. – 279 с.
167. Тойнби А. Исследование истории. – М.: Астрель, 2011. – 670 с.
168. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект пресс, 2001. – 334 с.
169. Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–180
170. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Сост. В. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
171. Федоров А.А. Томас Манн. Время шедевров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 336 с.
172. Филько А. Изучение феномена города и городского пространства в современных социальных исследованиях (историографический обзор) // Социодинамика. – 2015. - № 7. – С.51–64.
173. Фрадкин И. Фонтане // История немецкой литературы: В 5 т./ Под общ. ред. Н.И. Балашова и др. – М.: Наука, 1968.- Т.4.- С. 187–230.
174. Фрадкин И.М "Человеческая комедия" Теодора Фонтане // ФонтанеТ. Шах

- фон Вутенов.- Пути-перепутья.- Госпожа Женни Трайбель.М., 1971. С. 3–24.
175. Франсуа Э. «Места памяти» по-немецки // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 30–44
 176. Фролова А.С. Тема философского осмысления истории в драматургии Хайнера Мюллера (70-90-е гг) // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность - современность: коллективная монография. – Нижний Новгород. Деком, 2018. С. 343–348.
 177. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: КАМІ, 1995. С. 209–245
 178. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16–50
 179. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
 180. Хапаева Д. Время собственное (Время в культуре XX—XXI вв.) – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 204-215.
 181. Хаттон П. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – Спб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.
 182. Чугунов Д. А. Новые лица немецкой литературы. – Воронеж: Институт ИТОУР, 2010. – 74 с.
 183. Чугунов Д. А. Особенности «романа воспитания» в новейшей немецкой литературе. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – С. 79-84
 184. Чугунов Д. Чем же было это «прошлое»? (о феномене ГДР в немецкой литературе 1990-х годов) / В. Грешных // Балтийский филологический курьер: науч. журн., 2007. С. 225–236.
 185. Шарыпина Т. А., Восприятие античности в литературном сознании Германии XX века: Троянский цикл мифов: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.05. – Нижний Новгород, 1998. – 532 с.
 186. Шарыпина, Т.А. Европейское литературное сознание в поисках новой

- идентичности (по итогам конференции «национальные коды в западноевропейской литературе XX и XXI веков») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-1. С. 390–397.
187. Шарыпина Т. А. Единство в многообразии: литературное пространство Германии ушедшего столетия (о научно-исследовательском проекте «Литературный процесс в Германии XX и XXI веков» ИМЛИ РАН) / Т. А. Шарыпина, Т. В. Кудрявцева // Научный диалог. 2018. – № 8. – С. 317–334.
 188. Шарыпина Т.А. Интерпретация античного сюжета в романе Носсака «Некийя» // Вестник ННГУ: Филология. Выпуск 1., Н. Новгород: Изд-во ННГУ. 1999. С. 110–116.
 189. Шарыпина, Т. А. «Ифигения в Тавриде» Гёте на рубеже XXI века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2001. № 1. С. 116–124.
 190. Шарыпина Т.А., Кудрявцева Т.В. К проблеме изучения немецкой идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 296–303.
 191. Шарыпина, Т.А., Кудрявцева Т.В. Проблемно-тематический комплекс «оси-веси» в литературе воссоединенной Германии (на примере поэзии 1990–2000-х годов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 105–118.
 192. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX вв. : Материалы спецкурса / Т. А. Шарыпина; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. –111 с.
 193. Шарыпина, Т. А. Международная научная конференция «Литературный процесс в Германии XX века (течения и фигуры)» и проект «История литературы Германии: XX век» // Вестник ННГУ, 2012. № 2 (1). С. 403–406.
 194. Шарыпина, Т.А. «Мифический элемент» в драматургии объединенной Германии (Бото Штраус «Итака») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 292–296.

195. Шарыпина Т.А. Проблема взаимодействия видов искусств в немецкой философско-эстетической мысли на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 993–997.
196. Шарыпина, Т. А. Роман Б. Шлинка «Возвращение» в контексте немецкой литературы новейшего времени // Материалы Международной научной конференции «Язык, литература, культура на рубеже XX–XXI веков». Н.Новгород. Вестник ННГУ. № 6(2). 2011. С. 1–11.
197. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 529 с.
198. Щербакова А.В. Немецкий национальный характер в публицистической литературе Германии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXIX междунар. науч.-практ. конф. № 10(29). – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 230–236
199. Юнг К.Г. Психологические типы. – СПб.; М., 1995. – 317 с.
200. Якушева Г. В. Томас Манн // Литературный процесс в Германии первой половины XX века (ключевые и знаковые фигуры) / отв. ред. В. Д. Седельник и др. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 318–369.
201. Applegate C., Potter P. Germans as the «People of Music»: Genealogy of an Identity // Applegate C., Potter P. (ed.) Music & German National Identity. – Chicago, 2002. – S. 36–58.
202. Assmann A., Frevert U. Geschichtsvergessenheit, Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – 318 S
203. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung u. polit. Identität in frühen Hochkulturen / Jan Assmann. – München: Beck, Cop. 2007. – 344 S.
204. Bergem W. Die NS-Diktatur im deutschen Erinnerungsdiskurs / Wolfgang Bergem (Hg.), – Opladen: Leske + Budrich, 2003. – 243 S.
205. Bergem W. Identitätsformationen in Deutschland. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 35 S.
206. Bergem W. Krise der Vereinigung? Ost-und west deutsche intellektuelle Diskurse in den neunziger Jahren // Bernhard Claußen / Wolfgang Donner / Gerhard Voigt

- (Hg.): Krise der Politik – Politische Bildung in der Krise? Diskurse im Kontext von Globalisierung und Ost-West-Perspektiven, Gliencke/Berlin und Cambridge/Massachusetts: Galda + Wilch, 2001, S. 109–132.
207. Bergem W. Nationale Identität: Fatum oder Fiktion? // Die nationale Identität der Deutschen: Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten, Frankfurt a. M. u.a.: Peter Lang, 2002, S. 15–55.
 208. Beyme K. von. Kulturpolitik und nationale Identität // Studien zur Kulturpolitik zwischen staatlicher Steuerung und gesellschaftlicher Autonomie. Opladen/Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – S. 36–114
 209. Bialas W. Die nationale Identität der Deutschen. Philosophische Imaginationen und historische Mentalitäten / Bialas Wolfgang (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. – 304 S.
 210. Borchmeyer D., Was ist Deutsch? Die Suche einer Nation nach sich selbst – Hamburg: Rowohlt, 2017. – 1055 S.
 211. Brunssen F. Das neue Selbstverständnis der Berliner Republik. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2005. – 169 S.
 212. Brüns E. Nach dem Mauerfall: Eine Literaturgeschichte der Entgrenzung. – München: Wilhelm Fink, 2006. – 315 S.
 213. Cvetko, A.J. ... durch Gesänge lehrten wir..., Johann Gottfried Herder und die Erziehung durch Musik: Mythos – Ideologie – Rezeption [Текст] / A.J.Cvetko. –Frankfurt am Main etc: Lang, 2006. – 475 S
 214. Dakhli L., Lemire V., Rivet D. Pour une histoire collective et décroisée du Proche-Orient contemporain, Vingtième Siècle. Revue d'histoire 3 (2009), 103, S. 3–11.
 215. Dahrendorf, M. Literaturdidaktik im Umbruch: Aufsätze zur Literaturdidaktik, Trivialliteratur, Jugendliteratur [Текст] / M.Dahrendorf. – Düsseldorf: Bertelsmann, 1975. – 321 S.
 216. Delectatio: Unterhaltung und Vergnügen zwischen Grimmelshausen und Schnabel [Текст]. – Bern etc: Lang, 2009. – 233 S.
 217. Deutsche Literaturgeschichte in einem Band [Текст]. – Berlin: Volk u. Wissen,

1968. – 768 S.
218. Dick M. Der junge Heinse in seiner Zeit: zum Verhältnis von Aufklärung und Religion im 18. Jahrhundert [Текст] / M.Dick. –München: Fink, 1980. – 269 S.
 219. Die Aufklärung und ihre Weltwirkung [Текст]. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. – 321 S.
 220. Ditfurth Ch. von. Die Mauer steht am Rhein. Deutschland nach dem Sieg des Sozialismus. – Köln, 1999. – 87 S.
 221. Ebeling F.W. Geschichte der komischen Literatur in Deutschland während der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts: In 3 Bdn [Текст] / F.W.Ebeling. – Leipzig: Kahnel, 1869.
 222. Eine Literatur für den Leser [Текст]. – Aachen: Shaker, 2003. – 129 S.
 223. Enzensberger H. M., Büchner Prize Speech, Stuttgart: Reclam, 1972. – S. 126.
 224. Enzyklopaedie der gesammten musikalischen Wissenschaften, oder Universal-Lexikon der Tonkunst [Текст]. – 2. Auflage. – Stuttgart: Verlag von F.H.Köhler, 1840. – Bd. 1. – S.194–198.
 225. Erläuterungen zur deutschen Literatur: Klassik [Текст].–Berlin: Volk und Wissen, 1971. – 508 S.
 226. Eschebach I. Öffentliches Gedenken. Deutsche Erinnerungskulturen seit der Weimarer Republik. – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2005. – 190 S.
 227. Frach F. Schloss Wiepersdorf: das "Künstlerheim" unter dem Einfluss der Kulturpolitik in der DDR. Berlin: Ch. Links Verlag. 2012. – S. 206–207
 228. Fohrmann J. Abenteuer und Bürgertum: Zur Geschichte der deutschen Robinsonaden im 18. Jahrhundert [Текст] / J.Fohrmann. –Stuttgart: Metzler, 1981. – VIII, 331 S.
 229. Friedenspreis des deutschen Buchhandels. Martin Walser: Text der Ansprachen. Frankfurt am Main: Börsenverein des Deutschen Buchhandels (Hg.), 1998. – 67 S.
 230. Gätje H., Singh S., Identitätskonzepte in der Literatur. – A. Francke Verlag, 2020. – S. 280
 231. Gedächtnis und Identität: Die deutsche Literatur nach der Vereinigung / Fabrizio Cambi (Herausgeber), – Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2008. – 356 S.
 232. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart

- [Текст]. – Berlin: Volk u. Wissen, 1979. – Bd.6, 7.
233. Glaser H.A. Das bürgerliche Rührstück. Zum Zusammenhang von Sentimentalität und Autorität in der trivialen Dramaturgie Schröders, Ifflands, Kotzebues und anderer Autoren am Ende des achtzehnten Jahrhunderts [Текст] / H.A.Glaser. – Stuttgart: Metzler, 1969. – 88 S.
 234. Grub F. T. "Wende" und "Einheit" im Spiegel der deutschsprachigen Literatur: Ein Handbuch / Frank Thomas Grub. - Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2003. – 689 S.
 235. Greiner M. Vom Gattungsroman zum Entwicklungsroman: Die Entfaltung und Ausbreitung der Banalität im bürgerlichen Roman des 18. Jahrhunderts [Текст] / M.Greiner // Erforschung der deutschen Aufklärung / Hrsg. Peter Putz. – Königstein / Ts.: Athenäum etc., 1980. – S. 218–234.
 236. Habermas J. Vom öffentlichen Gebrauch der Historie. Das offizielle Selbstverständnis der Bundesrepublik bricht auf // "Historikerstreit". Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München: R. Piper Verlag, 1987. S. 243–255
 237. Hettner H. Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert: In 2 Bdn [Текст] / H.Hettner. –Berlin; Weimar: Aufbau, 1979.
 238. Huhnholz S. Geschichte/Gedenken / Sebastian Huhnholz. – Wiesbaden: Rüdiger Voigt (Hrsg.): Handbuch Staat. 1. Auflage. Band 1, 2018. S. 451–463
 239. Inkeles A., Levinson D. J., National character: The study of modal personality and sociocultural systems // The handbook of social psychology, Vol. 4. 1969. Pp. 418–506.
 240. Jacoby R. Picture imperfect: Utopian thought for an anti-utopian age. – N. Y. : Columbia University Press, 2005. – 211 p.
 241. Jeismann M. Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. – 216 S.
 242. Jurt J. Sprache, Literatur und nationale Identität. Die Debatten über das Universelle und das Partikuläre in Frankreich und Deutschland, - De Gruyter, Berlin 2014. 306 S.
 243. Kerstin E. Reimann Schreiben nach der Wende – Wende im Schreiben? –

- König-hausen&Neumann – 337 S.
244. Kluge H. Geschichte der deutschen National-Literatur [Текст] / H.Kluge. – Altenburg: Bonde, 1911. – 502 S.
 245. Knobloch H.-J. Deutsche Einheit im Roman? // Knobloch H.-J., Koopmann H. (Hrsg.). Der «gesamtdeutsche» Roman seit der Wiedervereinigung. Tübingen: Stauffenburg, 2003. S. 25–26.
 246. Kristiansen B. Uniform - Form - Überform: Thomas Manns „Zauberberg“ und Schopenhauers Metaphysik. – Kopenhagen: Akademisk Forlag, 1978. – 390 S.
 247. Leier N. Wendeliteratur – Literatur der Wende? Der Mauerfall in ausgewählten Werken der deutschen Literatur // Deutschlehrertag der Académie Montpellier. 2010. – S. 12–13.
 248. Mommsen W.J. Wandlungen der nationalen Identität // Die Identität der Deutschen. Hrsg. W.Weidenfeld. – München; Wien: Carl Hansen Verlag, 1983. – 45 S.
 249. NS-Vergangenheit, Antisemitismus und Nationalismus in Deutschland / Butterwegge Christoph (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 1997. – 239 S.
 250. Peter J. Brenner: Neue deutsche Literaturgeschichte: vom «Ackermann» zu Günter Grass. – Niemeyer, Tübingen, 1996, (2., aktualisierte Aufl. 2004). – 285 S.
 251. Plessner H. Die verspätete Nation. Über die Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. – 195 S.
 252. Recasting German identity: culture, politics, and literature in the Berlin Republic / edited by Stuart Taberner and Frank Finlay. – NY: Camden House, 2002. – 286 p.
 253. Renan E., Qu'est-ce qu'une nation? – Paris: Calmann Lévy, 1882. – 26 P.
 254. Saariluoma L. Die Erzählstruktur des frühen deutschen Bildungsromans: Wielands „Geschichte des Agathon“, Goethes „Wilhelm Meisters Lehrjahre“ [Текст] / L.Saariluoma. – Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1985. – 461 S.
 255. Seghers. A. Über Kunstwerk und Wirklichkeit. Berlin, 1970. – 154 S.
 256. Selbmann R. Der deutsche Bildungsroman. – Stuttgart-Weimar: Metzler, 1994. – 204 S.
 257. Scharfschwerdt J. Thomas Mann und der deutsche Bildungsroman. Eine Untersuchung zu den Problemen einer literarischen Tradition. – Stuttgart: W.

- Kohlhammer Verlag, 1967. – 284 S.
258. Scherer W. Geschichte der Deutschen Litteratur [Текст] / W.Scherer. – 10. Aufl. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1905. – 827 S.
 259. Schneider P. Der Mauerspringer. – Darmstadt: Neuwied, 1984. – 236 S.
 260. Schnittman S. Musical Motives in Thomas Mann's "Tristan" // MLN. Vol. 86, No. 3, German issue. 1971. – S. 399–414.
 261. Schröter D. Deutschland einig Vaterland. Wende und Wiedervereinigung im Spiegel der zeitgenössischen deutschen Literatur. – Leipzig; Berlin: Edition Kirchhof & Franke, 2003. – S. 91–107
 262. Schwilk H. Wendezeit-Zeitenwende. Beiträge zur Literatur der achtziger Jahre. – Bonn; Berlin: Bouvier Verlag, 1991. – S. 220
 263. Sengle F. Das deutsche Geschichtsdrama. Geschichte eines literarischen Mythos [Текст] / F. Sengle. – Stuttgart: Metzler, 1952. – VIII. 189 S.
 264. Sontheimer K. Ein deutscher Sonderweg? // Die Identität der Deutschen. Hrsg. W.Weidenfeld. – München; Wien: Carl Hansen Verlag, 1983. – 273 S.
 265. Spiero H. Geschichte des deutschen Romans [Текст] / H.Spiero. – Berlin: Walter de Gruyter, 1950. – VIII. 591 S.
 266. Stableford B. Dystopia // Science Fact and Science Fiction: An Encyclopedia. – Taylor & Francis, 2006. – P. 133–135.
 267. Steinecke H. Die Entwicklung der deutschen Romanpoetik von Hegel bis Fontane [Текст] / H.Steinecke // Romanpoetik in Deutschland: Von Hegel bis Fontane. – Tübingen: Narr, 1984. – S.3–21.
 268. Vergau J. Aufarbeitung von Vergangenheit vor 1989 nach. Eine Analyse des Umgangs mit den historischen Hypothesen totalitärer Diktaturen in Deutschland. – Marburg: Tectum Verlag, 2000. – 265 S.
 269. Weidenfeld W. Die Identität der Deutschen – Fragen, Positionen, Perspektiven // Die Identität der Deutschen. Hrsg.: Werner Weidenfeld. – München; Wien: Carl Hansen Verlag, 1983. – S. 13–49.
 270. Weidenfeld W., Korte K. Die Deutschen: Profil einer Nation. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1991. – 275 S.

271. "Wende" und "Einheit" im Spiegel der deutschsprachigen Literatur : Ein Handbuch / Frank Thomas Grub. – Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2003. – 689 S.
272. Wehdeking V. Vorwort // Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit (1990–2000). – Berlin, Schmidt, 2000. – 248 S.
273. Wolf C., Überlegungen zum 1. September 1939. – Frankfurt am Main: Luchterhand, 1990. – S. 72.
274. Wort und Schrift –Das Werk Friedrich Gottlieb Klopstocks [Текст]. – Halle: Verl. der Franckeschen Stiftungen, 2008. – S.491.
275. Wysling H. Der Zauberberg // Thomas-Mann-Handbuch / hrsg. von H. Koopmann. – Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. – S. 397–422.
276. Zwischen Kunst und Wissenschaft: Jakob Michael Reinhold Lenz [Текст]. – Bern (etc.): Lang, 2006. – 307 S.

Электронные ресурсы:

277. Арто, А. // Журнал «Сеанс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://seance.ru/blog/artaud/> (дата обращения: 6.01.2017)
278. Баскакова Т.А. Башня. История с затонувшей земли (отрывки из романа): ЛитМир Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=244603> (дата обращения 15.10.2014).
279. Гауптман – король острова Хиддензе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 15.03.2016)
280. Интервью Кита Томпсона с Карлосом Кастанедой // Журнал «New Age». Март–апрель 1994 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.castanedadr.ru/cc/inter/inter13a.htm>
281. Интервью У. Телькампа с Сюзанной Фюрер // Deutschlandfunk Kultur [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.deutschlandfunkkultur.de/tellkamp-marketing-maschinerie-hat-meinem-buch-geholfen.954.de.html?dram:article_id=143749
282. Историко-интеллектуальный клуб – общетематический сайт, образованный в 2011 году группой энтузиастов из разных стран [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istinclub.ru/herr-von-ribbeck-auf-ribbeck/> (дата обращения: 14.03.2013)

283. Кабанова И. А. Теории национальной идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vsu.ru
284. Кауганов Е.Л. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. М.: ИЭА РАН, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://static.iea.ras.ru/books/Ocherki_identichnosti_Martynova.pdf
285. Манн Т., Тонио Крегер//Электронная библиотека ЛитМир [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=19081&p=8>
286. Мюллер, Х. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/theatre/10599> (дата обращения: 19.10.2016)
287. Носсак. Библиография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.live-lib.ru/author/230865-gans-erih-nossak> (Дата обращения: 3.12.2017)
288. Остров Хиддензе. История. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.deutschlanddeutsch.ru/turizm/dostoprimechatelnosti/1166-ostrov-khiddenze.html> (дата обращения: 11.03.2016)
289. Палей М. К уклончивой звезде // Новый Мир. – 1997, №7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/7/neyhov-pr.html (дата обращения: 17.11.2016)
290. Поэтические переводы с немецкого. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foren.germany.ru/showmessage.pl?Number=34987735&Board=literat> (Дата обращения: 3.09.2013)
291. Проект COLTA.RU. Владимир Колязин отвечает Марине Давыдовой. Еще раз о Хайнере Мюллере и русском театре. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/theatre/10649> (Дата обращения: 3.12.2016)
292. Рембо А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zagadki-istorii.ru/lubov-36.html#ixzz4gnp3MiEc> (дата обращения: 6.01.2017)
293. Худолей Н.В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации//Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, Россия [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://culture-code.ru/wp-content/uploads/2015/12/%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82->

[%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BA%D0%BE%D0%B4.pdf](#)

294. Чертенко А., «Московское мороженое» Аннетт Грешнер: память о «зоне культурного отчуждения» // Журнальный клуб Интелрос » Неприкосновенный запас » № 4, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n4-2015/28095-moskovskoe-morozhenoe-annett-greshner-pamyat-o-zone-kulturnogo-otchuzhdeniya.html>
295. Этничность и этническая идентичность. // курс лекций по Этнополитологии, Балтийский государственный технический университет, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-etnopolitologiya/287-lektsiya-2-etnichnost-i-etnicheskaya-identichnost>
296. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis // Thomas Mann und Ägypten. Mythos und Monotheismus in den Josephsromanen Beck, München 2006. S. 67–75 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://z5h64q92x9.net/proxy_u/de-ru.ru/https/books.google.de/books?id=6f_w-ZQdSAQC&pg=PA70&q=kommunikatives+Ged%C3%A4chtnis#v=onepage&q=kommunikatives%20Ged%C3%A4chtnis&f=false
297. Cornelißen C. Was heißt Erinnerungskultur? Begriff – Methoden – Perspektiven. In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 54, 2003, S. 548–563 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docupedia.de/zg/Erinnerungskulturen_Version_2.0_Christoph_Corneli%C3%9Fen
298. Dahms F., Durs Grünbein - poetologisches Konzept oder kontradiktorische Poesie?, München, GRIN Verlag, 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.grin.com/document/174560> (Дата обращения: 13.02.2017)
299. Deutsche Welle. Роман года «Крузо»: робинзонада в терпящей крушение ГДР. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dw.com/ru> (Дата обращения: 03.01.2017)
300. Friedrich von Ribbeck, ein siebenfacher Enkel des freigebigen Ahnen, hat eine andere Darstellung (s. „Familienchronik“) auf seiner Webseite veröffentlicht und die Delius-Erzählung kommentiert (s. „Zum Buch von Herrn Delius - Anfrage einer Schülerin“. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vonribbeck.de/html> (дата обращения

01.05.2014).

301. Goethe institut. Lutz Seiler. A literary late-starter. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.goethe.de/en/kul/lit/20440634.html> (дата обращения: 24.03.2017)
302. Generation Trabant. Angekommen im neuen Deutschland? "Zonenkinder" im Gespräch // Die Welt. 2002. 9. Nov. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.welt.de/daten/2002/11/09/1109lw367197.htx> (дата обращения 21.04.2013).
303. Humme C., Kamler V. Kleine Bemerkungen zu Theodor W. Adorno [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hgb-leipzig.de/mahnmal/adorno.html>
304. Kersten S. Mauerfall-, Post-DDR-, Vereinigungs-, Nachwende- oder doch Wendeliteratur? Eine kleine Expedition durch einen großen Begriffdschungel // Schwerpunkt I: 25 Jahre Deutsche Einheit. 2015. – № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://literaturkritik.de/id/21125>
305. Ledanff S. Die Suche nach dem "Wenderoman" - zu einigen Aspekten der literarischen Reaktionen auf Mauerfall und deutsche Einheit in den Jahren 1995 und 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20081201143007/http://www.dickinson.edu/glossen/heft2/wende.html>
306. Litrix.de; German literature on-line. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litrix.de/ru/buecher.cfm?publicationId=144> (дата обращения 21.04.2013).
307. Nickel G., "Wer weiß, was Sehnsucht ist, wird mich verstehen" Uwe Tellkamp baut seine Leipziger Poetikvorlesung auf Sand. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=12847
308. Obenaus H. Stasi kommt – Nazi geht? // DIE ZEIT. Ausgabe Nr. 32/1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.zeit.de/1992/32/stasi-kommt-nazi-geht/komplettansicht?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F
309. Platthaus, A. Die Zeit ist des Teufels. Hoch über Dresden erhielt sich unter prekären Umständen mitten im Sozialismus eine Bildungsbürgerwelt: Uwe Tellkamps monumentaler Roman ‚Der Turm‘ erzählt vom Untergang der DDR: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.09.2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/uwe-tellkamp-der-turm-die-zeit-ist-des-teufels-1700657.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2 (дата обращения

- 16.10.2014).
310. Sabrow M. Der „Tag von Potsdam“ – Zur Geschichte einer fortwährenden Mythenbildung, S. 1-6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://garnisonkirche-potsdam.de/fileadmin/user_upload/Website/Dokument/vortraege_und_predigten/2011022__0_tagvonpotsdam.pdf
 311. Schmidt K. Im Wattenmeer der Utopie // Der Freitag. 2000. № 28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.freitag.de/2000/28/00281601.htm> (дата обращения 21.04.2019).
 312. Tagesspiel [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/30-jahre-mauerfall-wie-die-literatur-auf-die-wende-reagierte/25196334.html>
 313. Tellkamp, U. Die deutsche Frage der Literatur: Was war die DDR?: Quelle: F.A.Z., 16.08.2007, Nr. 189 / Seite 29. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/debatte-die-deutsche-frage-der-literatur-was-war-die-ddr-1460022.html> (дата обращения 16.10.2019)
 314. Verlage Suhrkamp. Lutz Seiler. Kruso. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.suhrkamp.de/lutz-seiler/kruso_1206.html (дата обращения: 12.11.2019)
 315. Wunnicke R., Uwe Tellkamp „Der Turm“. Eine literarische Quelle für bürgerliche Lebenswelten in der DDR, in: Zeitgeschichte-online, März 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zeitgeschichte-online.de/geschichtskultur/uwe-tellkamp-der-turm>
 316. Zum Buch von Herrn Delius – Anfrage einer Schülerin [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110902141603/http://www.vonribbeck.de/html/kinder.html>

Словари и справочники:

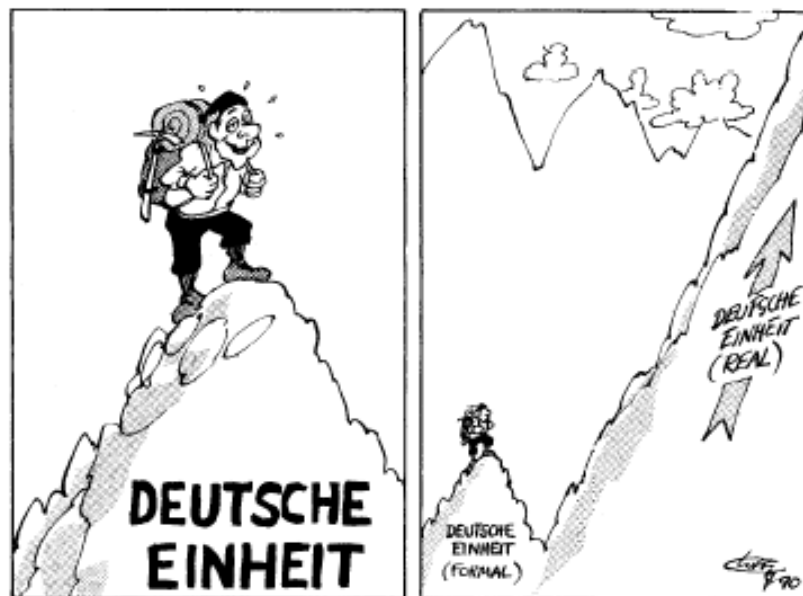
317. Белокурова С. П., Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. - Санкт-Петербург: Паритет, 2006. – 314 с.
318. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. - М.: Вече: АСТ, 2003 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). – 509 с.

319. Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Психологический словарь. 2-е. — М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 440 с.
320. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1985.
321. Литературный энциклопедический словарь (под общ. ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А.). М.: Сов. Энциклопедия, 1987.
322. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. — М.: Аграф, 1997. — 384 с.
323. Глоссарий кафедры зарубежной литературы ННГУ [Электронный ресурс].
Режим доступа: <http://culture-code.ru> (дата обращения: 6.12.2019)
324. Словарь литературных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://enc-dic.com/lit/Citata-576/>, <http://enc-dic.com/litved/Alljuzija-39/>, http://enc-dic.com/enc_lit/Reminiscencija-3965.html (дата обращения 23.05.2013)

Приложение

Примеры карикатурных работ на тему объединения Германии.

Конфликт “Ossi” и “Wessi”.

"Uff!" Zeichnung: Rolf Henn, 5.10.1990

(пер. с нем. Немецкое единство.

Немецкое единство (формальное) и немецкое единство (реальное))

Т.Мэйтч (Thomas Meitsch, 1968, Лейпциг), известен под псевдонимом Шварвель (Schwarwel),
немецкий художник-график, иллюстратор, карикатурист, режиссер
(пер. с нем. День немецкого единства)

Сообщество мультфильмов. (Пер. с нем. Август 1961 года (В.Ульбрихт): «Ни у кого нет намерения возводить стену». Более сорока лет спустя (Весси-Осси): «У кого-то нет намерения разрушить стену в головах»).